Дональд Биссет

СКАЗКИ

жук-философ и другие

кукареку и солнце

шшшшшшшш!

под ковром

ББК 84.4Вл
Б65

Перевод с английского *Н. Шерешевской*

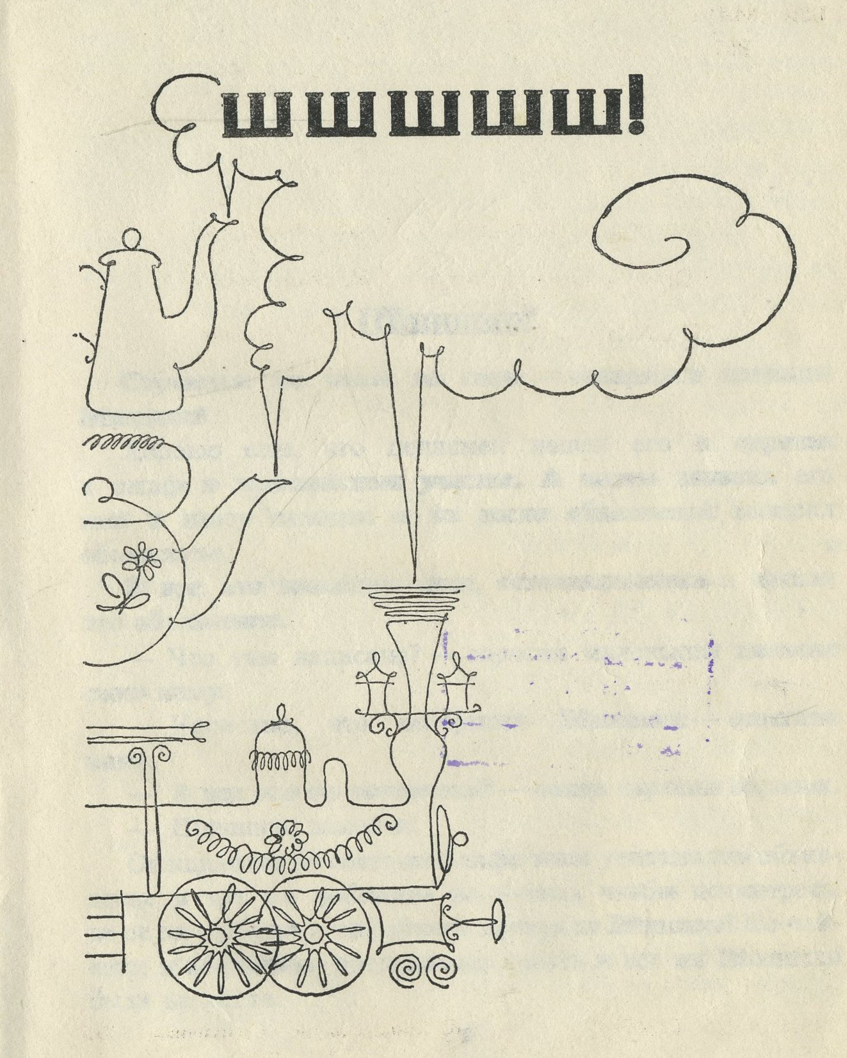
Оформление художника *И. Ивановой*

Иллюстрации художника *В. Алексеева*

Б $\frac{4804000000-039}{079(02)-93}$

ISBN 5—250—02345—2

Шшшшшш!

Шшшшшш!

Случается же такое на свете — потерялся однажды Шшшшшш!

Хорошо еще, что полисмен нашел его и спрятал в шкаф в полицейском участке. А потом записал его имя в книгу находок и на доске объявлений вывесил объявление.

И все, кто проходил мимо, останавливались и читали это объявление.

— Что там написано? — спросил маленький мальчик свою маму.

— Написано, что потерялся Шшшшшш! — ответила мама.

— А как это он потерялся? — опять спросил мальчик.

— Шшшшшш, замолчи!

Официантка из соседнего кафе тоже увидела это объявление и тут же побежала на кухню, чтобы посмотреть, не ее ли чайники и кофейники потеряли Шшшшшш! Но чайники и кофейники продолжали кипеть и все их Шшшшшш! были на месте.

Кинорежиссер, прочитав объявление, поспешил на студию к своей звуковой ленте. На этой неделе у него всего один раз проходило Шшшшш! Но оно оказалось на месте.

А машинист паровоза, увидев объявление, побежал скорее на вокзал к своему паровозу, чтобы проверить — вдруг это его паровоз потерял Шшшшш!

К счастью, все паровозные Шшшшш! были тоже на месте. У каждого настоящего паровоза должно быть много Шшшшш! Иначе паровоз не сможет делать:

— Шшш-шшш, шшш-шшш...

Потом к объявлению подошел мальчик с собакой. Собака залаяла. Она очень любила лаять, собаки вообще любят лаять.

— А ну!..— хотел было шикнуть на нее мальчик.

Собака от удивления перестала лаять и начала бегать вокруг и принюхиваться.

Она искала, куда же девался Шшшшш! Смешная собачонка, ей бы следовало знать, что Шшшшш! ничем не пахнет.

Мальчик прочитал объявление и поднялся по ступенькам в полицейский участок.

— Это я потерял!..— сказал он.

— Что ты потерял? — переспросил его полисмен.

Тут собака залаяла опять.

Шшшшш! — шикнул на нее полисмен.

— Вот это самое! — сказал мальчик.

Полисмен открыл шкаф и выпустил Шшшшш!

Шшшшш! очень обрадовался, что наконец-то нашелся.

— Распишитесь вот здесь! — сказал полисмен мальчику.

Собака опять залаяла.

— Шшшшш! — сказал ей мальчик.— Не шшшшшуми, пожалуйста!

И собака перестала шшшшшуметь.

Блэки и Реджи

Жила-была на свете лошадь. Звали ее Реджи.

По утрам Реджи развозила молоко и каждый раз встречала по дороге своего приятеля Блэки — маленькую черную собачонку.

По правде говоря, Реджи не так уж нравилось развозить молоко. Она всегда мечтала быть скаковой лошадью и брать на скачках призы.

Блэки тоже был не очень доволен своей судьбой. Он мечтал научиться бегать, как настоящая гончая, хотя ноги у него, честно говоря, были коротковаты.

Как-то после обеда они сидели у Реджи в конюшне, играли в «крестики и нолики», и вдруг Блэки осенила идея:

— Реджи, мы должны есть уголь! Паровозы потому так быстро бегают, что едят уголь.

И, обсудив все хорошенько, они решили попытать счастья.

Они спустились в подвал, где хранился уголь, но только взяли по кусочку, как вдруг появилась сама хозяйка миссис Прочь.

— Ах негодные! Таскать мой уголь! А ну прочь отсюда!

Она схватила кусок угля и запустила в них. Реджи и Блэки кинулись бежать.

В жизни они так быстро не бегали!

А как раз в это время мэр города выглянул в окно. Мэра звали Уильям.

— Вот это скорость! — воскликнул он.— Держу пари, эта лошадь получила бы на скачках первый приз. А собака-то, собака! Несется быстрее гончей! Честное слово, они заслужили по медали.

И он выдал Реджи и Блэки по медали.

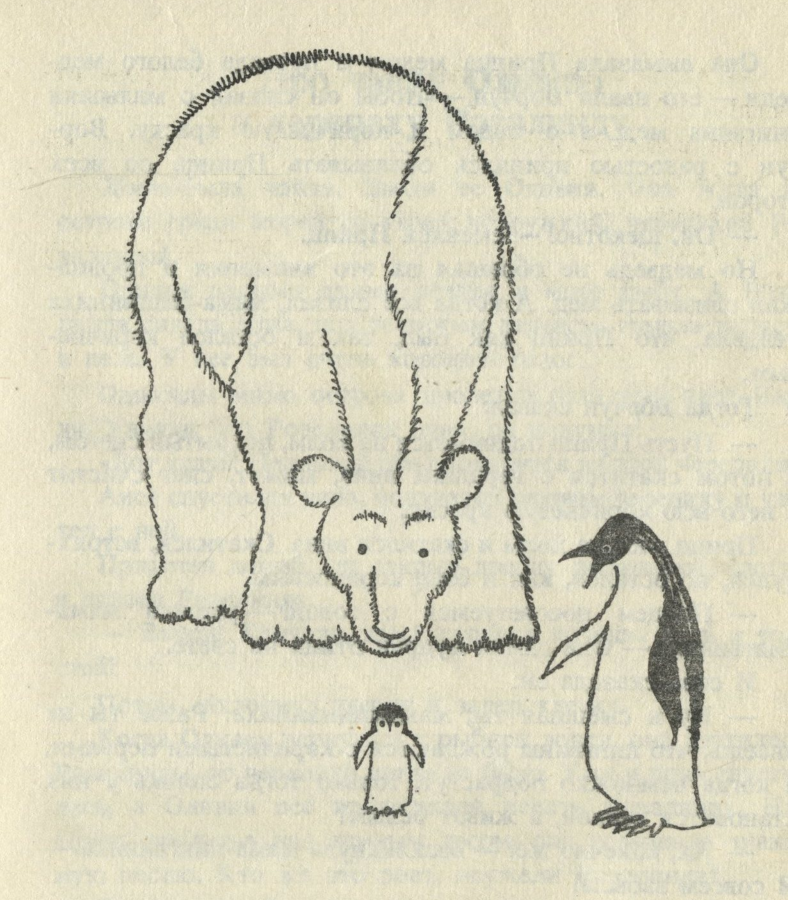
Малышка пингвин по имени Принц

Однажды малышка пингвин из семейства королевских пингвинов — звали его Принц — сидел в яйце и думал, как бы ему поскорее появиться на свет. Уж очень надоело ему сидеть в яйце, хотелось скорее пойти поиграть с другими пингвинами.

Он ударил по скорлупе клювом, потом ногой. Потом забарабанил изо всех сил, скорлупа — к р э к! — и разбилась.

Уф, наконец-то он родился.

Мама-пингвиниха посмотрела на него и глазам своим не поверила. «Вот странно,— подумала она.— Почему же он коричневый? У всех королевских пингвинов на спине черные перья, а на животе белые. Но может быть, если смыть коричневую краску, он тоже будет черный с белым?»

И она попробовала клювом соскрести с Принца коричневую краску, но ничего у нее не получилось. Принц как был коричневым, так и остался.

— Придумала! — сказала мама-пингвиниха и достала из буфета горшочек с медом.

Она вымазала Принца медом и позвала белого медведя — его звали Ворчун,— чтобы он слизал с малышки пингвина мед, а с медом и коричневую краску. Ворчун с радостью принялся облизывать Принца со всех сторон.

— Ой, щекотно! — смеялся Принц.

Но медведь не обращал на это внимания и продолжал слизывать мед. А когда всё слизал, мама-пингвиниха увидела, что Принц как был, так и остался коричневым.

Тогда Ворчун сказал:

— Пусть Принц поднимется на холм, покрытый снегом, а потом скатится с вершины вниз, может, снег счистит с него всю коричневую краску.

Принц влез на холм и скатился вниз. Скатился, встряхнулся, но остался, как и был, коричневым.

— Пойдем посоветуемся с совой! — решила мама-пингвиниха.— Она самая мудрая птица на свете.

И сова сказала ей:

— Ну и смешная ты, мама-пингвиниха. Разве ты не знаешь, что пингвины рождаются с коричневыми перьями, а когда немножко подрастут, только тогда спинка у них становится черной, а живот белым?

— Ах, конечно же! — воскликнула мама-пингвиниха.— Я совсем забыла!

Всё так и получилось.

Когда Принц подрос, он облинял и на спине у него выросли черные перья, а на животе — белые, как у всех королевских пингвинов.

Про чайку Оливию и черепаху Розалинду

Жила-была чайка. Звали ее Оливия. Она жила на острове среди морей со своей подружкой, черепахой Розалиндой.

Оливия целыми днями ловила в море рыбу. А Розалинда сидела дома, под тенистым деревом, грызла капусту и пела. У нее был очень хороший голос.

Однажды мимо острова пролетал голодный аист Чарли. Увидев, что Розалинда одна, он подумал:

«Вот удача! Неплохой обед получится из этой черепахи».

Аист спустился вниз, подхватил клювом черепаху и улетел с ней.

Прилетев домой, он открыл дверцу небольшой клетки и сказал Розалинде:

— Входи! Капусты здесь сколько хочешь. Ешь и толстей!

Потом захлопнул дверцу и запер клетку.

Когда Оливия вернулась с рыбной ловли, она хватилась Розалинды, но черепахи нигде не было. Уже и ночь спустилась, а Оливия все продолжала искать Розалинду. Наконец, пролетая над темным лесом, она услышала знакомую песню. Кто же это поет, неужели Розалинда?

Оливия полетела на голос, спустилась в лес и при лунном свете увидела бедняжку Розалинду, которая пела грустную-грустную песню. А рядом в гнезде спал аист.

— Тише, ни звука,— прошептала Оливия.

Она перекусила своим сильным клювом прутья клетки, и Розалинда вышла на свободу.

Увы, они были слишком далеко от дома, а летать Розалинда не умела. Пришлось им построить плот и плыть к дому по морю. Сквозь бурю и ночь! Оливия привязала к мачте веревку и тянула плот против ветра. А черепаха рулила веслом и пела веселые песенки, чтобы подбодрить себя и Оливию.

Когда они наконец приплыли к своему острову, Оливия привязала Розалинду за хвост к дереву и сказала:

— Теперь ты в безопасности!

И если вам случится когда-нибудь проплывать мимо этого острова и в лунную ночь вы услышите песню, знайте — это поет Розалинда.

Путешествие Джо

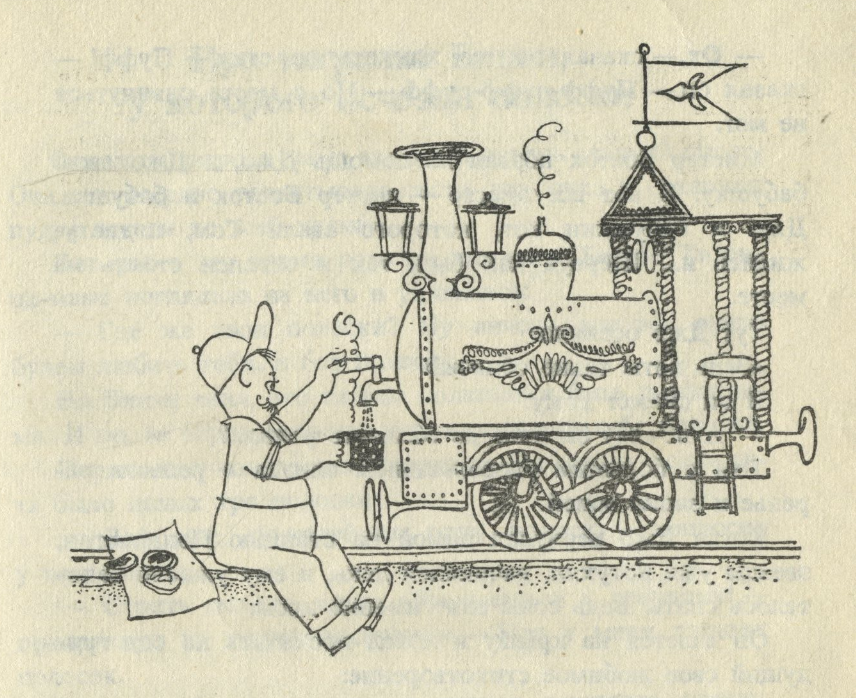
Раз в год дочка начальника станции в Пэддингтоне мыла крышу своего дома, и совы, которые жили на крыше, часто падали вниз, потому что крыша делалась скользкая.

Вот совенок Джо и решил, что, когда в следующий раз придет пора мыть крышу, он уедет на денек в деревню к бабушке в гости. Кому уж охота падать с крыши!

Он сел в поезд, который шел до бабушкиного дома. Паровоз звали Ше́рвуд, а машиниста — мистер Бо́сток.

— У тебя есть билет? — спросил мистер Босток совенка Джо.

— Конечно! — ответил Джо и показал мистеру Бостоку свой билет.

Они поехали.

Как только прибыли на бабушкину станцию, Джо побежал к бабушке. Он прекрасно провел день у бабушки на кухне и долго играл с водопроводным краном в «журчит-не-журчит».

Шервуд тоже неплохо отдохнул и подзаправился углем. А мистер Босток пил чай и ел хлеб с вареньем.

Но он ел неаккуратно и испачкал вареньем рельсы. Поэтому когда собрались в обратный путь, Шервуд не мог сдвинуться с места — колеса прилипли.

— Ох,— сказал он, но хныкать не стал.— Пуфф! — сказал он.— Пуфф-пуфф-пуфф.— Но с места сдвинуться не мог.

Мистер Босток позвал на помощь Джо, а Джо свою бабушку. И вот все вместе — мистер Босток и бабушка, Джо и бабушкин кот, которого звали Том, поднатужились и... Шервуд как был, так и остался стоять на месте.

Тут Джо осенило:

«Ведь коты такие облизы!»

И он сказал Тому:

— А почему бы тебе не облизать рельсы?

Том с большим удовольствием слизал с рельсов варенье и запил водой.

Когда Джо вернулся домой на станцию Пэддингтон, звезды уже потухли, начинался день, и ему ужасно захотелось спать. Ведь совы спят именно днем.

Он взлетел на крышу и хотел прочитать на сон грядущий свое любимое стихотворение:

Гори, вечерняя звезда.

Но вместо этого у него получилось:

Гори, Шервудская звезда,
Пусть мчатся в Лондон поезда.
Гори для кошек, и собак,
И для мальчишек-забияк,
Проснется скоро детвора,
А нам, совятам, спать пора...

Про тигренка Бинки, у которого исчезли полоски

Однажды тигрица-мама задумала испечь сладкий пирог. Она так усердно раскатывала тесто, что мука и сахарная пудра летали по всей кухне.

Как раз в это время родился тигренок Бинки. Тигрица-мама поглядела на него и удивилась:

— Где же твои полоски? Ну ничего, мы все равно будем любить тебя, и без полосок.

Но Бинки знал, что тиграм полагается быть полосатыми. И он, не теряя времени, побежал искать себе полоски.

Первым ему повстречался сержант. На рукаве у сержанта было целых три полоски.

— Дай мне, пожалуйста, одну полоску,— попросил у него Бинки.

— Стоять смирно, когда обращаешься к военному! — прикрикнул на тигренка сержант.— Нет у меня лишних полосок.

Бинки побежал дальше и увидел чугунную ограду. Какой-то человек красил ее. Бинки подождал, пока он кончит, а когда человек ушел, Бинки прислонился к ограде сначала одним боком, потом другим. Краска пристала к шерсти, и он стал полосатым.

Бинки бросился бегом домой, чтобы показать маме свои полоски. Но было очень жарко, сильно припекало солнце, и краска начала таять и капать на землю, так что скоро у Бинки опять не осталось ни одной полоски.

И тут он встретил зебру. Бинки замер от удивления: сколько полосок на одной-единственной спине!

Это же несправедливо!

Он сел и горько заплакал.

— О чем ты, малыш? — спросила его зебра.

— По... по... почему я не полосатый? — пожаловался Бинки.

— Бедняжка,— сказала зебра и ласково лизнула тигренка.— А на вкус ты ничего, приятный.— И она лизнула его еще раз.— Вроде сладкого пирога.

Она лизнула его еще и еще, и вдруг на спине у Бинки одна за другой появились черные полоски!

Он прибежал домой к маме и закричал:

— Мама! Ура, я полосатый!

— Правда! — обрадовалась тигрица-мама.— Ну кто бы мог подумать? Наверное, это сахарная пудра и мука засыпали твои полоски, когда я готовила сладкий пирог.

Тигрица-мама была очень довольна и пригласила зебру на чашку чаю.

К чаю зебра получила охапку сена, а Бинки — кусок сладкого пирога.

Про корову Красотку

Жила-была на свете корова. Звали ее Красотка. Она и в самом деле была красоткой с длинными черными ресницами.

Красотка паслась на лугу, где рос чертополох. Много-го чертополоха. Но Красотка его не любила.

По вечерам, когда темнело, она уже не щипала траву, а смотрела, как на небе одна за другой зажигаются звезды. Иногда она грустно мычала, потому что ей не с кем было поиграть.

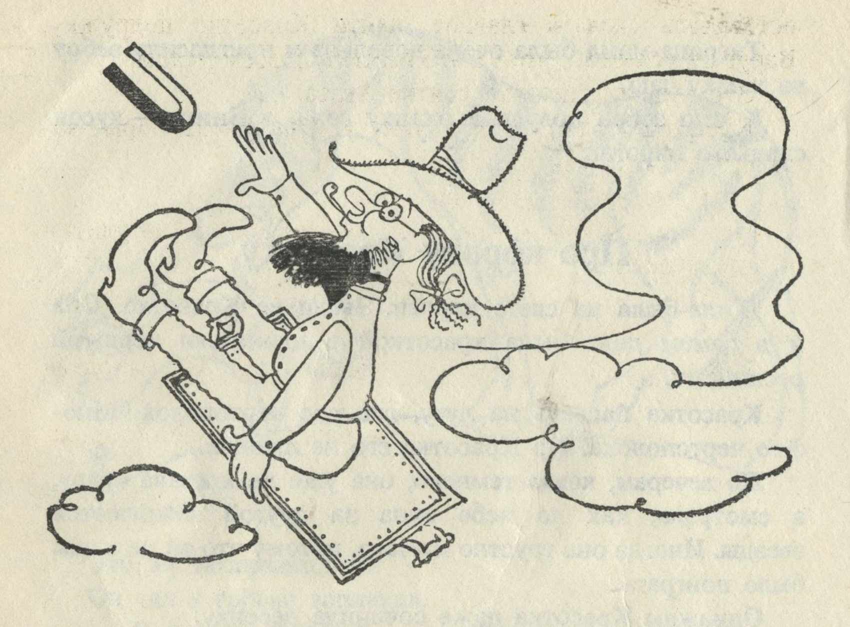
Однажды Красотка даже сочинила песенку:

Ты гори, звезда, сияй,
В небесной вышине мигай.
Пришли подружку поиграть,
С ней буду травку я щипать.

Му-у-у-у-у-у!

И звезда сказала ей в ответ:

Тебе хочу я дать совет.
Ложись, Красотка, лучше спать,
Не надо громко так мычать.
Твое мычанье надоело,

Но, если уж такое дело,
Я хоть полнеба обойду,
Тебе подружку я найду.

Случайно этот разговор услышал человек на Луне. Он сказал звезде, что ей не стоит ни о чем беспокоиться, он сам поможет Красотке найти подружку. И, прихватив с собой ведерко, лопату, железный поднос и магнит, он, не долго думая, прыгнул с Луны на Землю. А чтобы не заблудиться, направил на лужайку, где паслась Красотка, лунный луч.

Приземлившись, он первым делом выкопал лопатой весь чертополох, сложил его в ведерко и выкинул. Но

оставалось сделать главное: найти Красотке подружку. Вдруг он услышал, что кто-то пыхтит, совсем рядом.

Это куда-то спешила улитка Агата.

Красотка тоже увидела улитку. Она очень обрадовалась и лизнула улитку в голову.

— Помогите! — закричала Агата.

Человек с Луны и Красотка хотели помочь, но улитки и след простыл.

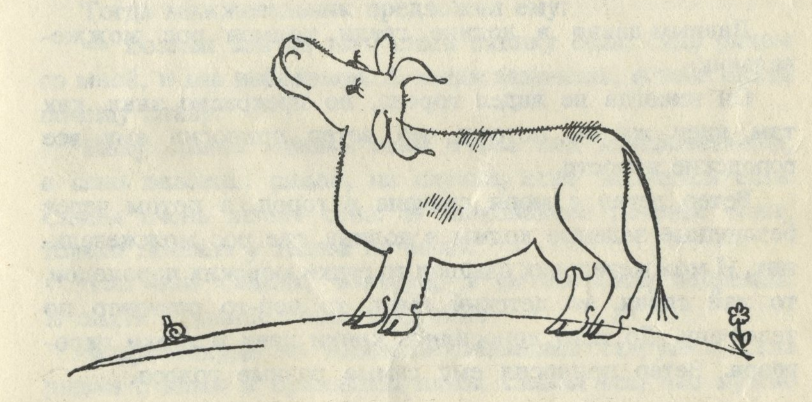
— Помогите! — еле слышно донеслось непонятно откуда, скорее всего у коровы изо рта.

Корова открыла рот, и правда — оттуда выползла улитка Агата.

— Можешь лизнуть меня еще раз, но только осторожно! — сказала улитка.

Красотке было немножко стыдно, и она очень осторожно лизнула улитку в раковину.

— Ну вот и прекрасно,— сказал человек с Луны.— Теперь у тебя есть подружка, и я могу спокойно

возвращаться домой. Звезде я передам от тебя привет! Весь чертополох я выполол и выкинул, а ведерко и лопату оставляю тебе в подарок. Можешь играть с ними, сколько захочешь. До свиданья, моя Красотка!

И с этими словами человек с Луны перепрыгнул через корову.

— Теперь и про меня сочинят песенку! — крикнул он.

Наверное, он вспомнил песенку про корову, которая перепрыгнула через Луну.

Потом он сел на железный поднос и подбросил вверх магнит. Магнит потянул за собой поднос. Так человек и добрался до Луны: ловил магнит и подбрасывал его вверх, а магнит притягивал к себе железный поднос.

Когда звезда узнала, что Красотка нашла себе подружку, она очень обрадовалась и засветила еще ярче. И Луна тоже.

Нолс и можжевельник

Давным-давно в долине среди холмов рос можжевельник.

Он никогда не видел города, но прекрасно знал, как там идет жизнь, потому что ветер приносил ему все городские новости.

Ветер летел с моря сначала в город, а потом через безлюдные зеленые холмы в долину, где рос можжевельник. И можжевельник слышал то гудки морских пароходов, то лай собак, то детский смех, то чей-то разговор по телефону. До него доносились крики чаек и гудки паровозов. Ветер приносил ему самые разные голоса.

Можжевельник любил слушать ветер, и когда ветер стихал, ему становилось скучно и одиноко. Вокруг не было никого, только солнце над головой или луна да звезды. Иногда на его ветки садились птицы, но это случалось редко.

И вот в одно прекрасное утро можжевельник услышал — топ, т о п, Т ОП, все громче, г р о м ч е и Г Р О М Ч Е! И наконец через гребень холма перешагнул С Л О Н по имени Н О Л С.

— Привет! — сказал слон.

— Привет! — ответил можжевельник.— Тебя зовут Кенгуру?

— Что ты! Я — слон по имени Нолс.

— А-а! — сказал можжевельник.— Рад тебя видеть!

— Понимаешь,— сказал Нолс,— мне ужасно хочется почесать спину.

Слон сел под можжевельник и потерся о ствол спиной. Сразу стало легче.

Тогда можжевельник предложил ему:

— Возьми вон из того стога охапку сена, сядь рядом со мной, и мы поболтаем. А когда захочешь, я тебе опять почешу спину.

Нолс принес охапку сена и сел под можжевельник, а сено положил рядом, на случай, если захочется есть. Слоны очень любят сено. И шоколадное печенье тоже, только печенья у Нолса не было.

Так они сидели, болтали, а потом слон задремал. И опять в долине стало тихо-тихо.

Вдруг откуда ни возьмись появилась старушка, села рядом с ними и принялась шить. Сшила все, что нужно

было, и хотела спрятать иголку, да уронила ее нечаянно прямо в сено.

Да, нелегкое это дело — найти иголку в сене!

— Проснись! — закричала она слону.— Помоги мне найти иголку!

Нолс проснулся и тут же подумал: «Конечно, найти иголку в сене дело нелегкое — для всех, но только не для слона».

Он вытянул хобот, подул на сено, сено разлетелось в разные стороны, а иголка осталась — она ведь была тяжелее сена.

— Вот молодец! — сказала старушка и дала слону шоколадное печенье.

Когда старушка ушла, Нолс уселся под можжевельник, пожевал сена, почесался спиной о ствол, а потом послушал городские новости, которые принес ветер.

Можжевельник был очень рад, что слон остался с ним навсегда.

Миранда-путешественница

Жила-была в Африке утка. Вообще-то она была утка английская, так как родилась в Англии, и звали ее Миранда.

Она давно уже мечтала вернуться на родину, потому что ей очень хотелось поиграть с английскими девочками и мальчиками.

И вот она распрощалась со своими друзьями — хотя ей и грустно было их покидать,— и со львами,

и с тиграми, и с обезьянами, но только не с крокодилами! Крокодилов она терпеть не могла.

И смело двинулась в путь.

Очень долго она летела над джунглями, а потом увидела море.

Она прилетела в Италию. На берегу было много детей. Дети играли в песочек, а родители сидели рядом и ничего не делали. «Как это глупо и несправедливо!» — подумала Миранда.

Затем Миранда полетела над горами, ей пришлось подниматься все выше и выше. А наверху было холодно и шел снег.

Вдруг она услышала — кто-то поет. Ближе и ближе. Ей показалось, что пели известную французскую песенку: «Сюр-лё-пон д'А-винь-он», что значит: «На мосту в Авиньоне».

И действительно, вскоре сквозь туман пронеслась стая французских ласточек, которая держала путь на юг, в Италию. Пролетая мимо Миранды, они помахали ей крыльями. А Миранда помахала им в ответ.

Она очень устала и проголодалась. Снег пошел сильнее, и она совсем ничего не видела. В ушах свистел ветер, снег слепил глаза, лететь становилось все труднее. Но Миранда думала только о том, как хорошо на английских болотах летом, и мечтала скорее встретиться с английскими детьми. Клюв ее смотрел в сторону Лондона. Так она летела очень долго. Ветер постепенно стих, перестал идти снег. И над головой она увидела звезды, а внизу — мерцающие огни большого города.

Это был Лондон.

Миранда опустилась на городской пруд. Посредине пруда был островок, и на островке свободное гнездо, словно нарочно приготовленное для нее. Миранда очень обрадовалась.

Она пощипала болотной травки, потом села в гнездо и уже начала засыпать, как вдруг услышала:

— Миранда! Миранда!

— Я здесь! — отозвалась Миранда.

Она выпорхнула из гнезда и подплыла к берегу пруда. Там она увидела мальчика-рассыльного.

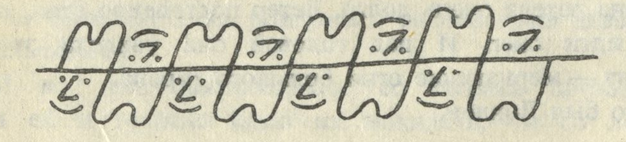
— Тебе телеграмма! — сказал он.— Пожалуйста, распишись вот здесь.

Миранда расписалась. Потом с телеграммой в клюве поплыла назад к своему гнезду.

Она с волнением вскрыла телеграмму. Телеграмма оказалась от африканских мальчиков и девочек. Вот что они писали:

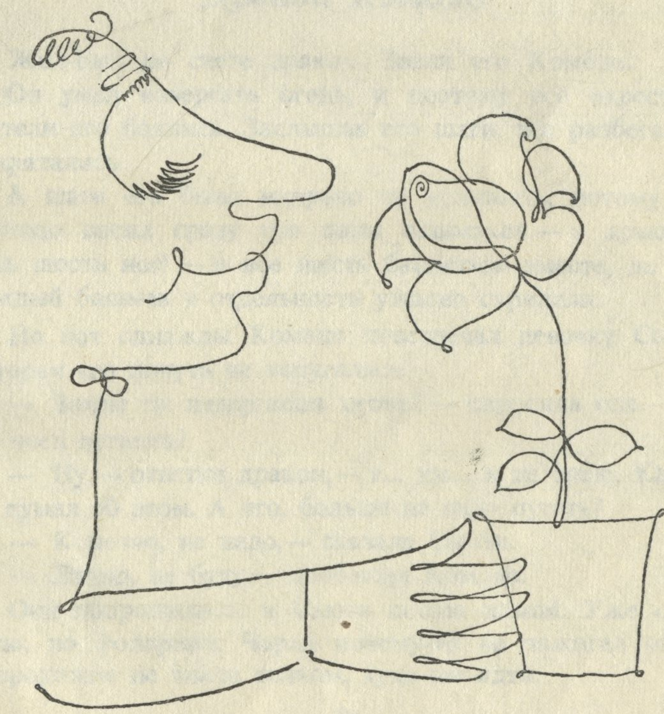
Миранда, Миранда, прими наш привет!
Желаем успехов и теплого лета.
Мы тебя любим и ждем ответа!

В домах через дорогу гасли огни. Миранда слышала, как люди желали друг другу спокойной ночи. Потом все стихло. Она спрятала телеграмму под одно крыло, голову под другое и крепко заснула.

Жук-философ и другие

Дракон Комо́до

Жил-был на свете дракон. Звали его Комо́до.

Он умел извергать огонь, и поэтому все окрестные жители его боялись. Заслышав его шаги, все разбегались и прятались.

А шаги его было мудрено не услышать, потому что Комодо носил сразу три пары башмаков — у драконов ведь шесть ног! — и все шесть башмаков вместе, да еще каждый башмак в отдельности ужасно скрипели.

Но вот однажды Комодо повстречал девочку Сьюзи, которая его ничуть не испугалась.

— Зачем ты извергаешь огонь? — спросила она.— Ты же всех пугаешь!

— Ну,— ответил дракон,— я... хм... я не знаю. Как-то не думал об этом. А что, больше не надо пугать?

— Конечно, не надо,— сказала Сьюзи.

— Ладно, не буду,— пообещал Комодо.

Они попрощались, и Сьюзи пошла домой. Уже стемнело, но фонарщик Чарли почему-то не зажигал огней, и прохожие не знали толком, куда им идти.

— Ой! Но ты ведь еще не мыл когти,— сказала Мэри.

И она выставила его из-за стола и отправила на кухню мыть когти. А пока он там мылся, она успела шепнуть два слова на ушко своей овечке.

Дэвид вернулся и сел опять за стол.

— Хочешь еще кусочек поджаренного хлеба, милая овечка? — спросила Мэри.

— Нет, спасибо,— ответила овечка, вспомнив, что ей шепнула на ушко Мэри.— Пожалуй, я бы лучше съела орла.

Орел очень удивился, ему даже стало как-то не по себе. И когда Мэри еще раз спросила, что ему хочется, он ответил:

— Кусочек поджаренного хлеба, пожалуйста.

Мэри дала ему кусочек поджаренного хлеба. После чая Дэвид попрощался с Мэри и с ее овечкой и полетел домой.

В этот вечер перед сном он нет-нет да поглядывал на звезду, горевшую над его головой.

Нельсон и курочка

Однажды теплым летним вечером над высокой колонной, на которой стоит статуя адмирала Нельсона, проплывала легкая тучка.

— Будь добра, умой меня,— попросил ее адмирал Нельсон.

— С удовольствием,— ответила тучка, и полила лорда Нельсона дождем, и смыла с его лица всю пыль.

— Благодарю тебя,— сказал Нельсон.— А может быть, ты волшебная тучка?

— Может быть, милорд,— ответила тучка.

— Ну конечно, волшебная,— сказал лорд Нельсон.— Только волшебные тучки умеют разговаривать! Послушай, тучка, мне так скучно тут одному. Поговорить даже не с кем.

— А ты погляди в подзорную трубу,— сказала тучка,— и, если увидишь кого-нибудь, с кем тебе захочется поговорить, я ему передам.

Адмирал Нельсон поднес подзорную трубу к правому глазу (левый глаз он потерял в бою) и оглядел всю Трафальгарскую площадь, а потом Стрэнд и Уайтхолл и даже переулок святого Мартина и в переулке увидел курочку, перебегавшую дорогу.

— А почему курочка перебегает дорогу? — спросил лорд Нельсон у тучки.

— Не знаю,— ответила тучка.— Позвать ее?

— Да, пожалуйста! — сказал лорд Нельсон.

Тучка проплыла над курочкой и сказала:

— С тобой хочет поговорить лорд Нельсон.

Курочка была очень польщена и побежала скорее к колонне. Адмирал Нельсон спустил ей трап, и она поднялась на самую вершину колонны. Нельсон был очень рад встрече.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Марта, милорд,— ответила курочка.

— А скажи, Марта,— спросил лорд Нельсон,— зачем ты перебегала дорогу?

— Видите ли, милорд,— ответила Марта,— когда я

снесу яичко на одной стороне улицы — кому-нибудь на завтрак,— я перехожу на другую сторону, чтобы и на другой стороне кто-нибудь получил яичко на завтрак.

— Яичко на завтрак! — мечтательно повторил лорд Нельсон.

Он глубоко вздохнул, и по щеке его даже скатилась слеза.

— Не плачьте, милорд,— сказала Марта.— Хотите, я останусь с вами и каждое утро буду нести вам на завтрак яичко?

Так она и сделала.

Время от времени тучка возвращалась к ним, чтобы умыть их дождем. Теперь лорду Нельсону было с кем поговорить, и он больше не чувствовал себя так одиноко, как раньше. К тому же на завтрак он каждое утро получал свежее яичко.

Крякающий почтовый ящик

Жил-был на свете почтовый ящик. Он был очень красивый и очень аккуратный почтовый ящик — все письма, какие опускали в него, он бережно хранил и отдавал только почтальону.

А соседом почтового ящика был уличный фонарь, верный его друг.

Когда темнело, фонарь освещал улицу, чтобы прохожие не заблудились, а еще чтобы они увидели почтовый ящик и не забыли опустить в него письма.

Но однажды фонарь сказал почтовому ящику:

— Кажется, я простудился, апчхи!

И он так расчихался, что погас.

Почтовый ящик остался в темноте, и теперь прохожие не видели его и не знали, куда бросать письма.

В это время мимо проходила утка Миранда.

«Что случилось? — подумала она.— Ай-ай-ай, погас фонарь! И никто теперь не увидит, где почтовый ящик, и не будет знать, куда бросать письма».

Она вскочила на почтовый ящик и громко закрякала:

— Кря-кря, кря-кря!..

Тут все, кто вышел на улицу, чтобы опустить письмо, но не мог отыскать почтовый ящик, услышали, как крякает утка.

«Интересно, почему она крякает?» — удивлялись они и спешили туда, где крякала Миранда.

И каждый, кто подходил, видел почтовый ящик, бросал в него письмо и спокойно шел домой.

Жук-философ и другие

Дядя Фред жил на улице Западного Ветра в доме номер восемь. В комнате, где висел его портрет, по правую сторону от него на полке стояла в бокале роза, а слева — часы Тики-Таки.

«Ну что хорошего в часах? — думала роза.— Они ведь совершенно не пахнут. А что не пахнет приятно, не может быть поистине прекрасно!»

А часы про себя рассуждали: «Какая глупая эта роза. Время она не умеет показывать. Не понимаю, за что ее считают прекрасной?»

Тут мимо прополз черный жук. Он бросил взгляд на розу и на часы и подумал: «Бедняжки, они же совсем не черные!» И пополз дальше. Он спешил на день рождения к своей бабушке.

Потом в окно заглянула ласточка и тоже увидела розу и часы.

— Ха! — сказала она.— Что толку тикать и благоухать, если не умеешь летать? Летать! Что может быть прекраснее?

— Плавать! — сказала рыбка из круглого аквариума на подоконнике.

— Мяукать,— сказала кошка и выпрыгнула из окна в сад.

— Чавкать,— сказала свинья, жившая по соседству в хлеву.

— Раскачивать деревья,— сказал ветер.

— Поднимать ветер,— сказали раскачивавшиеся деревья.

Роза и часы все еще спорили, когда домой вернулся дядя Фред со своей женой.

— Ну а что ты считаешь прекрасным? — спросили они дядю Фреда.

— Например, мою жену,— ответил дядя Фред.

— Согласна,— сказала его жена и поцеловала дядю Фреда.

Про поросенка, который учился летать

Однажды поросенок — а звали его Икар! — пришел к Волшебному источнику и попросил исполнить его желание. Ему давно уже хотелось научиться летать. Недаром его звали Икар.

— Если тебе очень хочется, я могу сделать так, что ты полетишь,— сказал Волшебный источник.— Но только для этого тебя сначала надо превратить в птицу.

— Нет, я хочу быть поросенком. Поросенком, который умеет летать,— сказал Икар.

— Но поросята не могут летать,— возразил Волшебный источник.

Икар очень огорчился и пошел домой. По дороге он думал только об одном: как бы все-таки научиться летать.

На другое утро пораньше он отправился в лес и попросил каждую птицу дать ему по перышку. Ну конечно, они ему дали.

— Наверное, ты хочешь научиться летать? — спросили они.

— Да,— ответил Икар.

Он связал все перья вместе, и получились крылья. Потом поднялся на вершину горы у самого берега моря. За ним следом взобрались туда кошка и мышка, птичка и два кролика, целая компания жуков и даже улитка — всем хотелось видеть, что у него получится.

Икар привязал крылья, взмахнул ими и медленно поднялся в вышину. Вот это было счастье! И все зрители

тоже радовались, а самый маленький жучок чуть не умер от восторга.

Икар поднялся высоко-высоко, почти до самого Солнца.

— Ай да поросенок! Ай да молодчина! — нахваливал он себя.— А Волшебный источник еще говорил, что поросята не могут летать. Могут!

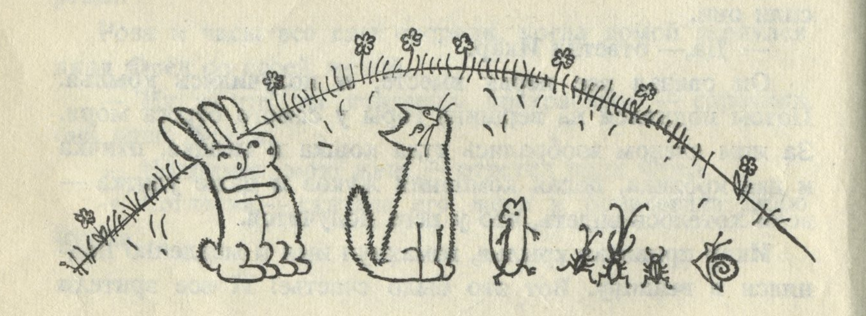
И как раз в этот момент он так близко подлетел к солнцу, что веревки, которыми он привязал крылья, загорелись от солнечного жара. И крылья упали вниз. А за ними следом и поросенок. Он несколько раз перекувырнулся в воздухе и плюхнулся в море.

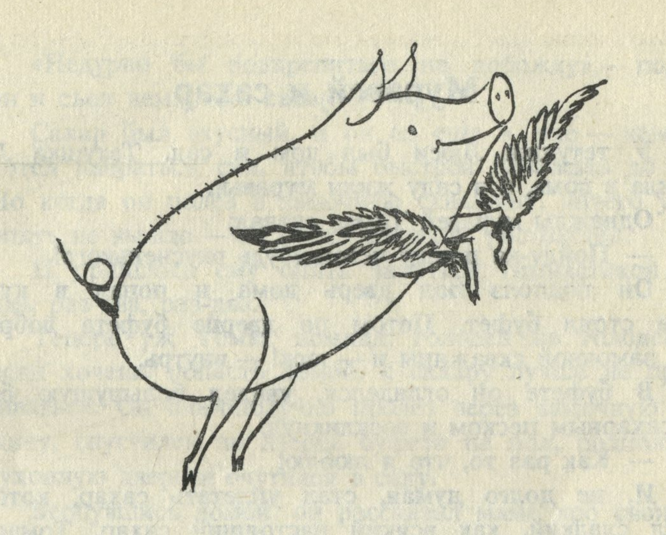
Бедный Икар совсем промок, хорошо еще, что он благополучно доплыл до берега и бросился бегом домой, к маме.

— Не огорчайся, мой маленький Икар,— сказала ему мама,— ведь ты все-таки Л Е Т А Л!

И она дала ему джем и пирожное.

А все друзья пришли к нему в гости и завели хоровод:

Поросенок Икар, наш дружок,
Собрались мы сегодня в кружок,
Чтобы петь и плясать.
Чтобы петь и плясать.
В честь того, кто умеет летать!

В тот же вечер Икар пошел навестить Волшебный источник. И, заглянув в глубокий-глубокий колодец, сказал, глядя на крохотный кружочек воды на самом дне:

— Ты прав, поросята не могут летать.— И по щеке его скатилась слеза.

— Выше голову,— сказал Волшебный источник,— ты все равно молодчина!

Муравей и сахар

У тетушки Лю́си был дом и сад. Тетушка Лю́си жила в доме, а в саду жили муравьи.

Однажды муравей Томас сказал:

— Пойду-ка поищу чего-нибудь вкусненького!

Он подполз под дверь дома и попал в кухню, где стоял буфет. Потом по дверце буфета добрался до замочной скважины и — юрк! — внутрь.

В буфете он огляделся, увидел большущую банку с сахарным песком и воскликнул:

— Как раз то, что я люблю!

И, не долго думая, стал уплетать сахар, который был сладкий, как всякий настоящий сахар. Томас ел и ел и становился толще и толще. Наконец он просто не мог уже есть.

Тогда он решил, что пора домой, и попробовал пролезть назад через замочную скважину. Но он до того растолстел, что не сумел пролезть.

Бедняга Томас сел и заплакал. Он знал, что мама будет ждать его и волноваться. Он еще раз попробовал пролезть через замочную скважину, но опять ничего не вышло — он стал слишком толстый.

Чтобы похудеть, пришлось заняться гимнастикой. Он делал наклоны и приседания, вдохи и выдохи — раз-два, раз-два. Бегал по буфету и вот наконец снова стал таким, как прежде.

Он уже собрался в обратный путь, как вдруг почувствовал, что совсем обессилел от голода.

«Недурно бы подкрепиться на дорожку»,— подумал он и съел немножко сахару.

Сахар был вкусный, и он ел еще и еще — наверное, хотел набраться сил, чтобы быстрей добежать до дому. Но когда он полез в замочную скважину, ничего у него опять не вышло — он опять слишком растолстел.

И пришлось ему опять заняться гимнастикой. Раз-два, раз-два, раз-два.

Теперь уж Томас помнил: голоден не голоден, но, если хочешь попасть домой, к сахару лучше не притрагиваться. Он благополучно пролез через замочную скважину, спустился по дверце буфета на пол, подполз под кухонную дверь и очутился в саду.

Вернувшись домой, он рассказал маме про свои приключения с сахаром. Тогда она созвала всех муравьев и сказала:

— Надо нам поговорить с тетушкой Лю́си.

И муравьи двинулись через сад к дому, подползли под дверь, потом через кухню попали в коридор, оттуда в гостиную тетушки Лю́си и по ковру до стула, на котором она сидела, потом вверх по ножке стула к ней на колени.

Тетушка Лю́си очень обрадовалась муравьям. Они хором рассказали ей, как Томас пробрался через замочную скважину буфета Д О С А Х А Р А и не мог пролезть обратно П О С Л Е С А Х А Р А.

И тетушка Лю́си пообещала, что отныне будет оставлять сахар в блюдечке на полу — специально для муравьев. И все муравьи по очереди поблагодарили тетушку Лю́си, щекотно поцеловали ее на прощание и вернулись домой.

Пингвинчик Джо и черепашка Джен

Жил-был пингвинчик Джо. Жил он с мамой в Антарктике.

Однажды сидел он на айсберге. Вдруг айсберг раскололся, и Джо уплыл на льдине в море.

Льдина плыла на север и приплыла в Карибское море. А в Карибском море жила черепашка Джен.

Джен очень любила плавать, и вот как-то раз, плавая в море, она поглядела наверх и увидела... собственно, она даже не сразу поняла, что она такое увидела.

— Что бы это могло быть? — подумала она.— Похоже на молодого пингвина, если смотреть на него снизу вверх сквозь льдину. Да, я почти уверена, что это так!

Черепашка всплыла на поверхность и, действительно, увидела на льдине пингвинчика. Джен и Джо быстро стали друзьями. Они вместе играли, ловили рыбу и плавали среди скал.

А потом Джен спросила Джо:

— Хочешь узнать, как готовится черепаховый суп?

— Да, с удовольствием! — ответил Джо.

— Надо выбрать ясный, жаркий день, когда солнце печет вовсю,— сказала Джен.— Поставить на берег большую консервную банку и налить в нее — почти до краев! — три четверти пресной воды и одну четверть морской. А потом попросить черепаху, чтобы она приняла в этой банке приятную теплую ванну.

Солнце будет припекать все сильней и сильней, вода в банке будет нагреваться все горячей и горячей, и

черепахе тоже будет все горячей и горячей. Когда ей станет слишком горячо, она вылезет, чтобы поплавать в прохладном море, а в банку залезает другая черепаха.

Когда и ей станет слишком горячо, она тоже вылезет и нырнет в море. Для хорошего черепахового супа нужно по крайней мере пять черепах! А когда суп будет готов, придет человек и разольет черепаховый суп из большой банки во много-много маленьких, потом плотно их закроет и наклеит на банки этикетки. А теперь пойдем, я тебе все покажу,— закончила она.

И они поплыли к берегу и увидели там две большие консервные банки и десять черепах, готовивших по очереди черепаховый суп.

— Как интересно! — сказал Джо.— Жаль, что мне пора уже домой, а то мама будет беспокоиться.

— Что поделаешь,— вздохнула Джен.— Только ведь тебе придется очень долго плыть, чтобы попасть домой. Надо что-нибудь придумать. Вот что! Лучше мы посадим тебя в консервную банку и отправим по почте.

Джо залез в консервную банку, а Джен закрыла ее крышкой, зачеркнула на этикетке слово «Черепаховый» и вместо него написала: «Пингвиновый!»

Потом наклеила на банку марки и сдала ее на почту.

На следующий день в айсберг, где жила миссис Пингвин, постучал почтальон и вручил ей консервную банку.

— Благодарю,— сказала миссис Пингвин, поставила банку на льдину и продолжала заниматься уборкой.

Закончив сметать пыль, она вернулась к консервной банке.

— Суп,— прочитала она на этикетке.— Как мило! Суп... Что?! Пингвиновый суп? О, скорей, скорей, помогите!

Она достала консервный нож, открыла банку, и оттуда выскочил Джо.

Хочешь, хочешь, хочешь...

Солнце освещало дерево, растущее в дальнем углу сада, легкий ветерок раскачивал его ветви, а листья шептали:

— Хочешь, хочешь, хочешь...

Это было волшебное дерево. Стоило встать под это дерево и задумать желание, как желание тут же исполнялось.

А в доме неподалеку от волшебного дерева жил толстый старикан. Звали его Уильям Кэдоген Смит. Он торговал в деревенской лавке мылом и терпеть не мог детей — мальчиков и даже девочек.

Однажды он встал под волшебное дерево и сказал:

— Хочу, чтобы все соседские девчонки и мальчишки очутились на Луне!

Не успел он это сказать, как все девочки и мальчики очутились на Луне.

Там было холодно и неуютно, и самые маленькие дети даже заплакали. Но мамы были далеко, и некому их было утешить.

Как только исчезли дети, птицы на волшебном дереве сразу смолкли. А дрозд сказал, глядя прямо на мистера Смита:

— Хочу, чтобы все дети вернулись!

Но мистер Кэдоген Смит перебил его:

— Нет, хочу, чтобы они оставались на Луне.

Тогда дрозд опять сказал:

— Хочу, чтобы они вернулись!

Дети совсем запутались, они уже и сами толком не знали, где им быть: на Луне или на Земле.

Мистер Смит топнул ногой и сказал:

— Хочу, чтобы...

Но кончить не успел, как дрозд сказал:

— Хочу, чтобы мистер Смит стал добрым!

И мистер Смит, вместо того чтобы сказать, как он собирался: «Хочу, чтобы все дети оставались на Луне», вдруг передумал, поскреб затылок и сказал:

— Хочу, чтобы все дети пришли сегодня вечером ко мне в гости, я их угощу пирожными, апельсиновым желе и лимонадом. Больше я не буду продавать мыло, а вместо этого открою кондитерскую. И не разрешу никому называть меня Уильямом Кэдогеном Смитом, пусть зовут просто Смит. Ура! Ура! Ура!

Он три раза прошелся колесом, и снова на дереве запели птицы.

Опять засветило солнце, легкий ветерок раскачивал ветви, а листья шептали:

— Хочешь, хочешь, хочешь...

Бац!

В дыре в стене в комнате в доме в переулке в городе в стране в мире во вселенной жила-была мышка. Звали ее Элис.

Как-то раз Элис лежала на перинке, ела сыр и наблюдала за пауком на потолке, который старался перепрыгнуть с одной балки на другую.

Он висел на длинной нитке и изо всех сил раскачивался. Раз — туда, два — обратно, три — туда, бац! — он набил себе здоровенную шишку о балку и пополз назад к паутине. Настроение у него испортилось.

Он посидел, подумал и решил сделать последнюю попытку. На этот раз перепрыгнул.

Когда Элис надоело наблюдать за пауком, она побежала в зоопарк к своему приятелю Бобу — кенгуру.

Боб в этот день надел новые ботинки на каучуковой подошве, чтобы удобнее было прыгать.

Когда явилась Элис, он как раз тренировался.

— Смотри, как высоко я прыгаю!— сказал Боб и подпрыгнул.

Высоко-высоко, даже выше ограды; а потом еще выше — выше домов; а потом еще выше — даже выше башен и колоколен, а потом... но в эту минуту над ним пролетал самолет, и Боб со всего размаха бац! — набил себе здоровенную шишку, стукнувшись о крыло самолета.

«Ну и ну!— подумала Элис.— Прямо как паук головой о балку».

Но Боб подпрыгнул еще раз — высоко-высоко, почти до самого Солнца. А потом пошел к сторожу зоопарка, и сторож сделал ему холодную примочку, чтобы шишка скорее прошла.

После этого Элис и Боб вместе поужинали.

А после ужина Элис вернулась домой и сделала холодную примочку пауку.

«Вот это друг!» — подумал паук.

Он устроился поудобнее в паутине и заснул.

Про жука и бульдозер

Однажды тигр, которого звали Сэм, лежал на кровати и крепко спал.

Жарило солнце, день был душный, но Сэм спал спокойно. Он был такой лентяй, что мог проспать хоть целый день.

В это время мимо проползал жук Уильям.

— У-ух, вот это кровать! Какая прелесть!

Он залез в кровать и улегся рядом с Сэмом. Скоро он тоже уснул.

Когда Сэм проснулся, он очень удивился, увидев рядом Билли. (Это ласкательное от Уильям). Он не выносил, чтобы к нему в постель заползали жуки. И, набрав побольше воздуха, он дунул на жука. Уильям тут же проснулся.

«Как сегодня ветрено»,— подумал он и вцепился всеми своими лапками в простыню.

Сэм дунул сильнее, но выдуть Уильяма из постели все равно не удалось.

Тогда он решил:

— Если я его лизну, он, наверное, подумает, что пошел дождь, выползет из постели и побежит домой.

И тигр лизнул жука.

— Ой, кажется, дождь пошел,— сказал Билли, но вместо того, чтобы выползти, забился поглубже.

Бедняжка Сэм! Не удалось ему прогнать Билли из своей кровати. И он отправился через лес к дому, где стоял бульдозер.

Его звали Батч.

— Батч, помоги мне, пожалуйста, выгнать из кровати жука!— попросил его Сэм.

— С удовольствием,— сказал Батч.

Они пошли к тому месту, где стояла кровать Сэма, и Батч попробовал выгнать Билли из постели.

Но Билли держался крепко. Вокруг собрались все лесные звери, чтобы посмотреть, как Батч будет выгонять Билли.

Борьба завязалась жестокая. Батч выгонял, а Билли не выгонялся. Этот его — сюда, а тот — обратно!

Наконец все-таки выгнал. И Билли помчался домой, чтобы рассказать братьям и сестрам о своей великой битве с Батчем-бульдозером.

А Батч так устал от борьбы, что, заметив чистую удобную постель тигра, подумал: «Вздремну-ка я часок!»

Сэм был вне себя! Когда жук заползет в постель — еще туда-сюда, но бульдозер — это уже слишком.

И Сэм сбегал за водой и за машинным маслом, поставил то и другое не очень далеко от кровати, а потом разбудил Батча.

— Ты, наверное, проголодался, Батч?— спросил его Сэм.

— Конечно,— ответил Батч.

— Вон там стоит свежее масло и вода,— сказал Сэм.

Батч очень обрадовался. Он живо выскочил из постели и побежал пить масло и воду.

Не успел он выскочить, как Сэм тут же сам забрался в постель.

— Наконец я в своей собственной постели!— вздохнул он.— Теперь можно поспать.

Он съел в кровати бутерброд, запил молоком и заснул.

Про улитку Оливию и канарейку

Тысячу лет назад, когда король Типперерии был еще совсем молодой, в королевском саду в золотой клетке жила певунья канарейка.

Ее так и звали — Певунья. И вот как-то раз во время завтрака — а на завтрак у нее были кукурузные хлопья с молоком — она поторопилась, и хлопья застряли в горле, так что она чуть не задохнулась и ужасно раскашлялась:

— Кх-кх, кх-кх!

Так громко, что улитка Оливия, жившая в другом конце королевского сада, не на шутку перепугалась и поспешила

через весь сад похлопать Певунью по спине, чтобы она перестала кашлять.

Но сначала Оливия написала записку маме и сообщила, куда идет. И только потом отправилась в путь. Весь день над головой палило солнце, но улитка храбро ползла вперед. И наконец в сумерки добралась до клетки, в которой жила Певунья.

— Кх-кх, кх-кх,— кашляла бедняжка Певунья.

Оливия изо всех сил похлопола ее рожками по спине, кукурузные хлопья выскочили из горла, и Певунья сразу перестала кашлять. Как хорошо! На радостях она открыла клюв и запела.

Лучшей песни Оливия в жизни не слышала!

С этого дня улитка Оливия и канарейка стали большими друзьями и чуть ли не каждый день ходили друг к другу в гости.

Мыши на Луне

Однажды вечером, когда я почти уже спал, я вдруг услышал, как кто-то скребется в окно и зовет меня. Я подошел к окну, распахнул его и увидел моего знакомого с Луны по имени Джордж.

— Дорогой друг,— сказал он,— мне нужна твоя помощь.

— Всегда рад помочь,— сказал я.— Но сначала сядь, отдохни. Наверное, ты порядком устал с дороги. Хочешь чаю?

— С удовольствием,— сказал он.

Пошел я сразу в кухню,
Сказал я кошке:— Брысь!—
Но тут же извинился:
— Прости меня, кис-кис!
Я друга угощаю,
Он очень хочет чаю,
А ты лежишь тут на ходу,
— Сию минуту я уйду!—
Мяукнула она.
— Вот уж не думала-то я,
Что нам чаевничать пора,
Ура-ура! Ура-ура!

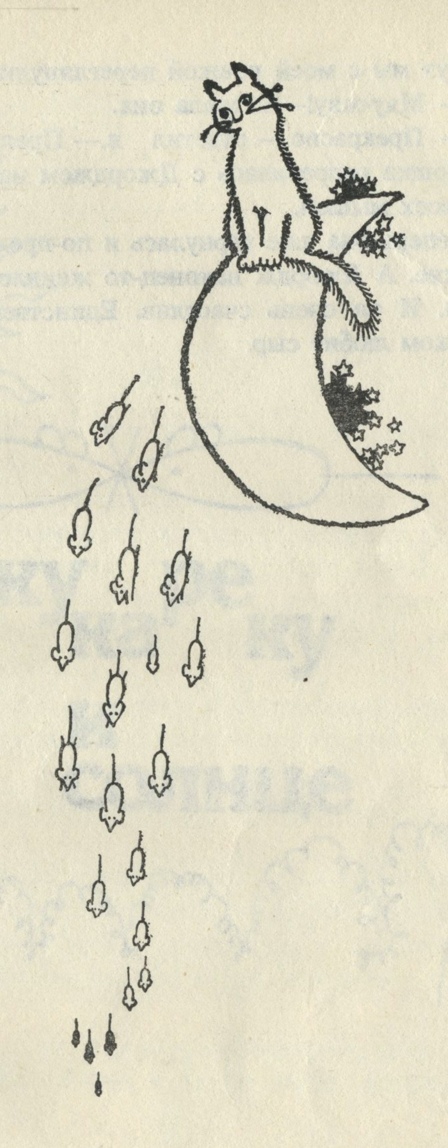
Я поставил одну чашку для кошки, другую для Джорджа и третью для себя.

— Ну а теперь рассказывай, в чем дело,— сказал я Джорджу.

— Мыши,— ответил он.— На Луне столько мышей, что никто не хочет там жить, и я не могу жениться. Женщины больше всего на свете боятся мышей! Посоветуй, как мне быть? А кроме того, мыши едят Луну, и она делается все тоньше и тоньше, уже остался один тоненький месяц. В конце концов они и его доедят и придется мне делать Луну снова. И так повторяется каждые двадцать восемь дней!

Что такое Луна — вы не знаете, дети?
А Луна — это свежего сыра головка.
И голодные мыши на вкусной планете
Расправляются с нею проворно и ловко.

— Да, плохо дело. Чем же я могу тебе помочь?

Тут мы с моей кошкой переглянулись.

— Мяу-мяу!— сказала она.

— Прекрасно,— ответил я.— Прекрасно, прекрасно!

Кошка отправилась с Джорджем на Луну и распугала там всех мышей.

Теперь она уже вернулась и по-прежнему спит у меня в кухне. А Джордж наконец-то женился. Жену его зовут Мэри. И он очень счастлив. Единственная беда — Мэри слишком любит сыр.

Кукареку и солнце

Як

Далеко-далеко, так далеко, что и не доберешься, жил в горах Тибета як.

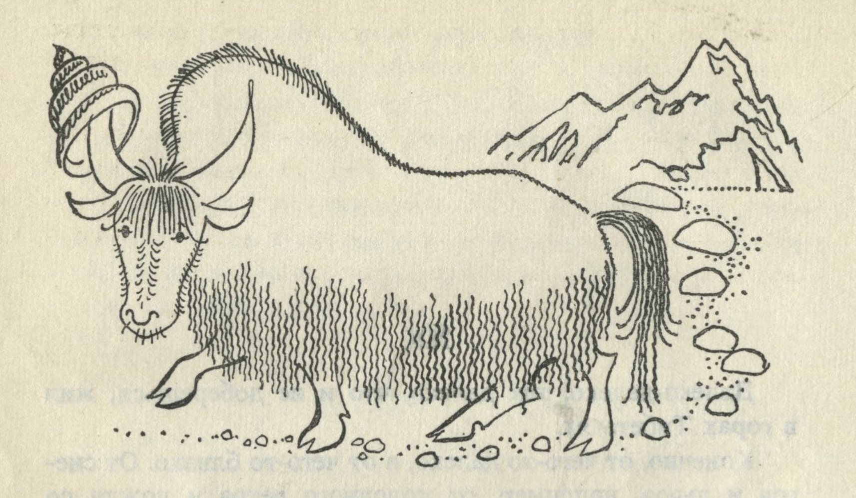
Конечно, от чего-то далеко, а от чего-то близко. От снегов и льдов, например, от холодного ветра и дождя со снегом, от влажной травы и отвесных скал — совсем близко. Когда весь день бушевала буря, солнце пряталось за тучи, и в ураганных вихрях носились черные вороны — все это было близко.

А вот магазины и книжки с картинками, мороженое и жаркий камин, кино и дети, бегущие в школу,— это было очень далеко.

У яка не было имени, поэтому мы будем звать его просто Як.

Больше всего на свете Як любил сидеть в укромном местечке среди скал и слушать море. Он где-то нашел морскую раковину — очень красивую, с крутым завитком,— и когда прикладывал ее к уху, то слышал шум морских волн.

Как попала туда морская раковина — никто не мог сказать. Но как-то попала, и Як любил ее слушать.

Днем Як обычно прятал свою раковину от других яков и от ворон, зато ночью, когда зажигались звезды, он усаживался в тихое местечко среди скал, прикладывал раковину к уху и слушал, слушал и мечтал — как бы попасть на берег моря...

И вот однажды, прихватив с собой любимую раковину и попрощавшись с остальными яками, он отправился в путь.

Вы, наверное, спросите, как же Як нес раковину? Посмотрите на картинку и вы поймете — он нацепил раковину на свой правый рог.

Як не знал дороги, но решил: «Буду идти, пока не дойду до моря». И шел так весь день, а вечером пощипал травы, послушал шум моря и заснул.

Он шел еще день и еще, но до моря все равно не дошел.

Вокруг были горы и горы. Иногда Як видел вдали стадо лам, а однажды — орла, парящего в небе. Но моря что-то не было видно.

Однажды Як остановился попить из горного ручья. Настроение у него было невеселое. Он приложил к уху свою раковину и, усевшись на берегу, стал слушать. А ручей бежал своей дорогой, прыгая по камням, и весело журчал. Заметив Яка, он очень удивился и спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Слушаю,— ответил Як.

— Дай и мне послушать,— попросил ручей.

Як поднес раковину к воде, и ручей прислушался.

— Это шум моря!— обрадовался ручей.— Ну да, шум моря!

— А ты знаешь туда дорогу?— спросил Як.

— Знаю ли я дорогу!— возмутился ручей.— Да я как раз туда и бегу. Следуй за мной и попадешь прямо к морю.

— Спасибо,— сказал Як и пошел следом за ручьем.

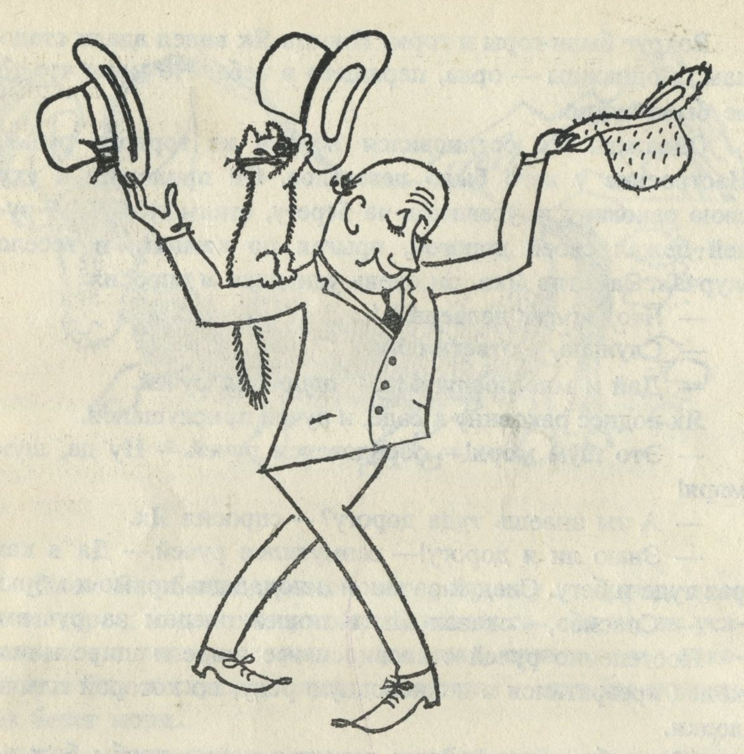
Постепенно ручей становился все шире и шире и наконец превратился в полноводную реку, по которой плыли лодки.

«Было бы неплохо сесть теперь в лодку, чтобы больше не идти пешком»,— подумал Як.

Он нанял себе лодку и поплыл дальше в лодке. Лодка была с большим красным парусом, и, когда дул ветер, Як просто сидел и отдыхал.

Наконец он добрался до моря. Какое это было чудо! Як сел на песочек и стал наблюдать за волнами. Они шумели совсем так же, как прибой в его раковине.

Як был счастлив.

«Здесь гораздо лучше, чем в холодных, мокрых горах»,— думал он.

На ночь он устроился в пещере.

У моря было жарко, и Як пошел к парикмахеру, чтобы парикмахер подстриг его длинную шерсть. А потом вернулся на берег моря и катал на спине ребятишек — по два пенни за круг. И скоро у него набралось денег на сено и на мороженое, которое ему давно хотелось попробовать.

Жизнь протекала очень славно. Ему нравилось здесь, на берегу моря. Но больше всего он любил длинные вечера, когда уже темнело и все уходили домой, а он сидел один - одинешенек перед своей пещерой, слушал шум волн и следил за кораблями в открытом море и за солнцем, уходящим за горизонт. Когда становилось совсем темно, одна за другой зажигались звезды, а море плескалось и плескалось о берег.

Три шляпы мистера Кепи

У мистера Кепи было три шляпы, и на улицу он выходил всегда в трех шляпах сразу. Все, кто жил на Хайстрит: и доктор, и зеленщик, и трубочист — словом, все-все думали: «Ка-

кой вежливый этот мистер Кепи! Он три раза снимает шляпу, когда здоровается».

Идя по улице, мистер Кепи любил напевать песенку:

Я — славный мистер Кепи.
Три шляпы я ношу,
Знакомого заметив,
Их приподнять спешу.
И я, поверьте, очень рад
Три шляпы поднимать подряд.
Ура, ура, я очень рад
Три шляпы поднимать подряд!

Но иногда мистер Кепи испытывал некоторую неловкость — для трех шляп у него было всего две руки, поэтому одновременно он мог приподнять только две шляпы, а чтобы снять третью, ему приходилось вторую шляпу брать под мышку.

«Как бы мне хотелось снимать все три шляпы одновременно»,— подумал он однажды. А как раз в это время на улице показалась кошка мистера Кепи — Мурми.

— Ты куда, Мурми? — спросил ее мистер Кепи.

— В рыбную лавку,— ответила Мурми.

— Так прыгай ко мне на плечо,— предложил мистер Кепи,— и, если нам повстречается доктор, или зеленщик, или трубочист, или жена доктора, или жена трубочиста, или еще кто-нибудь, будь добра, приподними, пожалуйста, одну из моих шляп.

— Что ж, можно,— согласилась Мурми и прыгнула к мистеру Кепи на плечо.

Тут им навстречу вышла миссис Смак, жена доктора.

— Доброе утро, миссис Смак! — сказал мистер Кепи, приподнимая одной рукой одну шляпу, другой — другую, а Мурми — третью.

— Доброе утро, мистер Кепи! — ответила миссис Смак и подумала: «Какой вежливый человек!»

А мистер Кепи сказал своей Мурми:

Ты — лучшая из кошек!
Тебе пожму я лапу
За то, что
С головы моей
Сейчас сняла ты шляпу.

Про попугая Эрни, который заболел корью

Мистер Стол — столяр, его кот Гримбл и голубой попугай Эрни жили все вместе в маленьком домике. Днем, когда мистер Стол уходил на работу, Гримбл спал в кухне на стуле, а Эрни прыгал в клетке по жердочке, гляделся в зеркало и клевал зернышки.

Время от времени Гримбл просыпался, потягивался, смотрел, как Эрни прыгает по жердочке, и снова засыпал.

И вот как-то раз, когда Гримбл проснулся и поглядел на клетку, он не увидел на жердочке Эрни. Попугай сидел неподвижно в углу клетки. Он весь покрылся красными пятнышками.

— Клянусь моими когтями и котятами! — воскликнул Гримбл.— У Эрни корь! Надо поскорей вызвать хозяина, чтобы он сходил за доктором.

Но мистер Стол работал в другой части города на большой фабрике, и Гримбл даже не знал, как туда пройти. Что было делать? Он посидел, подумал и скоро придумал (Гримбл был очень умный кот). Он подошел к окну, вскочил на подоконник, а оттуда — прямо на лужайку.

Стояло ясное утро, светило солнце, и анютины глазки на газоне во все глаза смотрели на мир.

Гримбл подошел к анютиным глазкам и сказал им:
— Закройте, пожалуйста, глазки, как будто уже ночь!

— Хорошо, Гримбл,— ответили анютины глазки и свернули свои лепестки.

Как только они зажмурились, на лужайке стало темно, как ночью. Но в соседнем саду был еще ясный день, там анютины глазки смотрели во все глаза. Но когда они увидели, что на лужайке через забор темно, они скорей зажмурились, и здесь тоже стало темно, как ночью. А следом за ними цветы закрылись и во всех остальных садах, и скоро во всем городе настала ночь.

Часы на городской башне только-только пробили одиннадцать и очень удивились, что уже стемнело.

«Должно быть, мы отстали,— подумали они, почесав стрелкой затылок.— Неужели уже вечер?»

И они затикали быстро-быстро — в жизни они так быстро не тикали! — и тут же пробили шесть часов.

Когда директор фабрики, на которой работал мистер Стол, услышал, что часы на городской башне пробили шесть, он выглянул в окно, увидел, что уже стемнело, и решил, что пора распускать рабочих по домам. Он дал гудок, рабочие кончили работу, надели пальто и пошли по домам.

Как только мистер Стол вернулся домой, он тут же увидел, что у Эрни сыпь, и поспешил за доктором. Узнав, что у Эрни красная сыпь, доктор пришел немедленно.

— Так-так,— сказал доктор.— Кажется, и в самом деле корь в легкой форме. Скажи-ка мне, дружок: «Девяносто девять».

— Девяносто девять! — сказал мистер Стол.

— Не вы, мистер Стол,— сказал доктор.— Мне нужно, чтобы Эрни показал свои десны.

— Девяносто девять,— сказал Эрни.

— Да-да, несомненно корь,— сказал доктор.— Ну ничего, он скоро поправится.

Доктор оставил лекарство для Эрни и сказал, что завтра опять зайдет.

— А пока,— сказал он,— может быть, Гримбл присмотрит за ним?

— Конечно, присмотрит,— сказал мистер Стол.— Гримбл очень умный кот.

Через неделю Эрни стало лучше, и он весь день опять прыгал по жердочке, а Гримбл спал в кухне на стуле и ждал, когда вернется с работы мистер Стол.

Волна Большая и волна Маленькая

Жили в море две волны — большая и маленькая. Большую волну так и звали Большая, а маленькую — Маленькая.

Они были очень дружны и плавали всегда вместе. Волна Маленькая относилась ко всем дружелюбно, она играла и с рыбами, и с ветром, и с другими волнами. А вот Большая волна была очень свирепая, она била и крушила все на своем пути.

Особенно она любила налетать на корабли. Она вздымалась выше мачт, а потом обрушивалась с высоты на палубу и заливала ее водой.

Еще ей нравилось с разбегу налетать на скалы, словно она хотела опрокинуть их, смыть, уничтожить.

И только к Маленькой волне она оставалась всегда доброй и сдерживала свой свирепый нрав.

Однажды волна Большая и волна Маленькая играли недалеко от берега, и Маленькая увидела на песчаном пляже мальчика с мороженым в руках.

— Ой, я тоже хочу мороженого! — сказала она.

— Сейчас ты его получишь! — сказала Большая.

Она с разбегу налетела на мальчика, выхватила у него мороженое и отдала волне Маленькой. Маленькая мигом его слизнула. Мороженое оказалось очень вкусное. Клубничное!

После мороженого Маленькая волна спросила:

— А что теперь будем делать?

— Что? Смотри! — сказала Большая.— Видишь вон те

скалы? Сейчас они узнают, что такое настоящий удар. Я им покажу! Гляди!

И волна Большая поднялась высоко-высоко, в три раза выше самих скал, а потом стремительно обрушилась на них. Ух, держись! Скалам даже стало жутковато, и они сдвинулись плотнее.

Однако волна Большая поднялась слишком высоко и бросилась вниз слишком стремительно, и поэтому вместо того, чтобы обрушиться на скалы, она перелетела через них и упала в узкую лощину, лежавшую как раз за скалами. И уже в море вернуться не могла. Она была заперта! Волна билась, кидалась, плескалась, но все попусту. Она оказалась в плену.

— Помогите! — закричала она.— Помогите!

В это время над лощиной пролетала утка Миранда. Она опустилась на скалу и спросила:

— Что случилось?

— Видишь, я не могу отсюда выйти,— сказала волна Большая.— Я в плену. Помоги мне, прошу тебя!

— Нет, я не хочу тебе помогать! — сказала Миранда.— Ты на всех нападаешь, топишь корабли и даже норовишь разрушить скалы. А только что я своими глазами видела, как ты отняла у мальчика мороженое.

Но тут Миранда услышала, что кто-то плачет по другую сторону скал. Она посмотрела на море и увидела волну Маленькую.

— О чем ты? — спросила ее ласково Миранда.

— Я хочу к Большой волне,— сказала Маленькая.— Она там, в плену за скалами, а лазить по скалам я не умею.— И Маленькая опять заплакала.

— Большой волне я помогать не буду! — сказала Миранда.— Она этого не заслуживает. И ей вовсе незачем возвращаться в море! Но тебе я помогу, если ты согласна перебраться за скалы.

— Согласна! — сказала волна Маленькая.

— Ты хорошенько подумала? — спросила Миранда.

— Хорошенько,— ответила волна Маленькая.

— Ну тогда следуй за мной!

И она показала волне Маленькой, где лучше выбраться на песок. А потом вырыла лапкой в песке канавку и велела волне Маленькой плыть по канавке вокруг скал. Так волна Маленькая и сделала и скоро очутилась в горной лощине.

Друзья обрадовались встрече и даже расцеловались.

— Как я рада тебя видеть,— сказала волна Большая.

— И я рада видеть тебя,— сказала волна Маленькая.

— Знаешь что, давай станем одной волной и будем всегда вместе,— предложила волна Большая.

— Давай,— согласилась волна Маленькая и при этом даже всплеснулась от радости.

И вот две волны соединились.

Так образовалось горное озеро, которое славится анемонами.

Рыба с жареной картошкой

Дэнис, баклан, жил на бакене в Голуэйской бухте. Бакен звали Маргарет.

Ночью Дэн спал на бакене, а днем садился на самый его край и, вытянув шею, высматривал в бледно-зеленой морской глубине рыбу.

Заметив добычу, Дэн нырял поглубже и выплывал уже с рыбой в клюве. Он любил подкинуть рыбку вверх, разинуть пошире клюв, а потом схватить ее на лету и мигом проглотить.

Дэн очень любил рыбу. Он ел ее и на завтрак, и на обед, и на чай, и на ужин. Рыба никогда ему не надоедала.

Однажды над песчаной отмелью пролетала куропаточка Элис, и ветром ее отнесло в открытое море. В этот день она летала в гости к бабушке и теперь возвращалась домой, на родное болото.

Элис очень устала и вдруг увидела посреди моря бакен, а на бакене Дэниса. Дэн очень обрадовался ей.

— Оставайся со мной, мы вместе поужинаем,— предложил он.— Сегодня на ужин рыба!

— Рыба? — удивилась Элис.— Я никогда в жизни не пробовала рыбы. Она вкусная?

— Очень вкусная! — воскликнул Дэн.— На свете нет ничего вкуснее рыбы!

И с этими словами он нырнул с бакена и тут же выплыл со сверкающей серебряной рыбкой, которую протянул Элис.

Элис внимательно оглядела рыбку и спросила:

— А как ее едят?

— Вот так! — сказал Дэн, подкинул рыбку вверх, а потом поймал и проглотил.— Подожди минутку, я тебе еще одну достану.

Он опять нырнул в море и опять выплыл с рыбкой в клюве, правда, на этот раз совсем маленькой.

— Попробуй эту,— сказал он.

Элис подбросила рыбку вверх, открыла свой малюсенький клюв как можно шире и мигом проглотила рыбку.

«До чего же невкусно! Какая гадость!» — подумала она.

— Ну как, вкусно? — спросил Дэн.

— Да, спасибо,— ответила Элис. Она была очень вежливая куропатка.— Очень вкусно.

— Тогда подожди, я тебе еще одну достану,— сказал Дэн.

— Нет-нет, не надо,— поспешила сказать Элис.— Я никак не могу задерживаться. Большое спасибо за все. До свидания!

И она улетела.

Вернувшись домой, она запряталась в вереск и сладко проспала всю ночь. А наутро ярко сияло солнце, и Элис вдруг вспомнила про Дэна. «Какой он умный и добрый,— подумала она.— Хорошо бы пригласить его в субботу на ужин».

Она написала Дэнису письмо с приглашением на ужин и опустила его в ближайшем городе.

Дэнису, баклану
Бакен Маргарет
Голуэйская бухта

Дэн очень обрадовался письму и тут же ответил, что принимает приглашение. На конверте он написал:

Элис, куропатке
Четвертая вересковая полянка справа.
Болото, что неподалеку от площадки для гольфа. Голуэй

В субботу Элис встала пораньше и приготовила все к приему Дэна. Она была куропатка смышленая и знала, что бакланы не то, что сухопутные птицы,— они не любят ягод и зерен. А что они любят, ей было хорошо известно, поэтому она слетала в город и вернулась с большущей связкой рыбы и с пакетом жареной картошки.

Скоро на верескoвую полянку прилетел Дэн. Стол был уже накрыт. Начался пир! Дэн впервые попробовал жареной картошки.

— Хруст-хруст-хруст,— жевал он.— Рыба с жареной картошкой даже вкусней, чем просто рыба. А можно я и в следующую субботу прилечу к тебе в гости?

— Конечно! Можешь прилетать каждую субботу,— сказала Элис.

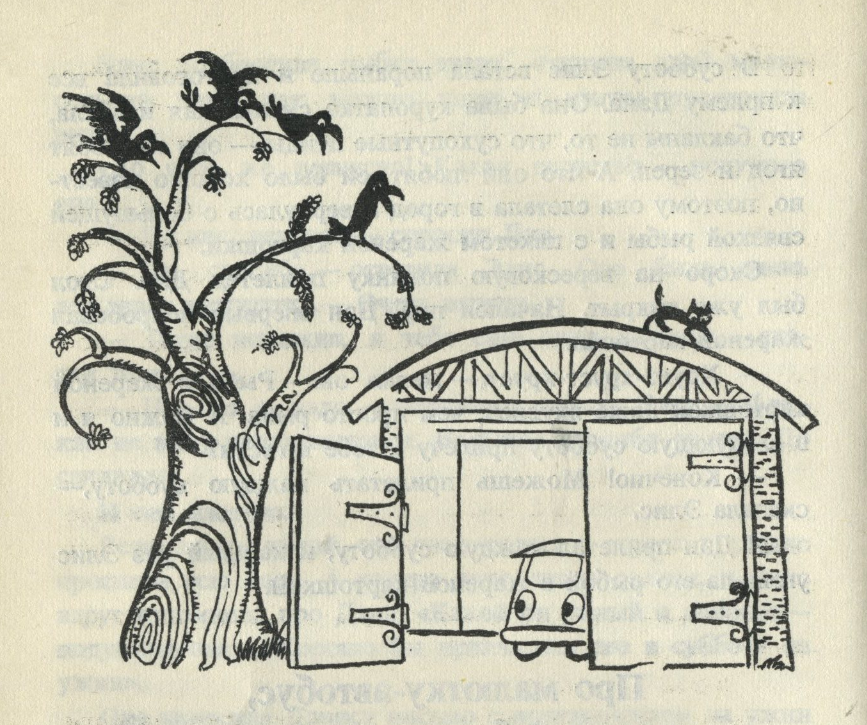
И Дэн прилетал каждую субботу, и каждый раз Элис угощала его рыбой с жареной картошкой.

Про малютку-автобус, который боялся темноты

Жил-был на свете малютка-автобус. Он был ярко-красного цвета и жил с папой и мамой в гараже. Каждое утро все трое умывались, заправлялись бензином, маслом и водой, а затем везли пассажиров из деревни в большой город у моря.

Туда и обратно, туда и обратно.

Малютка-автобус часто проделывал этот путь днем, но поздно вечером ездить ему не приходилось. К тому же он очень боялся темноты. И вот мама сказала ему:

— Послушай-ка одну историю! Давным-давно Темнота очень боялась автобусов. И ее мама — а была она прекрасней белой лилии — сказала ей: «Не надо бояться. Если ты вечером побоишься выйти, чтобы окутать мир тьмой, люди так и не узнают, что пора спать. И звезды не узнают, что пора светить. Ну, смелей же!»

И вот Темнота, весь день прятавшаяся за спиной солнца, начала потихонечку спускаться на улицы и дома.

По городу туда-сюда сновали автобусы. Темнота набралась храбрости и спустилась чуть пониже. На улицах уже зажглись огни, и водители автобусов тоже зажгли в своих машинах свет.

Наконец Темнота окутала весь город, но не успела она опомниться, как, гудя на ходу, сквозь нее промчался автобус. Какая неожиданность! Но ей понравилось. Пожалуй, немножко щекотно, но очень мило.

Потом сквозь Темноту промчалось еще несколько автобусов. В них горел свет, люди в автобусах покупали билеты, садились, вставали — словом, прекрасно проводили время.

Позднее, когда вышла луна, Темнота играла в прятки с домами. А утром опять взошло солнце и отправило Темноту домой, к маме. Но теперь Темнота уже не боялась автобусов.

Когда мама-автобус кончила свою историю, малютка-автобус сказал:

— Ладно, поеду.

Пришел водитель, завел мотор, зажег свет, пришли люди, расселись по местам, кондуктор дал звонок, и маленький автобус поехал прямо в темноту по Главной улице к большому городу у моря.

Красная шапочка

Жила-была на свете Рыбка. Вместе с другими рыбами она плавала в море, и ей казалось, что море под ней темное-темное. Чем глубже, тем темней. А когда она

смотрела вверх, то видела голубое небо и в небе красную шапочку.

«Вот бы мне эту красную шапочку!» — мечтала она.

И однажды она попрощалась с остальными рыбами и поплыла вверх, вверх и вверх, пока не доплыла до самой морской поверхности. Куда ни глянь, вокруг было море, на море большие корабли, а над морем — синее небо, белые облака и красная шапочка.

Рыбка старалась всплыть еще выше, но все старания ее были напрасны: не могла же она совсем выпрыгнуть из воды.

И она обратилась к Чайке, пролетавшей над морем.

— Дорогая миссис Чайка, поднимитесь, пожалуйста, повыше и достаньте для меня вон ту красную шапочку! Мне она очень нравится.

Но Чайка ответила ей:

— Лучше уплывай подальше, не то попадешь мне на завтрак!

И с этими словами Чайка нырнула в воду и попробовала поймать Рыбку своим большим, острым и желтым клювом. Но Рыбка юркнула в глубину и была такова.

В другой раз Рыбка увидела в лодке Рыболова с длинной удочкой, на конце которой, конечно, был крючок. Она вынырнула из воды и сказала:

— Будьте так добры, мистер Рыболов, достаньте для меня вашей удочкой вон ту красную шапочку!

— Гляди лучше в оба, не то сама попадешь ко мне на удочку! — сказал Рыболов.

И он поднял удочку над головой, взмахнул ею три раза, а потом закинул подальше, чтобы подцепить на крючок Рыбку, но промахнулся, и Рыбка уплыла.

Наконец Рыбка приплыла к реке и увидела на берегу реки слона. Слон напевал себе под нос песенку:

Слон — очень толстый и большой,
Жует он грустно день-деньской.
Траву он ест, а между тем
Он любит земляничный джем.

Рыбка крикнула ему:

— Достань мне, пожалуйста, своим длинным хоботом вон ту красную шапочку!

Слон потянулся хоботом за красной шапочкой, тянулся, тянулся, что было сил, но так и не дотянулся.

— Не выходит,— сказал он.— Лучше я подхвачу тебя хоботом, закину повыше в небо, и ты сама достанешь красную шапочку.

И Слон, подхватив Рыбку хоботом, подбросил ее высоко-высоко, выше облаков, в самое синее небо. Рыбка глянула — а вместо красной шапочки в небе оказалось красное солнышко. И Рыбка с громким всплеском шлепнулась назад в море.

Рыбы окружили ее и спрашивают:

— Что же ты вернулась без красной шапочки?

— Это вовсе не красная шапочка,— отвечала им Рыбка,— это солнце.

Но они смеялись над ней и говорили:

— Нас не обманешь, это красная шапочка!

Носорог и добрая фея

Много-много лет тому назад, когда все папы были еще маленькими мальчиками, жил на свете носорог, по имени Сэм.

Он был очень и очень толстый, но это его ничуть не огорчало. Он чувствовал себя совершенно счастливым и каждый вечер перед сном пел песенку:

Носо-носо-носо-роги
Всё съедают по дороге
И не думают о том,
Что случится с животом.

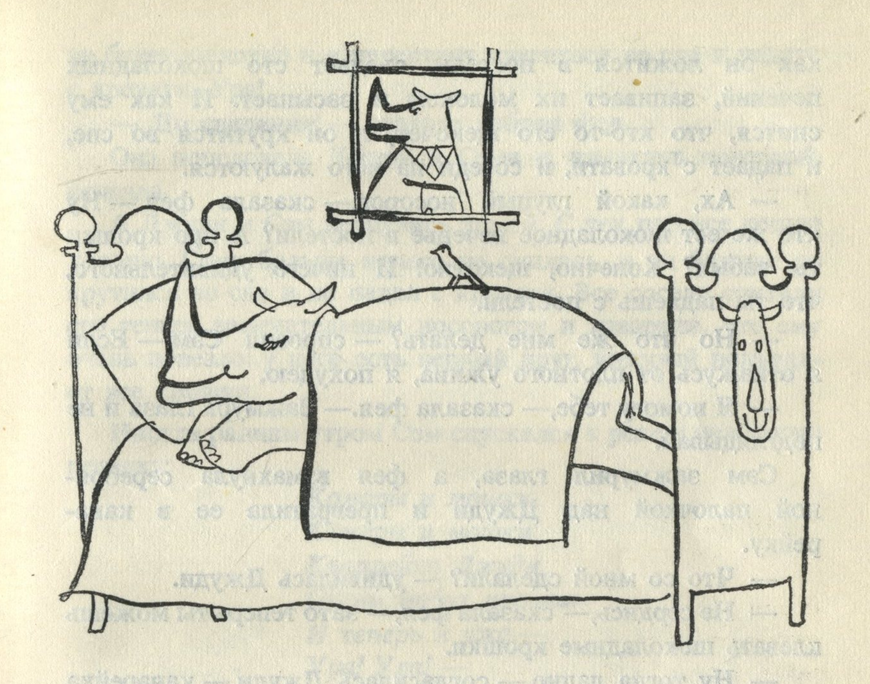
Потом съедал сто шоколадных печений, запивал их стаканом молока и засыпал.

Но по ночам ему снился сон, каждый раз один и тот же. Ему снилось, что кто-то его щекочет. Сначала чуть-чуть, потом сильнее и, наконец, так, что не было мочи терпеть. Из-за этого Сэм беспокойно крутился во сне и каждую ночь падал с кровати.

А так как он был очень большой и толстый, то и падал с постели очень громко — бух!!! И все, кто жил по соседству, были недовольны и жаловались, что он слишком шумный и беспокойный носорог.

Бедняга Сэм не знал, что и придумать. И вот он пошел за советом к мудрой сове, жившей на старом дубе. Сову звали Джуди, она умела читать, писать и считать, а по пятницам чистила себе когти.

Сэм рассказал Джуди, что он каждую ночь падает с кровати и будит своих соседей и они на него жа-

луются, а что сделать, чтобы не крутиться во сне, он не знает; может быть, Джуди научит его?

— Знаю, знаю,— сказала Джуди,— попроси добрую фею, она тебе поможет.

— Фею так фею,— согласился Сэм.

И он сказал про себя «фея», «фея» и еще раз «фея». Как только он в третий раз сказал «фея», в траве что-то зашуршало и появилась фея, хорошенькая, как лютик. В правой руке у нее была серебряная палочка.

Пока Сэм рассказывал ей о своих неприятностях, она гладила его по носу. Сэм рассказал ей обо всем:

как он ложится в постель, съедает сто шоколадных печений, запивает их молоком и засыпает. И как ему снится, что кто-то его щекочет, и он крутится во сне, и падает с кровати, и соседи на него жалуются.

— Ах, какой глупый носорог,— сказала фея.— Ну кто же ест шоколадное печенье в постели? А про крошки ты забыл? Конечно, щекотно! И ничего удивительного, что ты падаешь с постели.

— Но что же мне делать? — спросил Сэм.— Если я откажусь от плотного ужина, я похудею.

— Я помогу тебе,— сказала фея.— Зажмурь глаза и не подглядывай.

Сэм зажмурил глаза, а фея взмахнула серебряной палочкой над Джуди и превратила ее в канарейку.

— Что со мной сделали? — удивилась Джуди.

— Не сердись,— сказала фея,— зато теперь ты можешь клевать шоколадные крошки.

— Ну тогда ладно,— согласилась Джуди,— канарейка так канарейка.

Она расправила желтые перышки и пропела:

Комары и мошки,
Комары и мошки,
Слон любит печенье,
А канарейка крошки.

Сэм открыл глаза.

— Ешь мои крошки, ешь на здоровье! — обрадовался он.— Ну да! Они-то мне и не давали спать. Спасибо тебе, добрая фея, большое-большое спасибо. Теперь мне

не будет щекотно и я перестану крутиться во сне и падать с кровати. Ура!

— До свидания! — сказала добрая фея.

Она поцеловала Джуди и Сэма и, взмахнув палочкой, исчезла.

А Джуди и Сэм вернулись домой. С тех пор все пошло хорошо. Сэму больше ничего не снилось, и он больше не крутился во сне и не падал с кровати. Все соседи считали его теперь замечательным носорогом и говорили, что ему очень повезло: у него есть верный друг, который подъедает все крошки.

Иногда ранним утром Сэм спускался к реке и пел такую песенку:

Комары и мошки,
Комары и мошки,
Канарейка Джуди
Очень любит крошки.
И теперь я уже —
Ура! Ура! —
Не верчусь, не кручусь,
А сплю до утра.

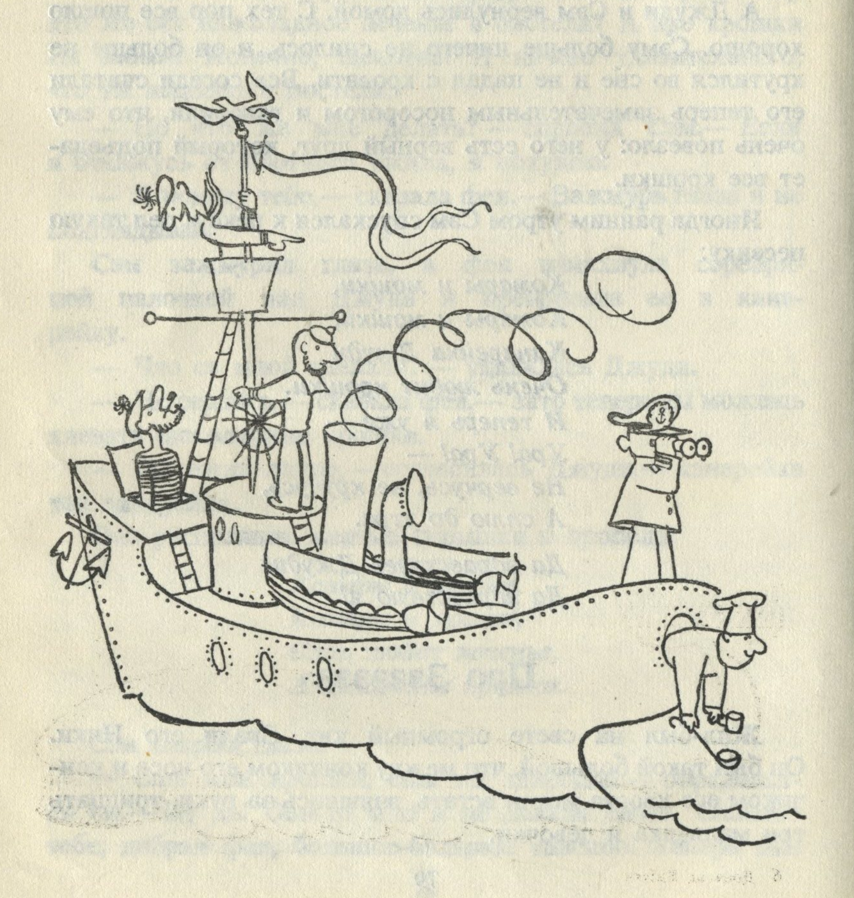
Да здравствует Джуди!
Да здравствую я!

Про Зззззз

Жил-был на свете огромный кит. Звали его Ники. Он был такой большой, что между кончиком его носа и кончиком его хвоста могли встать, взявшись за руки, тридцать три мальчика и девочки.

Как вы думаете, что Ники любил больше всего на свете? Оказывается, мед.

У Ники была подруга, которую звали Ззззззз. Ззззззз была мухой и жила у мамы на кухне.

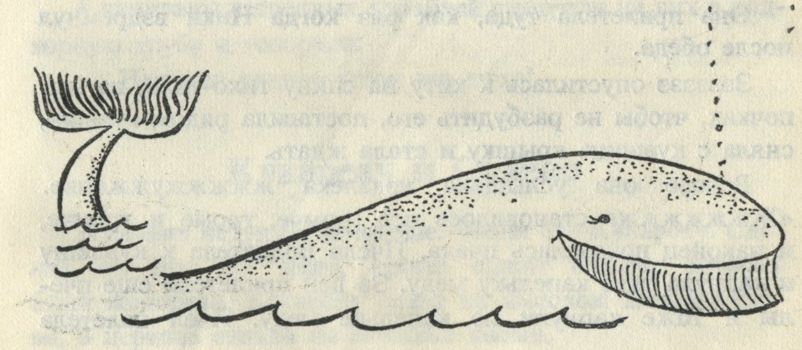

Однажды Ззззззз вышла прогуляться по потолку и вдруг заметила на кухонном столе мамину записку.

Ззззззз,
ззззздесь
не твой дом.

Ззззззз слетела вниз с потолка, села на кухонный стол и прочитала записку.

Ззззззз,
ззззздесь
не твой дом.

«Не очень-то гостеприимно,— подумала Зззззз.— Ну что ж, полечу к Ники. По крайней мере он-то ко мне хорошо относится».

Зззззз попрощалась с кошкой Мурми и вылетела в окно. В саду она увидела пчел.

«Была бы я пчелой,— подумала она,— собирала бы мед...»

Но пчелой она не была и собирать мед не умела. А ей очень хотелось угостить Ники медом. И она села на розовый куст, чтобы подумать, как же быть. А рядом села ее приятельница пчела, которую звали Жжжжжжж.

— О чем задумалась, Зззззз? — спросила пчела.

— Хотелось бы мне разззздобыть немножко меду,— сказала Зззззз,— для моего друга Ники. Я теперь буду жить у него, и мне хочется сделать ему подарок. Но где достать меда, просто ума не приложу.

— Нет ничего проще,— сказала Жжжжжжж и шепнула ей что-то на ухо.

Зззззз очень довольная полетела скорее к морю, где жил Ники.

Она прилетела туда, как раз когда Ники вздремнул после обеда.

Зззззз опустилась к киту на спину тихо-тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить его, поставила рядом кувшин, сняла с кувшина крышку и стала ждать.

Вскоре она услышала издалека жжжжжужжание. «Жжжжжжж» становилось все громче, громе и громче, и наконец показалась пчела. Пчела подлетела к кувшину и капнула туда капельку меду. За ней прилетели еще пчелы и тоже капнули по капельке меду. Пчел налетела

целая армия, и вскоре кувшин наполнился медом до краев. Потом пчелы попрощались с Зззззз и улетели к себе домой.

А тут и Ники проснулся. Увидев кувшин с медом — подарок Зззззз,— он открыл пошире рот, и Зззззз вылила ему в рот весь мед.

— До чего вкусно! — сказал Ники и крепко-крепко поцеловал Зззззз. А потом сладко зевнул.— Где ты, Зззззз? — спросил он.— Улетела, наверное. Ну что ж, можно еще часочек соснуть.

А Зззззз никуда не улетала, она просто прилипла. Ей пришлось немало потрудиться, чтобы отлепить сначала одну ногу, потом другую, потом все остальные. Наконец она освободилась и пошла гулять по китовой спине. Ники был такой длинный, что Зззззз шла от кончика его носа до кончика его хвоста целый час.

Когда Зззззз вернулась с прогулки, Ники уже совсем проснулся, и они стали играть в любимую игру Зззззз. Зззззз садилась киту на нос, Ники пускал фонтан, и Зззззз взлетала в воздух.

А капитаны встречных кораблей смотрели на них в подзорную трубу и говорили:

— Недурно развлекается эта муха!

Кукареку и Солнце

Жил-был петушок-на-крыше. Звали его Кукареку. Сделан он был из меди, кроме одной ножки, которая была железная. Кукареку сидел на высоком шпиле церкви, а церковь стояла на вершине холма.

Из-за этого холма каждое утро вставало Солнце. И казалось, что от Солнца до церковного шпиля совсем близко, так близко, что Кукареку, если бы захотел, мог достать до Солнца своим медным крылом.

По утрам Солнцу всегда хотелось есть. Любимым его завтраком был ломтик поджаренного хлеба, или, как говорят англичане, тост.

Однажды Солнце готовило себе завтрак и вдруг почувствовало, что кто-то его щекочет. Оно глянуло вниз. Но ничего, кроме петушка-на-крыше и церковного шпиля, не приметило.

Солнце почесалось, огляделось и хотело дожарить свой хлеб, но оказалось, что он совсем сгорел — один уголек остался.

У Солнца испортилось настроение. Оно скрылось за облака и целый день не выходило оттуда.

На другое утро опять: только Солнце начало поджаривать себе на завтрак хлеб, как вдруг опять почувствовало, что кто-то его щекочет. Оно глянуло вниз, почесалось, а когда посмотрело на хлеб, оказалось, что он уже сгорел.

Солнце не на шутку рассердилось. Оно выбросило сгоревший тост и заставило тучи полить его дождем. На землю хлынул настоящий ливень с громом и молнией. Ну и гроза была!

На другое утро Солнце встало пораньше и опять принялось готовить себе завтрак. Но когда тот был почти готов, Солнце почувствовало, что его опять кто-то щекочет. На этот раз Солнце не сводило глаз с тоста, оно почесалось не глядя. Правда, легче не стало, все равно было

ужасно щекотно, и разочек Солнце все-таки глянуло вниз. Этого было достаточно — завтрак опять пропал! Всего на миг отвернулось Солнце, а вместо тоста остался один уголек.

Солнце ничего не сказало. Оно скрестило два пальца — чур меня! — и сосчитало до десяти, потом еще раз до десяти, пока не почувствовало, что успокоилось.

На следующее утро, когда пришло время готовить завтрак, Солнце только выставило вилку, но хлеб на нее не насадило. И стало выжидать. Не прошло и минуты, как оно почувствовало, что кто-то его щекочет.

Солнце спокойно отложило вилку и посмотрело, кто же это. Но опять не увидело никого, кроме Кукареку и церковного шпиля. Оно посмотрело внимательно, потом еще внимательнее и наконец поняло, что это Кукареку и щекочет его своим медным крылышком.

— Ну и ну! — удивилось Солнце.— Неужели это ты меня щекочешь? А ты знаешь, что из-за тебя три дня подряд подгорали мои тосты? Ну и озорник ты, Кукареку!

— Прости, пожалуйста! — сказал Кукареку.— Я вовсе не хотел, чтобы подгорали твои тосты, я щекотал тебя, чтобы рассмешить.

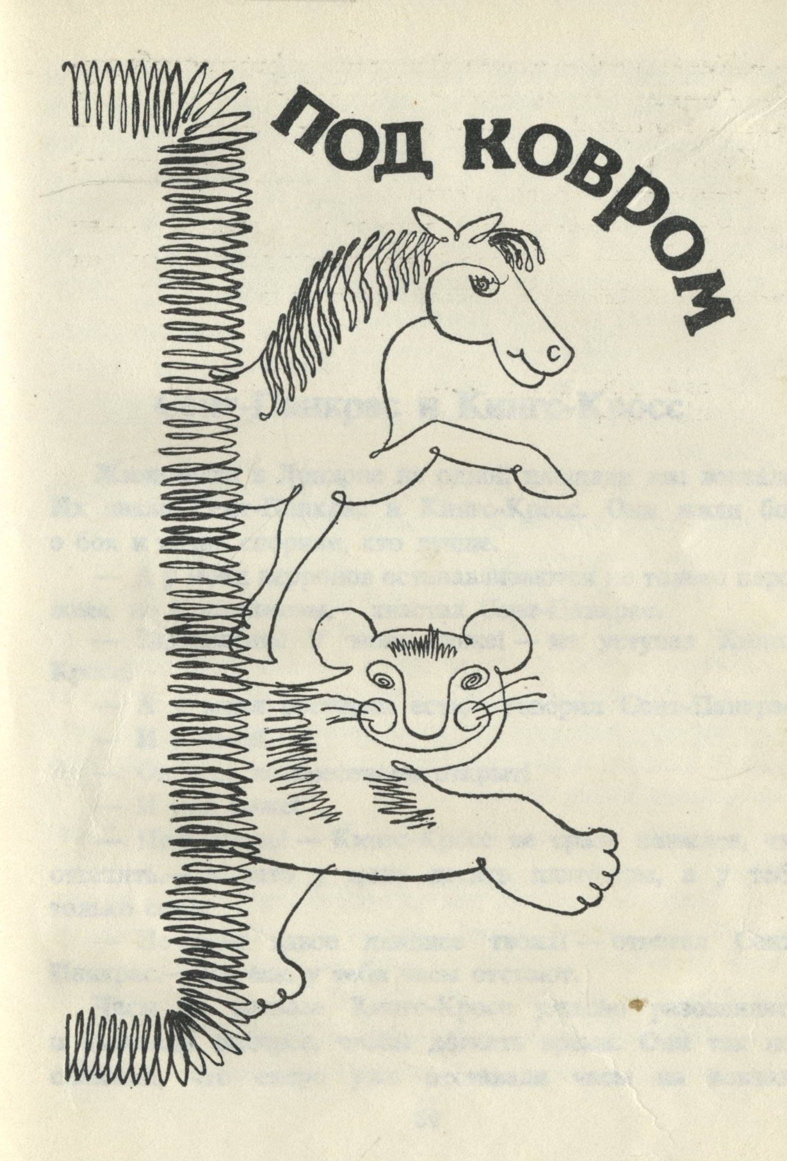
— Больше этого не делай! — сказало Солнце.

— Не буду, честное слово,— пообещал Кукареку.

На следующее утро Солнце встало и, как всегда, принялось готовить завтрак. На этот раз никто его не щекотал и тост ни чуточки не подгорел. Тогда Солнце поджарило еще один кусочек хлеба, намазало его маслом и протянуло петушку-на-крыше.

— Как вкусно! — сказал Кукареку.— Большое тебе спасибо, Солнце.— И он три раза перевернулся на одной ножке.— Кукареку! — кукарекнул он.— Кукареку! Кукаре... Кука... Ку... Кх! Кх! Кх! — Он закашлялся, потому что в горло ему попала крошка.

— Ну и глупышка ты, Кукареку,— сказало Солнце и похлопало его по спине.— Ну и глупышка! — И оно засмеялось, и смеялось, и смеялось весь день.

Сент-Панкрас и Кингс-Кросс

Жили-были в Лондоне на одной площади два вокзала. Их звали Сент-Панкрас и Кингс-Кросс. Они жили бок о бок и вечно спорили, кто лучше.

— А у моих перронов останавливаются не только паровозы, но и тепловозы,— хвастал Сент-Панкрас.

— Подумаешь! У моих тоже! — не уступал Кингс-Кросс.

— А у меня ресторан есть,— говорил Сент-Панкрас.

— И у меня!

— Он и по воскресеньям открыт!

— И мой тоже!

— Подумаешь! — Кингс-Кросс не сразу нашелся, что ответить.— А зато у меня десять платформ, а у тебя только семь.

— Но мои вдвое длиннее твоих! — ответил Сент-Панкрас.— Да еще у тебя часы отстают.

Часы на вокзале Кингс-Кросс ужасно разозлились и затикали быстрее, чтобы догнать время. Они так поспешили, что скоро уже отставали часы на вокзале

Сент-Панкрас и, чтобы догнать соседа, тоже затикали быстрее и быстрее. Теперь уже и те и другие часы спешили вовсю; пришлось и поездам поспешить, чтобы прийти без опоздания. Часы летели вперед, и поезда неслись вперед, и под конец у них даже не хватало времени, чтобы высадить своих пассажиров: они приезжали на вокзал и тут же отправлялись назад. Пассажиры очень сердились и махали из окон зонтиками.

— Эй, остановитесь! — кричали они.

Но поезда их не слушали.

— Не можем! — отвечали они.— Иначе мы опоздаем. Посмотрите на часы!

Да, теперь часы летели так быстро, что, не успев показать утро, тут же показывали вечер.

Солнце недоумевало.

— Наверное, я отстаю,— решило оно и помчалось по небосводу быстрей, быстрей, быстрей.

Жителям Лондона тоже пришлось нелегко. Они вскакивали с постели и тут же ложились спать, но, не успев даже заснуть, опять вскакивали и спешили на работу. А дети бежали в школу и, не успев ответить, сколько будет дважды два, бежали назад домой.

В конце концов лорд-мэр Лондона сказал королеве:

— Ваше величество, так дальше продолжаться не может! Я предлагаю выдать медаль Юстонскому вокзалу. Тогда наши два вокзала от зависти перестанут спорить друг с другом.

— Прекрасная идея! — сказала королева.

И вот она выехала из Букингемского дворца в сопро-

вождении лорд-мэра, конной гвардии и гвардейского духового оркестра, а впереди шел премьер-министр и на красной бархатной подушке нес золотую медаль.

Когда королевский кортеж достиг Кингс-Кросса, оба вокзала перестали спорить и проводили его глазами.

— Что я вижу, Сент-Панкрас! — воскликнул Кингс-Кросс.— А ты видишь?

— Да! — ответил Сент-Панкрас.— Это медаль Юстонскому вокзалу за то, что у него пятнадцать платформ. Какая несправедливость! Ты-то уж наверняка лучше Юстона!

— И ты лучше, Сент-Панкрас,— сказал Кингс-Кросс.

Сент-Панкрас удивился, но подумал, что худой мир лучше доброй ссоры, и сказал:

— Будем друзьями, Кингс-Кросс.

— Будем! — ответил Кингс-Кросс.

Так они стали друзьями и бросили спорить, а их часы перестали спешить, и поезда перестали торопиться. Все были довольны.

— Вы умный человек, лорд-мэр! — сказала королева.

— Благодарю вас, ваше величество! — ответил лорд-мэр.

Игра в прятки

Однажды Тьма задумала играть в прятки с Луной. Она пряталась то за домами, то за дымовыми трубами и сидела там притаившись, пока Луна потихоньку не подкрадывалась к ней.

А иногда Тьма металась туда-сюда, прежде чем спрятаться за кошку или собаку, перебегавшую через дорогу. В общем-то она очень ловко пряталась от Луны.

Но вот взошло Солнце и все переменилось.

— Ну, теперь погоди! — сказала Луна.— Посмотрим, куда ты от Солнца спрячешься.

— За ребятами, когда они пойдут в школу,— ответила Тьма.— Я стану их тенью.

— Это, конечно, ты ловко придумала,— сказала Луна.— Но когда дети войдут в школу, тогда куда ты денешься? Мой совет тебе, голубушка, лучше уж спрячься на другой стороне Земли, не то Солнце непременно доберется до тебя.

— Не доберется! — ответила Тьма.— Вот подожди, сама увидишь!

Но когда Солнце поднялось выше, Тьма все-таки ушла на другую сторону Земли, и там настала ночь, а здесь, чтобы поиграть с Солнцем, остались только маленькие темные пятнышки.

Им было очень весело, они бегали тенью за людьми, даже за коровами, а некоторые стали тенью птиц и летали за ними через лужайки. Но в конце концов Солнце все-таки отыскивало их, и вот уже осталось одно-единственное темное пятнышко.

— Я и тебя поймаю! — сказало Солнце.— Куда бы ты ни спряталось!

— А вот и нет! — сказало темное пятнышко.— Я знаю такое место, где ты меня никогда не найдешь. Закрой глаза и считай до десяти, а я спрячусь.

Солнце ушло за тучу и считало до десяти. А потом выглянуло опять.

— Наверное, оно спряталось за кого-нибудь и притворилось тенью,— подумало Солнце.

Но Солнце высветило все уголки и закоулки, а Тьмы так и не нашло.

И один день светило, и другой день светило — всё искало Тьму,— но так и не нашло, да и не могло найти, потому что Тьма очень удачно спряталась — в чулане под лестницей.

— Как здесь уютно! — подумала Тьма.— Останусь-ка я здесь навсегда.

Так она и сделала.

Вот почему в чулане под лестницей всегда темным-темно.

Аннабель

Жила-была на свете корова. Звали ее Аннабель. У нее часто болел живот. Но однажды она спасла корабль от кораблекрушения.

Как-то в туманный день Аннабель паслась на лугу в Корнуолле, у самого берега моря. Туман был такой густой, что она не видела даже своего носа и нечаянно проглотила колючий чертополох.

Ой-ой-ой! Как заболел у нее живот! Аннабель бросила щипать траву и громко замычала.

А в это самое время по морю плыл большой корабль.

Капитан поднес к глазам подзорную трубу, но не увидел ничего, кроме тумана.

— Где мы находимся сейчас? — спросил он старшего помощника.

— Точно не знаю, сэр! Где-то возле берегов Корнуолла.

— Дайте сигнал,— сказал капитан.

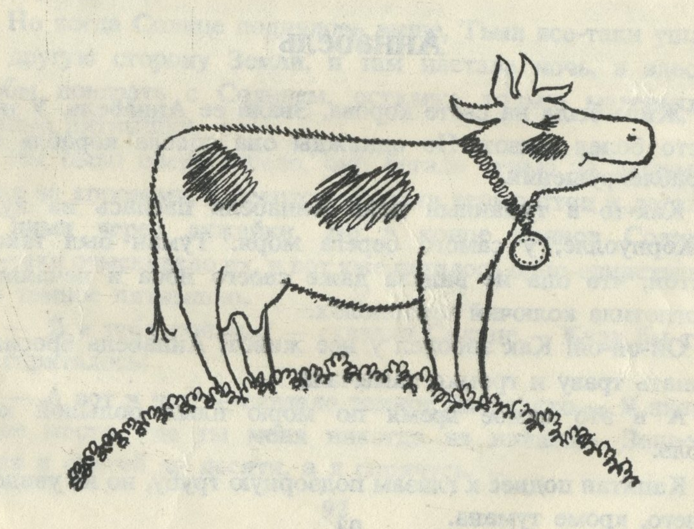
Старший помощник капитана дал сигнал.

— У-у-у-у-у-у-у! — загудела сирена.

Аннабель услышала сирену и подумала:

«Наверное, еще одна корова съела чертополох. Надо послать за доктором».— И она замычала в ответ, чтобы другая корова знала, что ее услышали.

— Прислушайтесь! — сказал капитан.

Старший помощник остановил сирену и прислушался. И сквозь волны и туман до них донеслось:

— М-у-у-у-у-у-у!

— Это мычит Аннабель,— сказал капитан.— Значит, мы где-то рядом с ее лужайкой.— И он, не теряя времени, отдал приказание:

— Моп сташина! Ах нет, стоп машина!

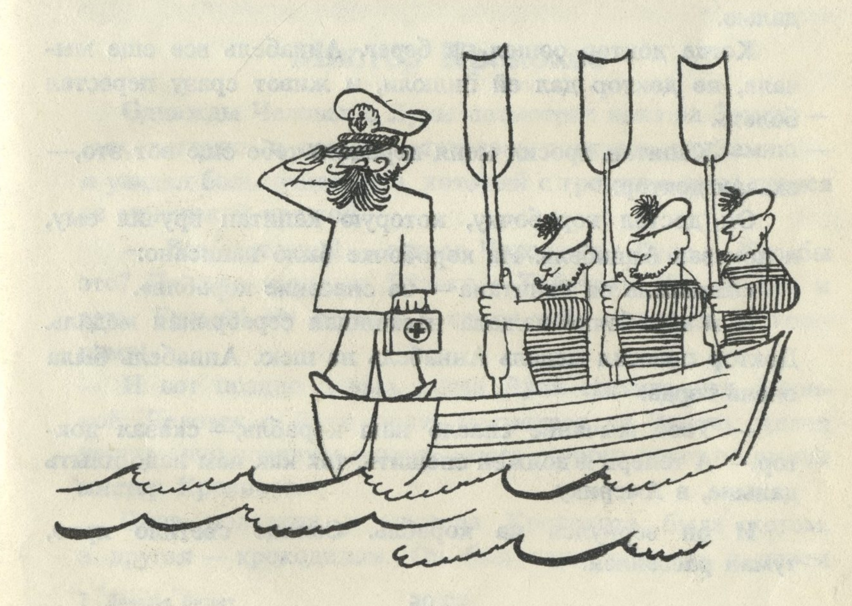
— Полный назад!

— Бросить якорь!

— Дать сигнал!

Якорь ударился о дно, корабль остановился, а сирена опять загудела:

— У-у-у-у-у-у-у!

Капитан посмотрел за борт. Тут выглянуло солнце, и он увидел, что как раз вовремя остановил корабль: еще минута, и они разбились бы об острые скалы.

Ему удалось спасти корабль только потому, что он услышал мычание Аннабель.

Тут он опять услышал:

— М-у-у-у-у-у-у! М-у-у-у-у-у-у!

— Странно,— подумал он.— Она все еще мычит, может быть, у нее болит живот.

И он послал на берег корабельного доктора с пилюлями, лечить Аннабель.

— Дайте ей еще вот это! — сказал он и вручил доктору маленькую коробочку с большой серебряной медалью.

Когда доктор сошел на берег, Аннабель все еще мычала, но доктор дал ей пилюли, и живот сразу перестал болеть.

— Капитан просил меня передать тебе еще вот это,— сказал доктор.

Он достал коробочку, которую капитан вручил ему, и показал Аннабель. На коробочке было написано:

«Аннабель от капитана — за спасение корабля».

А в коробочке лежала настоящая серебряная медаль. Доктор повесил медаль Аннабель на шею. Аннабель была очень горда.

— Твое мычание спасло наш корабль,— сказал доктор.— А теперь я должен спешить, так как нам надо плыть дальше, в Америку.

И он вернулся на корабль. Солнце светило ярко, туман рассеялся.

Аннабель поглядела на море.

— М-у-у-у! — сказала она.

— У-у-у! — ответил корабль.

Корабль отплывал все дальше и «У-у-у!» делались все тише. Но капитан ещё мог разглядеть в подзорную трубу Аннабель с медалью на шее.

— М-у-у-у! — говорила Аннабель, глядя на море.— М-у-у-у!

И с большого корабля в открытом море в ответ тоже раздалось «У-у-у!».

Аннабель чувствовала себя очень счастливой, она щипала травку, а ее медаль так и горела на ярком утреннем солнце.

Мистер Крококот

Однажды Человек с Луны посмотрел вниз на Землю — ему, конечно, и раньше случалось смотреть на Землю — и увидел большущего пса, который с громким лаем гнался за маленькой кошкой.

— Вот негодник! — сказал Человек на Луне.— Кто бы это? Похоже вроде на Бульку с Хайстрит. Ну да! Так и есть, Булька! Ну погоди, я отучу тебя гоняться за кошками!

И вот поздно ночью, когда Луна светила над Африкой, Человек с Луны опять посмотрел на Землю, желая непременно повидать одного своего старого друга по имени мистер Крококот.

Одна половина у мистера Крококота была котом, а другая — крокодилом. Он был единственным в своем

роде Крококотом и жил очень уединенно в небольшой пещере посредине Африки и ни с кем никогда не виделся.

— А тебе тут не скучно? — спросил его Человек с Луны.

— Нисколечко! — ответил мистер Крококот.

— А я думал, как раз наоборот,— сказал Человек с Луны.— Ведь тебе даже некого поцеловать на ночь и сказать «спокойной ночи».

— Ха! Вот несообразительный! — сказал мистер Крококот.— Я единственное существо на свете, которому всегда есть кому сказать «спокойной ночи». Смотри!

С этими словами мистер Крококот свернулся кольцом, и половинка крокодил поцеловала половинку кота.

— Спокойной ночи, дорогой Крок! — сказал Кот.— Крепкого сна.

— Спокойной ночи, дружище Кот! — ответил Крокодил.— Приятных сновидений!

— Да-а! — сказал Человек с Луны.— Выходит, у крококотов есть свои преимущества.

— Конечно! — согласился мистер Крококот.— Но и свои неприятности тоже.

— Какие же? — удивился Человек с Луны.

— Видишь ли,— сказал мистер Крококот,— я никогда не могу идти только вперед, какая-нибудь моя половина всегда пятится назад. Поэтому я иногда не могу понять, иду я вперед или пячусь назад.

— Да, это неудобно,— согласился Человек с Луны.— Между прочим, не мог бы ты помочь мне? Есть тут один негодный пес, Булькой его зовут, живет он в Англии

и вечно гоняется за кошками. Вот бы тебе попасть туда как-нибудь ночью. Ты бы показался ему сначала кошкой, а когда он погнался бы за тобой, ты бы напугал его крокодиловой пастью. Может, это навсегда отбило бы у него охоту гоняться за кошками.

— Согласен! — сказал мистер Крококот.— Сделаем!

Когда он добрался до Англии, Луна ярко освещала соседский двор за домом Бульки. Мистер Крококот лег под тенистое дерево, спрятал свою крокодиловую половинку и выставил на лунный свет только кошачью.

Как только Булька заметил кошку — ему показалось, что это настоящая кошка,— он залаял, перемахнул через забор и бросился на нее. Но вместо кошки его встретил крокодил, да еще ух какой страшный!

Бедный Булька без оглядки помчался домой и перевел дух только в своей корзине на кухне.

— Нет уж, дудки! Больше я за кошками не гоняюсь! — решил он.

Ну и посмеялись же над ним Человек с Луны и его друг мистер Крококот!

Потом мистер Крококот зевнул и сказал:

— Мне бы вздремнуть теперь.— И улегся поудобнее.

— Спокойной ночи, дорогой Крок,— сказал Кот.

— Спокойной ночи, дружище Кот,— ответил Крокодил.— Приятных сновидений!

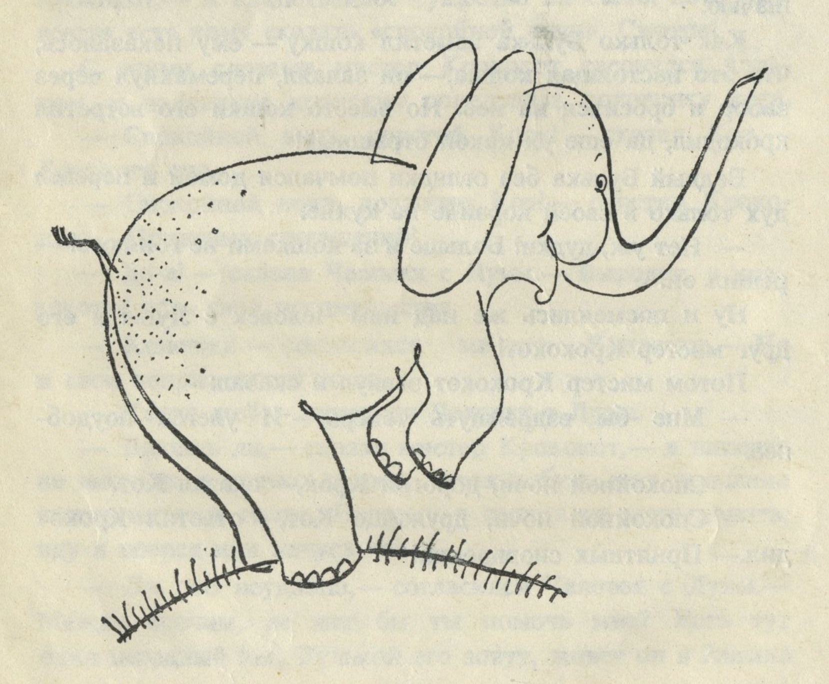
Откуда взялась морская звезда

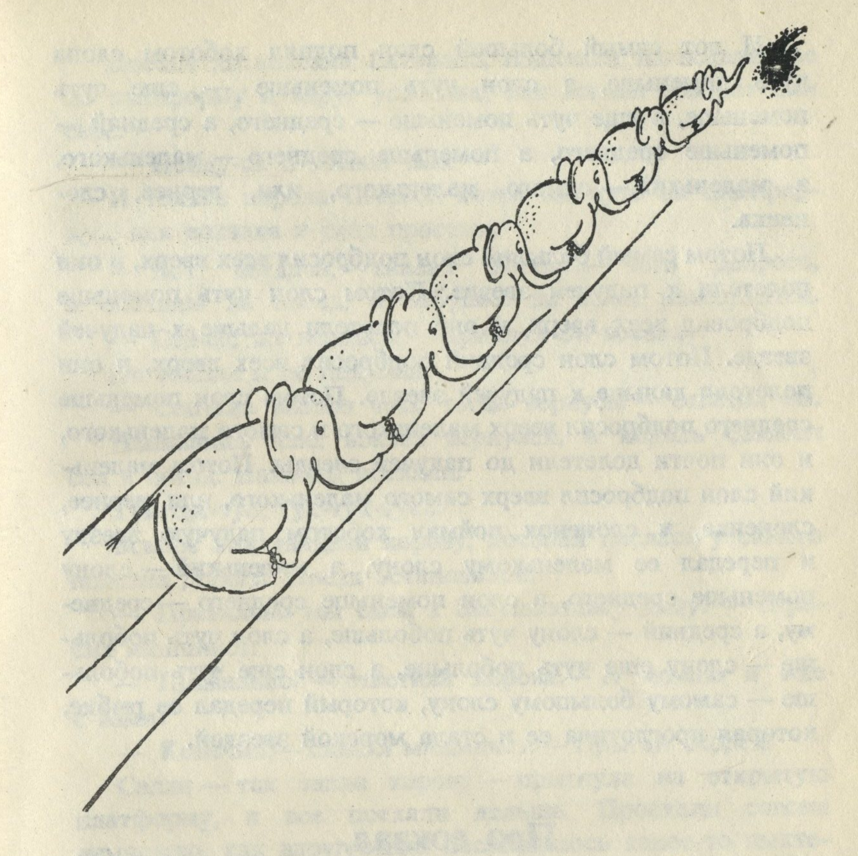
Жили на свете семь слонов.

Самый большой слон, слон чуть поменьше, слон еще чуть поменьше, слон средний, слон поменьше среднего, слон маленький и, наконец, самый маленький, или, вернее, слоненок.

Однажды они стояли на вершине холма у самого берега моря и смотрели на звезды.

Ночь была темная, и звезды сияли особенно ярко.

И рыбы в море тоже смотрели на звезды. Как только они замечали падучую звезду, они ныряли поглубже, чтобы найти ее,— им казалось, что звезда упала на дно морское.

— Давайте поймаем падучую звезду,— предложил самый большой слон.

— Давайте! — согласились все.

И вот самый большой слон поднял хоботом слона чуть поменьше, а слон чуть поменьше — еще чуть поменьше, а еще чуть поменьше — среднего, а средний — поменьше среднего, а поменьше среднего — маленького, а маленький — самого маленького, или, вернее, слоненка.

Потом самый большой слон подбросил всех вверх, и они полетели к падучей звезде. Потом слон чуть поменьше подбросил всех вверх, и они полетели дальше к падучей звезде. Потом слон средний подбросил всех вверх, и они полетели дальше к падучей звезде. Потом слон поменьше среднего подбросил вверх маленького и самого маленького, и они почти долетели до падучей звезды. Потом маленький слон подбросил вверх самого маленького, или, вернее, слоненка, и слоненок поймал хоботом падучую звезду и передал ее маленькому слону, а маленький — слону поменьше среднего, а слон поменьше среднего — среднему, а средний — слону чуть побольше, а слон чуть побольше — слону еще чуть побольше, а слон еще чуть побольше — самому большому слону, который передал ее рыбке, которая проглотила ее и стала морской звездой.

Про вокзал, который не стоял на месте

Жил на свете король. Звали его Сэмюел. Однажды он сидел на троне и думал: хорошо бы поехать на поезде к бабушке в гости. Он попрощался с королевой и отправился в путь.

Доехал до вокзала Ватерлоо, поднялся на эскалаторе на платформу и вдруг услышал, как вокзал говорит сам себе:

— Пойду-ка я выпью чаю!

И только король Сэмюел хотел шагнуть на платформу... как вокзала и след простыл.

— Вот неудача,— сказал король.— Чего доброго, я опоздаю на поезд, и бабушка на меня рассердится.

— Сейчас же вернись! — крикнул он вокзалу.

Но вокзал и не подумал.

— Сначала выпью чаю, тогда вернусь! — ответил он.

Напившись чаю, вокзал вернулся, и король Сэмюел сел в поезд. Наконец поехали.

Тук-тук-тук, тук-тук-тук...

Вскоре они увидели корову, которая паслась у самого полотна дороги. Поезд остановился.

— Правильно мы едем к бабушкиному дому? — спросил машинист.

— Правильно! — ответила корова.— А можно и мне с вами?

— Конечно,— сказал машинист.— Прыгай скорей!

Сэлли — так звали корову — прыгнула на открытую платформу, и все поехали дальше. Проехали совсем немножко, как вдруг сзади послышалось какое-то пыхтение и тарахтение. Оглянулись и видят — это вокзал Ватерлоо нагоняет их на всех парах.

— Можно и мне с вами? — крикнул вокзал.

— Давай! — ответил король Сэмюел.

Поехали дальше все вместе и вскоре приехали к бабушкиному дому.

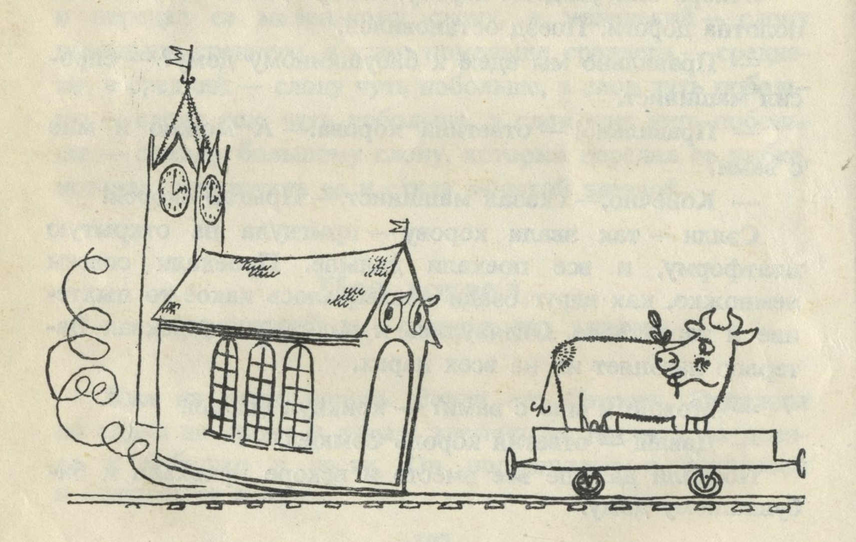
Бабушка удивилась, увидев такую большую компанию. Шутка ли: машинист паровоза, Сэлли, король Сэмюел и, наконец, сам вокзал Ватерлоо.

Но она была очень рада гостям и напоила всех чаем. После чая король Сэмюел сказал:

— Пора в обратный путь. К пяти часам я должен быть на вокзале Ватерлоо.

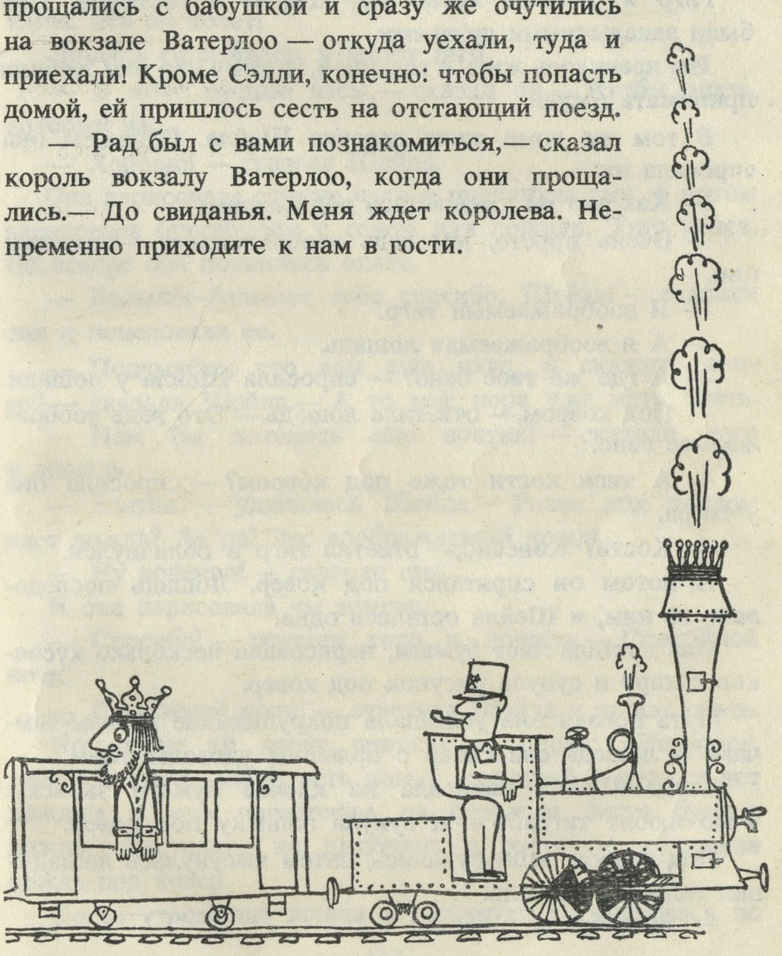
— Да вокзал Ватерлоо тут ведь! — сказала бабушка.— И спешить тебе некуда.

— В самом деле! — обрадовался король.— Значит, можно не спешить. Выпьем еще по чашечке.

Бабушка заварила свежего чаю, а после чая они до пяти спокойно играли. Потом попрощались с бабушкой и сразу же очутились на вокзале Ватерлоо — откуда уехали, туда и приехали! Кроме Сэлли, конечно: чтобы попасть домой, ей пришлось сесть на отстающий поезд.

— Рад был с вами познакомиться,— сказал король вокзалу Ватерлоо, когда они прощались.— До свиданья. Меня ждет королева. Непременно приходите к нам в гости.

Под ковром

Тигр и лошадь жили под ковром в гостиной. Они были закадычными друзьями.

Им нравилось жить в гостиной, потому что они любили принимать гостей.

В том же доме жила девочка Шейла. Однажды она спросила их:

— Как это вы умещаетесь под ковром?

— Очень просто, мы ведь воображаемые,— ответили они.

— Я воображаемый тигр.

— А я воображаемая лошадь.

— А где же твое сено? — спросила Шейла у лошади.

— Под ковром,— ответила лошадь.— Это ведь воображаемое сено.

— А твои кости тоже под ковром? — спросила она у тигра.

— Кости? Конечно,— ответил тигр и облизнулся.

А потом он спрятался под ковер. Лошадь последовала за ним, и Шейла осталась одна.

Она достала лист бумаги, нарисовала несколько кусочков сахару и сунула рисунок под ковер.

Чуть погодя она услышала похрупывание и «чам-чам-чам» — лошадь ела сахар с большим удовольствием.

Тогда Шейла написала на клочке бумаги записку: «Что любят тигры?» — и сунула записку под ковер.

Под ковром зашушукались, затем высунулась лошадиная голова и сказала:

— Бутерброды с сеном!

Шейла не поверила.

— Ах ты, гадкая лошадь! — сказала она.— Бутерброды с сеном любят не тигры, а лошади. Пойди и спроси тигра, что он хочет!

Лошадь спряталась, и вылез тигр.

— Я хочу ручные часы,— сказал он.— Чтобы знать, который час.

— Хорошо! — сказала Шейла.

Она нарисовала ручные часы и протянула ему. А потом нарисовала бутерброды с сеном для лошади. Тигр исчез. Но вскоре оба появились опять.

— Большое-большое тебе спасибо, Шейла! — сказали они и поцеловали ее.

— Подумайте, что вам еще надо, и скажите скорей,— сказала Шейла.— А то мне пора уже идти спать.

— Нам бы хотелось еще зонтик! — сказали тигр и лошадь.

— Зонтик? — удивилась Шейла.— Разве под ковром идет дождь? Ах да! Это воображаемый дождь.

— Ну конечно! — сказали они.

И она нарисовала им зонтик.

— Спасибо! — сказали тигр и лошадь.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! — ответила Шейла и пошла спать.

Но потом ей вдруг пришло в голову: «Наверное, ужасно обидно, когда есть новый, красивый зонтик и нет дождя!» И она нарисовала на большом листе бумаги дождь, спустилась на цыпочках в гостиную и сунула дождь под ковер.

Когда утром она вошла в гостиную, то очутилась по

щиколотку в воде, а тигр и лошадь сидели в раскрытом зонтике и плавали в нем, как в лодке.

«Наверное, я нарисовала слишком много дождя»,— подумала Шейла.

После завтрака она опять пришла в гостиную. Мама в это время как раз подметала ковер. Ни воды, ни зонта, ни тигра, ни лошади — ничего не осталось.

Шейла взяла свой альбом для рисования и нарисовала тигра и лошадь крепко спящими. Скоро мама ушла. А Шейла все сидела и глядела на огонь в камине. В гостиной было тихо-тихо, только из-под ковра доносился громкий храп.

Про лужу и булочку с изюмом

На тротуаре была небольшая лужа. Только что прошел дождь, и с блестящих листьев еще капала вода.

Все, кто проходил мимо, отражались в луже — и люди, и красные автобусы.

«Вот это жизнь! — думала лужа.— Куда веселей, чем на облаках. Но было бы еще лучше, если бы кто-нибудь меня выпил. Ведь в конце концов для того и вода».

Как раз в это время мимо проехал большой фургон, наполненный булочками с изюмом. Одна булочка случайно выпала и шлепнулась прямо в лужу.

— Ой-ой-ой! — сказала булочка с изюмом.— Я вся промокла, и никто теперь меня не захочет съесть. Бедная я, бедная! — И она горько расплакалась.

— Не плачь,— сказала лужа.— Вот увидишь, все будет хорошо.

— Спасибо на добром слове,— сказала булочка.— Здесь, конечно, тоже неплохо, и людей много, и красные автобусы, и с деревьев вода капает, но для булочки с изюмом тут, пожалуй, мокровато, я могу стать совсем невкусной. А ведь меня везли в привокзальное кафе, чтобы подать к чаю. Вот беда! — и она еще пуще расплакалась.

— Не плачь,— сказала лужа.— Ну-ну, не надо же, милая булочка.

— Больше не буду,— ответила булочка, всхлипывая.— Я так рада, что познакомилась с тобой. Вот было бы хорошо, если бы кто-нибудь захотел есть и пить, а мы с тобой — тут как тут.

— Конечно,— согласилась лужа.— О, смотри-ка! Видишь?

Прямо к ним через улицу шла мама-утка с тремя утятами. Полисмен поднял руку и остановил машины и автобусы, чтобы утка с утятами спокойно перешли дорогу.

— Куда направляетесь? — спросил полисмен.

— Кряк! — ответила мама-утка.— На пруд!

А утята ответили:

— Кря-кря-кря! — И побежали за матерью.

— Уф, как я устала,— сказала утка.— Да и детям не мешало бы отдохнуть и перекусить.

И вдруг в луже она увидела булочку с изюмом.

— Кряк-кряк-кряк! — сказала она.— Смотрите, какая славная булочка с изюмом и какая симпатичная лужа!

Все семейство было очень довольно.

— Кря-кря-кря,— сказали утята.— Какая вкусная булочка! Кря-кря-кря. Какая вкусная в луже вода!

Мимо проносились автобусы, проходили люди, а когда зашло солнце, опять полил дождь, с деревьев закапала вода и на тротуаре появилась новая лужа.

— Гонг-гонг! — прогудел автобус.

— Кряк-кряк! — сказала мама-утка.

— Кря-кря-кря,— ответили утята.

— Кап-кап-кап-кап...— повторял дождь.

Вот и вся история.

Туман

Однажды в день рождения королевы на Лондон опустился Туман. Он хотел посмотреть военный парад. Но как только он опустился на Лондон, королева сказала генералу:

— Сегодня парад придется отменить. Туман!

И так повторялось каждый раз, когда на Лондон опускался Туман. Туману было очень обидно, он давно мечтал увидеть парад, но что делать, если каждый раз, когда он появлялся в Лондоне, королева говорила:

— Парад отменяется!

А в Букингемском дворце под королевским троном жила кошка по имени Смоки. Она пожалела Туман и решила ему помочь. Когда подошел следующий день рождения королевы, Смоки написала Туману письмо:

Во дворце
Под королевским троном
Вторник

Дорогой Туман,
жду тебя вечером около дворца.

Искренне твоя
Смоки.

В этот вечер, перед тем как лечь спать, королева выпустила кошку с черного хода Букингемского дворца на улицу, а потом поднялась к себе в спальню. И не успела Смоки три раза промяукать, как Туман опустился на Лондон.

— Мне так хочется посмотреть парад,— признался ей Туман.— Но из-за меня его каждый раз отменяют, и мне никак не удается его увидеть.

— Я кое-что придумала,— сказала Смоки.— Завтра ты появись, как только солдаты выстроятся для парада. Увидев тебя, генерал скажет: «Ваше величество, опять Туман. Отменить парад?»

— Да, да, он именно так и говорит,— со вздохом сказал Туман.

— И не успеет королева ответить: «Парад отменяется!», ты мяукни.

— Хорошо! — сказал Туман.— Только я не умею мяукать.

Смоки его научила, хотя это было непросто.

На следующее утро, когда солдаты выстроились для парада и генерал спросил королеву:

— Ну как, Ваше величество, отменить парад? Видите, Туман?

— Где? — спросила королева.

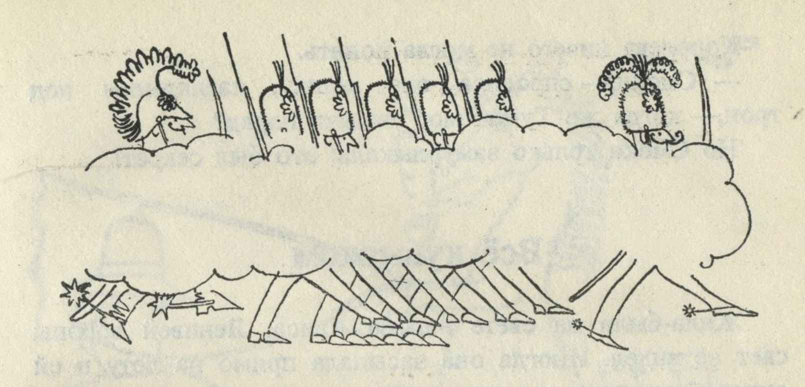
— Там! — ответил генерал, указывая на Туман.

И тут Туман мяукнул.

— Ах, генерал,— сказала королева,— неужели вы не можете отличить кошку от Тумана? Я своими ушами слышала мяуканье. Ни в коем случае не отменяйте парад!

Так Туман увидел наконец парад. Он остался очень доволен, а потом вернулся в родные горы Уэльса. Правда, там и без него было туманно, но зато не приходилось скучать в одиночестве.

Однажды королева написала ему письмо:

Дворец
1 июня

Дорогой Туман,

Не спеши к нам возвращаться.

Искренне твоя
Королева.

И Туман ответил ей:

Уэльс
Пятница

Ваше величество,

мне и здесь хорошо. А парад мне очень понравился. Благодарю Вас, что Вы позволили мне его посмотреть.

Искренне Ваш
Туман.

Передайте привет Смоки.

Королева ничего не могла понять.

— Смоки,— спросила она кошку, заглядывая под трон,— когда же Туман мог увидеть парад?

Но Смоки только замурлыкала: это был секрет!

Всё кувырком

Жила-была на свете ворона Алиса. Ленивей вороны свет не видел. Иногда она засыпала прямо на лету и ей снились самые диковинные сны.

Однажды она так крепко заснула, что полетела кувырком, и, пока летела, ей приснился сон — сон кувырком...

Кошка Мурр любила ловить мышей. Она увидела в корзине с бельем двух мышек и потихоньку подкралась к ним.

— Смотри-ка, вон кошка! — сказала одна мышка другой.— Сейчас мы ее поймаем!

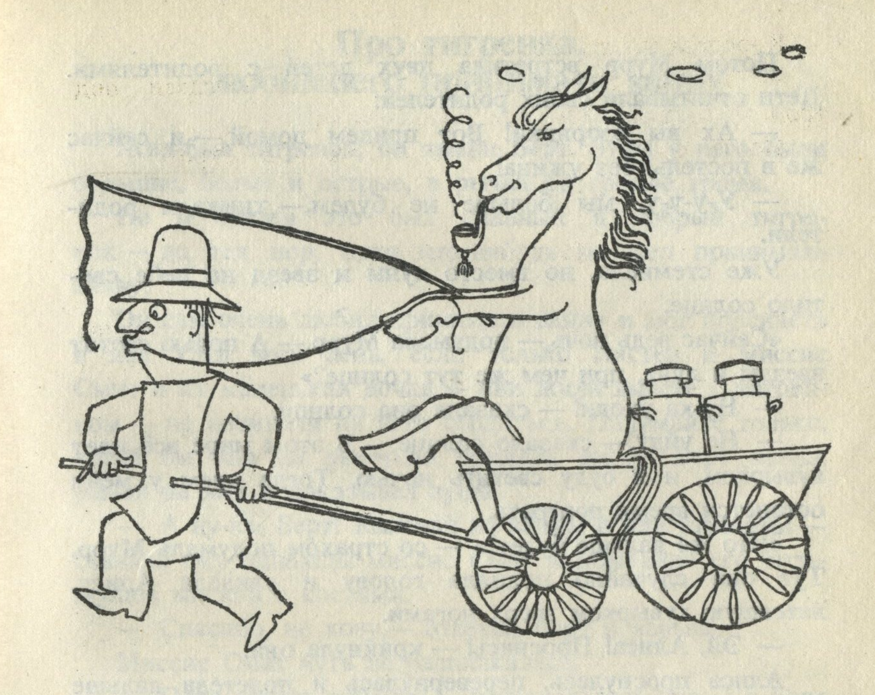
Мурр удивилась. «Какие глупости! Разве мыши охотятся за кошками?» — подумала она.

Но когда мыши погнались за ней, она от удивления побежала прочь без оглядки.

«Ну и жизнь, всё идет кувырком!» — подумала Мурр.

Тут навстречу ей попался большущий пес Гав. Гав сердито зарычал на Мурр.

Мурр готова была уже удрать и спрятаться на дереве, но вдруг подумала: «Если всё в этом мире идет кувырком, Гав сам убежит от меня».

И Мурр бросилась на Гава, а Гав, само собой, бросился наутек.

«Чудеса творятся в этом мире! — подумала Мурр.— Кошки охотятся на собак, мыши — на кошек. В жизни не встречала ничего подобного!»

Тут она взглянула на дорогу и увидела молочника, тележку и лошадь.

Тележку тянул молочник, а лошадь сидела на тележке и погоняла его: «Нн-оо!» Молочнику приходилось поторапливаться.

Потом Мурр встретила двух детей с родителями. Дети отчитывали своих родителей:

— Ах вы озорники! Вот придем домой — и сейчас же в постель, без ужина!

— У-у-у-у, мы больше не будем,— хныкали родители.

Уже стемнело, но вместо луны и звезд на небе светило солнце.

«Сейчас ведь ночь,— подумала Мурр.— А ночью светят звезды и луна, при чем же тут солнце?»

— Ну-ка уходи! — сказала она солнцу.

— Не уйду,— сказало солнце.— В этом мире всё идет кувырком, и я буду светить ночью. Тогда днем у меня останется время поиграть.

«Что же дальше будет?» — со страхом подумала Мурр. Тут она случайно подняла голову и увидела Алису, летевшую кувырком вверх ногами.

— Эй, Алиса! Проснись! — крикнула она.

Алиса проснулась, перевернулась и полетела дальше как ни в чем не бывало. И тут же солнце зашло, засветили луна и звезды, лошадь молочника сама потянула тележку, Гав погнался за Мурр, а Мурр — за мышами, пока они не спрятались опять в корзину с бельем. Мурр сильно проголодалась и поспешила на кухню полакомиться рыбкой и молоком.

А ленивая Алиса вернулась в свое гнездо на самой верхушке дерева, устроилась поудобнее и заснула.

— Карр! — сказала она, засыпая.— Какой забавный был сон.

Про тигренка, любившего принимать ванну

Жил-был тигренок, по имени Берт. Зубы у него были большие, белые и острые, а рычал он громче грома.

Но в общем это был славный и добрый тигренок — до тех пор, пока кто-нибудь не шел принимать ванну.

Он сам очень любил принимать ванну и мог просидеть в ней хоть весь день, если только мистер и миссис Смит и их маленькая дочка — они жили вместе с тигренком — не начинали на него сердиться. Подумайте только, когда бы они ни захотели принять ванну, Берт всегда рычал на них и показывал зубы.

— А ну-ка, Берт! Вылезай из ванны и иди ужинать! — сказала ему однажды миссис Смит и поманила его большущей миской с костями.

— Спасибо, не хочу,— ответил Берт и зарычал.

Миссис Смит чуть не расплакалась.

— Пора купать ребенка,— пожаловалась она,— а Берт не хочет вылезать из ванны. Как быть?

— Кажется, придумал! — сказал мистер Смит.

Он пошел в магазин и купил двадцать бутылок черных чернил, а когда Берт отвернулся, вылил все чернила в ванну. Вода стала черная-черная, и Берт тоже стал весь черный.

Несколько часов спустя Берт решил, что пора ужинать, и вылез из ванны.

— Ой, только поглядите на эту большущую черную кошку,— сказал мистер Смит.

— И в самом деле, какой красивый кот! — сказала миссис Смит.

— Какой такой кот? — возмутился Берт.— Я вовсе не кот. Я тигр.

— У тигров полоски,— сказал мистер Смит.— Они не бывают черными.

«О небо! Может быть, я и в самом деле стал котом»,— подумал тигренок.

— Но только кошки не любят купаться,— продолжал мистер Смит.— Верно?

— Верно! — согласился Берт.

После ужина Берт вышел в сад. Тут его увидел соседский пес Принц, любивший гоняться за кошками.

— Ага, кошка! — обрадовался он.— Сейчас мы ее поймаем!

Правда, ему было слегка не по себе, так как он никогда еще не видел такой огромной кошки. Но он привык, что коты и кошки всегда удирали от него, как только он начинал на них лаять, поэтому он смело подскочил к Берту, залаял и оскалил зубы.

Берт не спеша повернул к нему свою морду и только разочек зарычал, вот так: Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!

С таким страшным зверем Принцу еще никогда не приходилось встречаться, он мигом перемахнул через изгородь и был таков.

Немного погодя в сад вышел мистер Смит, и Берт спросил его:

— А я правда кот? Разве я не слишком большой для кота?

— Ну конечно же, ты не кот,— сказал мистер Смит.—

Ты тигр. Из особой породы тигров, которые сидят в ванне не больше тридцати минут. Это самая лучшая порода тигров!

Берт был польщен.

— Особая порода! — согласился он.— Самая лучшая!

И он замурлыкал от удовольствия, и принялся умываться языком, и слизал всю черноту, и снова стал тигром — желтым в черную полоску.

Потом он вернулся в дом и сказал миссис Смит:

— Пойду-ка я приму ванну.

Он пустил воду и хорошенько отмылся. Он сидел в ванне ровно тридцать минут, и миссис Смит похвалила его за это и дала ему целое ведерко мороженого.

Берт сунул голову в ведро и лизал мороженое.

— Гам-гам-гам! — говорил он.— Мое любимое мороженое!

Кузнечик и улитка

Жил-был на свете кузнечик, ужасный гордец, звали его Дэнди. Еще когда он был маленьким и только учился прыгать вместе с другими кузнечиками, он всегда прыгал выше всех. Но учитель говорил ему:

— Дэнди, ты должен учиться не только большим прыжкам, но и маленьким.

— Нет,— отвечал Дэнди,— я кузнечик особенный, не как все. Я признаю только большие прыжки.

Так он и не научился делать маленьких прыжков.

Однажды он вышел из дому попрыгать и повстречался с улиткой Оливией.

— Не надоела тебе такая медленная жизнь? — спросил он ее.— Целый день ползешь и ползешь с собственным домом на спине.

— Ну что ты,— ответила Оливия.— Я люблю ползать. Мне очень нравится быть улиткой, особенно когда идет дождь, а у меня в раковине всегда уютно и сухо. И потом, я никогда не опаздываю домой — дом всегда при мне, надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду? Быть улиткой так интересно!

— Что ж,— сказал Дэнди,— о вкусах не спорят. Привет! — И он запрыгал прочь, очень гордый собой.

Он и в самом деле был прекрасный прыгун. Все кузнечики хорошие прыгуны. Но Дэнди за один прыжок отмахивал тридцать сантиметров — это огромное расстояние, если учесть, что сам он был в десять раз меньше. И все-таки кое-чего он делать не умел. Не умел делать маленьких прыжков. Он не мог прыгнуть на пятнадцать или на десять сантиметров — только на тридцать. Прыг — и тридцать сантиметров позади.

Пока он разговаривал с Оливией, пришло время обедать, и Дэнди поспешил домой. Он был уже у самого дома — всего в каких-нибудь десяти сантиметрах,— но попасть домой никак не мог, потому что, сколько он ни прыгал, он каждый раз перепрыгивал через свой дом. Ведь он не умел делать маленьких прыжков!

Бедняжка Дэнди уже начал терять терпение и ужасно злился, но тут, на счастье, появилась... кто бы вы думали? — улитка Оливия со своим домиком на спине.

— Вот видишь, Дэнди,— сказала она,— улиткам тоже есть чем гордиться. По крайней мере домой они попадают без всяких хлопот.

У Оливии было доброе сердце (почти все улитки добрые, если только не встанут с левой ноги), и она предложила Дэнди:

— Влезай ко мне на спину, я отвезу тебя домой.

Дэнди очень обрадовался, тут же сел на нее верхом, и улитка повезла его к дому.

— Благодарю тебя, Оливия,— сказал он.— Теперь я сам вижу, что большие прыжки — это еще не главное на свете!

— Совершенно верно! — сказала Оливия.— Маленькие прыжки тоже нужны. Будь здоров, Дэнди! До свиданья!

Про полисмена Артура и про его коня Гарри

Жили-были на свете полисмен Артур и полицейский конь Гарри, оба озорники.

Надев синюю форму и прицепив к поясу резиновую дубинку, Артур каждый день садился верхом на Гарри и ехал через весь Лондон.

Любимым занятием Гарри было плестись в хвосте у какого-нибудь автобуса и дышать на заднее стекло, пока стекло не запотеет. Тогда Артур, приподнявшись в седле, рисовал пальцем на стекле всякие рожицы, а Гарри смеялся, глядя на них.

Они так часто занимались этим делом — Гарри трусил за автобусом и дышал на стекло, а Артур рисовал рожицы,— и у них совершенно не оставалось времени ловить жуликов. А в одно прекрасное утро инспектор полиции Реджинальд позвал к себе сержанта и сказал:

— Сержант!

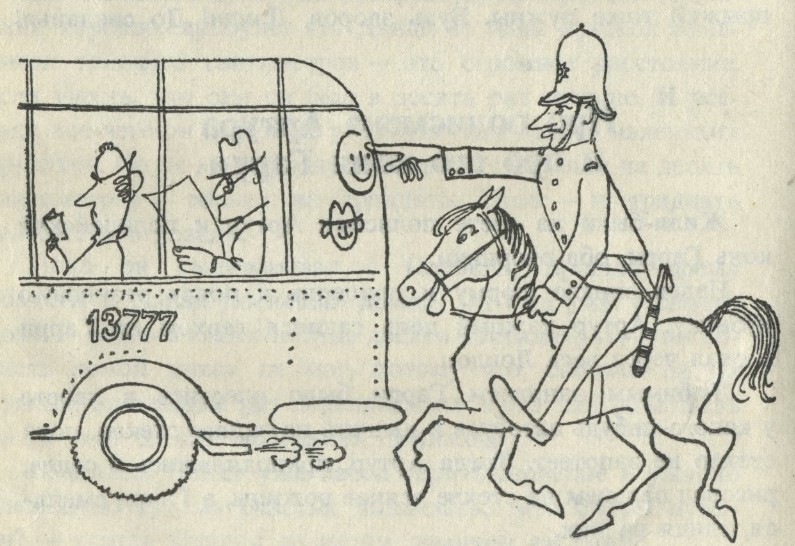
— Да, сэр! — ответил сержант, став навытяжку.

— Сержант,— спросил Реджинальд,— почему Артур не ловит жуликов?

— Не могу знать, сэр,— ответил сержант.

— Надо выяснить, сержант. Это большое упущение,— сказал инспектор Реджинальд.

— Есть, сэр! — ответил Джордж (так звали сержанта) и отдал честь.

Потом он вышел на улицу, сел на своего коня — это был очень хороший конь, он никогда не гонялся за автобусами и не дышал на стекла — и поехал по улицам Лондона искать Артура и Гарри, чтобы посмотреть, чем они занимаются.

Наконец он их увидел. Гарри в это время как раз дышал на заднее стекло автобуса, а Артур, наклонившись вперед, рисовал на стекле смешные рожицы.

«Ну и озорники! — подумал сержант Джордж.— А дело-то, кажется, занятное! Может, и мне попробовать?»

И он направил своего коня вслед за автобусом, чтобы конь подышал на заднее стекло. А когда стекло запотело, Джордж наклонился вперед и нарисовал на нем пальцем портрет инспектора Реджинальда.

Тут его увидел другой полисмен.

Ему тоже понравилось это веселое занятие, и он тоже решил его попробовать.

А скоро уже вся конная полиция ехала за автобусами: кони дышали на заднее стекло, а полисмены рисовали на стекле рожицы.

Лондонские жулики не знали, что и думать: никто больше их не ловил.

— Что случилось с полицией? — спрашивали они друг у друга.

Наконец они решили выяснить, в чем дело, и выяснили, что полисменам некогда, они рисуют на задних стеклах автобусов рожицы.

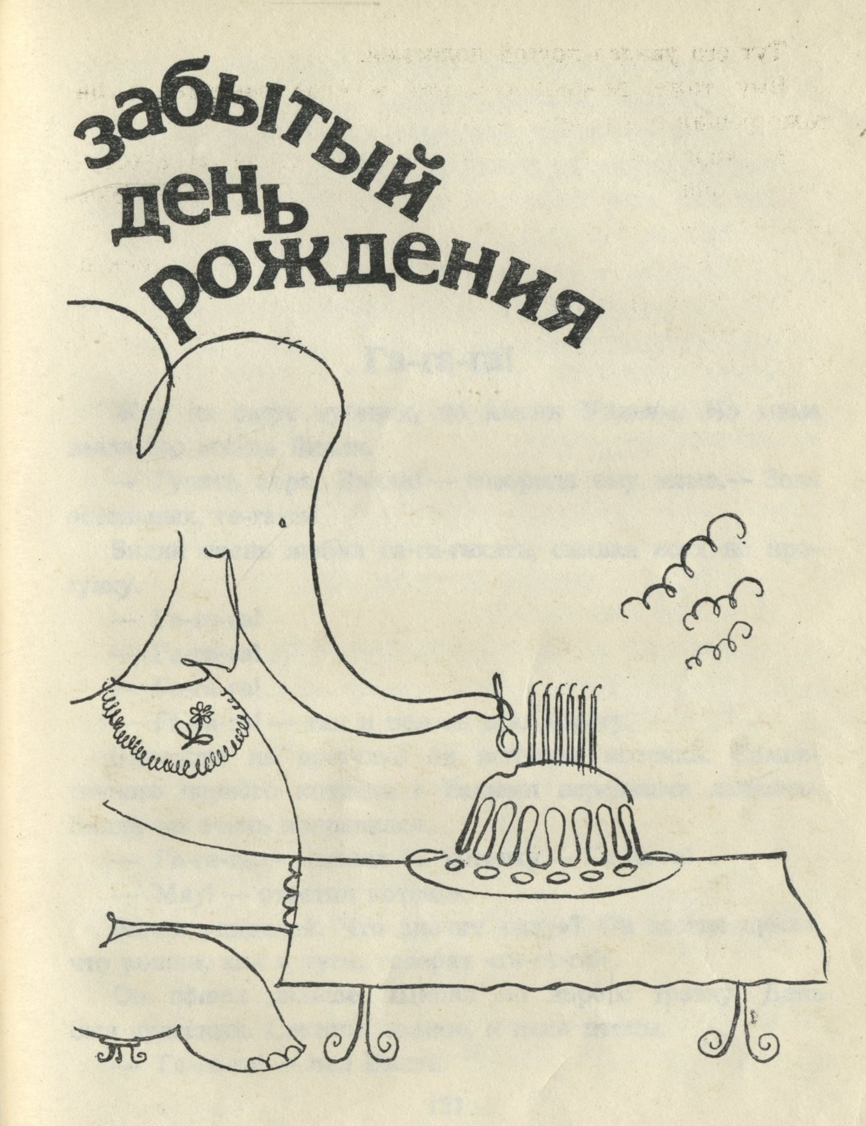
— Веселое занятие! — сказали жулики.

И они раздумали быть жуликами, а купили себе коней, научили их дышать на задние стекла автобусов и тоже стали рисовать всякие рожицы.

Шеф полиции Лондона был очень доволен. Он вызвал к себе Гарри и Артура и сказал им:

— Умно придумано! Вы оба молодцы!

И произвел Артура в сержанты.

Га-га-га!

Жил на свете гусенок, по имени Уильям. Но мама звала его всегда Вилли.

— Гулять пора, Вилли! — говорила ему мама.— Зови остальных, га-га-га!

Вилли очень любил га-га-гакать, сзывая всех на прогулку.

— Га-га-га!

— Га-га-га!

— Га-га-га!

— Га-га-га! — так и пел он всю дорогу.

Однажды на прогулке он встретил котенка. Симпатичного черного котенка с белыми передними лапками. Вилли он очень понравился.

— Га-га-га! — сказал он котенку.— Га-га-га!

— Мяу! — ответил котенок.

Вилли удивился. Что значит «мяу»? Он всегда думал, что кошки, как и гуси, говорят «га-га-га!».

Он пошел дальше. Щипал по дороге травку. День был чудесный. Светило солнце, и пели птицы.

— Га-га-га! — пел Вилли.

— Гав-гав! — ответила собака, бежавшая по дороге.

— И-го-го! — сказала лошадь.

— Н-но! — крикнул молочник своей лошади.

Бедный Вилли не понял ни слова.

Прошел мимо фермер и крикнул Вилли:

— Привет, гусенок!

— Га-га-га! — ответил Вилли.

Потом пробежали дети. Один мальчик подбежал к Вилли и крикнул: «Кыш!»

Вилли огорчился. У него даже в горле пересохло. — Я знаю, что я всего-навсего гусенок. Но зачем же кричать мне «кыш!».

В пруду он увидел золотую рыбку, но на все его «га-га-га» рыбка только хвостиком вильнула и не сказала ни слова.

Вилли пошел дальше и встретил стадо коров.

— Му-у-у! — сказали коровы.— Му-у-у-у-у-у!

Потом он встретил кур.

— Ко-ко-ко,— закудахтали куры.— Ко-ко-ко!

А петух добавил:

— Ку-ка-ре-ку-ууу!

«Ну хоть бы кто-нибудь сказал мне «га-га-га»,— подумал Вилли.— Не с кем даже поговорить. Вот скука!»

— Жжжжжжжжжж! — прожужжала пчела.

Голуби ворковали, утки крякали, а вороны каркали, сидя на верхушках деревьев. И никто, никто не сказал ему «га-га-га»!

Бедный Вилли даже заплакал, и слезы закапали с клюва на его хорошенькие красные лапки.

— Га-га-га! — рыдал Вилли.

И вдруг издалека послышалось родное «га-га-га».

А потом на дороге появился голубой автомбиль.

— Га-га-га! — сказал автомобиль.

Все английские автомобили говорят «га-га-га», а вовсе не «би-би-би».

— Га-га-га! — обрадовался Вилли.

— Га-га-га! — сказал автомобиль и проехал мимо.

Вилли глаз не мог оторвать от автомобиля.

Он почувствовал себя самым счастливым гусенком на свете.

— Га-га-га! — повторил автомобиль и скрылся за поворотом.

— Га-га-га! — крикнул ему вдогонку Вилли.

Коровы и ветер

Однажды под тенистым деревом на лугу лежали коровы. Они жевали траву и клевер, а вокруг гулял ласковый Южный Ветер, и коровам было так тепло, так приятно.

— Какой милый этот Ветер! — говорили они между собой, пережевывая зеленую траву.— Надо что-нибудь ему подарить. Только вот что?

— Знаю! — сказала рыжая корова.— Давайте купим ему теплую меховую шубу, чтобы укрыть его от злого, холодного Северного Ветра.

— Нет-нет, это ни к чему,— сказали другие коровы.

— Мы лучше вот что сделаем,— сказала белая с черными пятнами корова.— Мы попросим Петушка, что стоит

на крыше нашей церкви и показывает, куда ветер дует, чтобы он, как только подует Северный Ветер, повернулся в обратную сторону. Тогда и Северный Ветер повернет в обратную сторону и улетит назад, на Северный полюс. А наш любимый Южный Ветер останется с нами навсегда.

— Прекрасная идея! — согласились все коровы.

И они сказали Петушку-на-крыше, который по-ученому называется «флюгер»:

— Дорогой Петушок, очень просим тебя, когда услышишь, что идет Северный Ветер, повернись, пожалуйста, не на север, а на юг, чтобы этот злюка улетел обратно.

— Хорошо, постараюсь,— ответил Петушок-на-крыше.

В этот вечер, когда коровы гуляли на лугу, Южный Ветер вдруг стих и с севера через поля потянуло холодом.

Это надвигался Северный Ветер, который решил всех заморозить. Он летел через айсберги, через ледяные моря с далекого Северного полюса и был правда очень холодный.

— У-у-у-ууу! — ревел Северный Ветер.— Я вас всех заморожу-у-ууу!

Но Петушок-на-крыше не дремал. Он улучил минутку, пока ветер трепал и раскачивал деревья, и начал медленно-медленно п о в о р а ч и в а т ь с я.

Не так-то легко это было сделать, потому что Северный Ветер дул очень сильно.

Наконец Петушку-на-крыше удалось повернуться к северу спиной.

Как только Северный Ветер заметил, что флюгер показывает на юг, он воскликнул:

— Черт возьми! Ведь я не Южный Ветер, а Северный! Наверно, я сбился с пути.

Он подул в обратную сторону и тут же очутился на Северном полюсе.

— Чудеса! — сказал он.— Что же мне теперь делать: дуть туда или обратно? А может, лучше поспать? — И Северный Ветер лег спать.

Меж тем коровы вернулись домой и получили еще клевера и травы.

А в полях и лугах снова задул ласковый Южный Ветер.

Ух

Жил-был на свете Ух. Он был очень доволен жизнью, потому что каждый автобус, который проезжал мимо по дороге, говорил ему «ух!». И все пассажиры в автобусе тоже говорили:

— Ух! Вот это ухаб!

И кондуктор автобуса говорил:

— Ух ты, какой ухаб!

«Хорошо, что меня зовут Ух!» — радовался Ух.

А в это время по дороге на велосипеде ехал мальчик.

«Вот, сейчас опять!» — подумал Ух.

Но мальчик объехал ухаб и никакого «ух!» не случилось.

Ух обиделся.

— Выше голову! — сказала дорога.— Едет еще автобус!

Автобус подъехал и ух! — в ухаб. И водитель сказал:

— Ух! Вот это ухаб!

И кондуктор сказал:

— Ух ты, какой ухаб!

Ух опять повеселел.

Но в один из весенних дней пришли дорожные рабочие, перекрыли дорогу красными флажками, принесли кирки и лопаты, починили дорогу и залили ее асфальтом.

— Теперь от ухаба и следа не осталось! — сказал главный дорожный мастер.

Рабочие собрали кирки и лопаты, сняли красные флажки и ушли. Проехал автобус, но никакого «ух!» не случилось. За ним еще несколько автобусов, и тоже никаких «ух!».

— Куда же он девался? — спросила одна сторона дороги у другой.— Такой был славный Ух.

Тут на дороге показалась девочка. Она ехала на самокате, но не смотрела, куда едет, и ух! — на землю.

— Нашелся! — обрадовалась дорога.— Оказывается, он был у девочки.

«Надеюсь, она не ушиблась»,— подумал Ух.

Чуть-чуть все-таки ушиблась.

Но мама приложила девочке примочку и от «ух!» опять ничего не осталось.

Ух совсем загрустил и забился в шкаф с игрушками, где лежал старый теннисный мяч.

— Никому я не нужен,— пожаловался Ух.— А мне так хочется заняться каким-нибудь делом.

— Хочешь, оставайся здесь, и я научу тебя бам-бамбамкать,— сказал теннисный мяч и подпрыгнул.

— С удовольствием! — обрадовался Ух.

Он оказался прилежным учеником. И вот когда вечером маленькая девочка вышла в сад поиграть с мячом, у него прекрасно получилось «бам! бам! бам!». И мяч подпрыгивал выше, чем всегда.

Выше девочки. Выше девочкиной мамы. Даже выше уличного фонаря.

Девочка была довольна, и все были довольны.

«Когда тебя зовут Бам, тоже неплохо»,— подумал Ух.

Дракон и волшебник

Была на свете огненная гора. В этой горе жил волшебник. Волшебника звали Фудзи-сан.

Ему очень нравилось жить в этой горе.

— Здесь уютно и тепло! — говорил он каждый раз, ставя на вершину горы чайник.

Когда чайник кипел, окрестные жители видели, как из горы идет пар, и говорили:

— Смотрите! Фудзи-сан опять чай пить собрался.

И вот однажды, когда Фудзи-сан уселся на вершину горы и посмотрел вниз, он увидел, что к нему в гости идет маленький дракон.

— Никак Эндрью! — подумал он.— Наверное, идет чай пить.

Эндрью звали дракона, жившего со своей бабушкой в пещере у подножия горы.

А надо вам сказать, что бабушка дракона была самой симпатичной из всех драконовых бабушек. Больше всего на свете она любила выпить чашечку чаю. Но она была уже слишком стара и не могла сама подняться на гору. Вот Эндрью и надумал сходить к волшебнику за чашкой чаю для бабушки.

Но чем выше он взбирался на гору, тем горячее становилось под ногами. Наконец стало так горячо, что дальше идти он просто не мог.

Пришлось ему спуститься обратно в долину. Там он наломал толстых веток и сделал себе ходули. Шесть ходулей — для каждой ноги по ходуле. Потом опять полез на гору.

На этот раз он не почувствовал горячей земли под ногами и довольно быстро добрался до вершины.

Волшебник угостил его чаем с пирогом. А Эндрью рассказал Фудзи-сану про свою бабушку и про то, как ей хочется выпить горячего чая.

— Я с удовольствием дам ей чашку чаю,— сказал Фудзи-сан.— Но ведь он остынет, пока ты доберешься до пещеры.

И вместо чашки чаю он дал Эндрью большой чайник, очень милый маленький зеленый чайничек для заварки, две чашки и чай.

— Вот, держи! — сказал он.— Теперь можешь готовить чай, когда тебе только вздумается.

— Большое-большое спасибо! — сказал Эндрью.— Бабушка будет просто счастлива.

И он уже собрался уходить, да вспомнил, что им не на чем кипятить воду для чая.

— Так возьми огня из моей горы,— предложил волшебник.

— Боюсь, я все не донесу,— сказал Эндрью.— У меня ведь все ноги заняты чашками и чайниками.

Волшебник на минуту задумался, потом сказал:

— Ладно, сотворю чудо. Закрой глаза, вдохни и считай до десяти.

Эндрью выполнил все в точности.

— Теперь выдохни,— сказал волшебник.

Эндрью выдохнул что было мочи, и из его пасти вырвался огонь. Он чуть не закашлялся. Но в общем ему это понравилось.

— Теперь я настоящий дракон,— обрадовался он.— Настоящий огнедышащий дракон. Спасибо, Фудзи-сан!

Он попрощался и пошел домой в свою пещеру. Тут он налил в чайник воды, дохнул на него огнем, и чайник в два счета закипел. Эндрью заварил чай и отнес бабушке чашку чаю...

— Спасибо, Эндрью,— сказала она.— Я очень люблю чай!

И так до сегодняшнего дня — как только драконы кончают извергать огонь в сказках, они идут домой и кипятят чай для своих бабушек.

Хлебные крошки

Как-то раз в Лондоне на Трафальгарской площади обедали сто голубей. На обед у них, как всегда, было пшено.

Вскоре к ним прилетели еще голуби.

— Что это вы едите? — спросили они.

— Пшено! Урр-урр-урр!

Потом прилетели еще голуби.

— Ура! — обрадовались они.— Сегодня на обед пшено!

А потом прилетел голубь, по имени Артур.

— Опять пшено? — сказал он.— Вот надоело!

Он взмыл вверх и опустился на вершину колонны, на которой стоит статуя адмирала Нельсона.

— Ну что за жизнь, милорд! — пожаловался Артур Нельсону.— Каждый день пшено да пшено. Терпеть его не могу!

— А что ты любишь? — спросил адмирал Нельсон.

— Хлебные крошки! — ответил Артур.— Нет ничего вкуснее белых хлебных крошек!

Адмирал Нельсон взял подзорную трубу и оглядел улицу Уайтхолл.

— Я вижу мальчика,— сказал он.— Он идет по улице и жует белую булку. Вот он поравнялся со зданием Королевской гвардии.

Артур слетел вниз и следовал за мальчиком, пока тот не доел свою булку. Но Артуру ни крошки не перепало.

Бедняжка Артур даже расплакался. Проходивший мимо полисмен очень удивился.

— Вот так чудо! — сказал он.— Первый раз вижу плачущего голубя.

Огорченный Артур вернулся к нельсоновской колонне.

— Да, дело плохо! — вздохнул адмирал Нельсон.— Что сказал полисмен?

— Он сказал, что никогда еще не видел плачущего голубя.

— Так-так,— сказал адмирал Нельсон.

— Не следовало мне плакать из-за крошек,— сказал Артур.

— Что верно, то верно,— согласился адмирал Нельсон. Все равно не поможет. Но я кое-что придумал. Загляни-ка в карман моего мундира, ты найдешь там трехпенсовик. Его положил туда рабочий на счастье, когда ставили мою... то есть нельсоновскую колонну. Ты...— и он прошептал что-то Артуру на ухо.

— Блестящая идея! — сказал Артур.— Благодарю вас, милорд.

Он взял трехпенсовик, полетел прямо в булочную на углу Стрэнда и купил себе трехпенсовую булочку. А потом сел на подоконник булочной и начал ее есть. Глядя на него, прохожие говорили:

— Видно, голубю понравилась булка. Значит, она свежая.— И многие заходили в булочную и покупали булочки к чаю.

Булочник был очень доволен.

— Ты можешь каждый день прилетать сюда,— сказал он Артуру,— и я буду давать тебе булочку к чаю. Лучшей рекламы для булочной не придумаешь! А вот тебе еще одна булочка — за сегодняшний день.

Артур схватил в клюв булочку и полетел к адмиралу Нельсону.

— Попробуйте булочку, милорд,— сказал он и отломил адмиралу Нельсону половину.

— Благодарю! — сказал адмирал Нельсон.

— Взгляните на этих голубей, милорд,— сказал Артур.— Они опять жуют пшено. Лично я предпочитаю булочки.

— Я тоже! — ответил адмирал Нельсон.

Точка-мама и Точка-дочка

Жил-был на свете Карандаш. Он очень любил рисовать всякие палочки, закорючки и загогулины. Но однажды он сказал:

— А теперь я буду рисовать точки.

И он нарисовал одну точку большую и другую маленькую.

— Ты будешь Точка-мама,— сказал он большой точке.— А ты — Точка-дочка,— сказал он маленькой.

Сначала точки были очень довольны.

— Хорошо быть точкой! — говорили они.— Куда лучше, чем какой-нибудь закорючкой или загогулиной.

— Не задавайтесь, пожалуйста! — сказала Загогулина, их соседка.— Подумаешь, какие-то там Точки. Сидите и помалкивайте!

Они сидели и помалкивали, но потом Точка-мама сказала:

— Поиграть бы во что-нибудь!

— Разве тебе полагается играть? — удивилась Точка-дочка.— Ты ведь большая. Мне вот можно играть, я маленькая. А ты должна работать и вообще заниматься только серьезными делами.

— А я не хочу! — сказала Точка-мама.— Играть веселей!

— Э нет, это не по правилам,— сказал Карандаш и обвел большую точку Кругом, чтобы она никуда не убежала.

Точка-мама очень рассердилась.

«Как же мне выбраться из этого Круга? — подумала она.— Может быть, заплакать? А потом по морю слез переплыть через Круг?»

И она попробовала заплакать, но не сумела выжать ни слезинки.

— Слезами горю не поможешь,— сказал Круг.— Промокашка их живо высушит.

«А может, поговорить по-хорошему с Кругом? — подумала точка.— Вдруг он меня выпустит? Поздороваюсь с ним и скажу: «Доброе утро, милый Круг! Как поживают в круге маленькие дуги? Все ли здоровы в кругу вашей семьи? А как Полярный Круг, ему уже лучше?» Но вряд ли и это поможет».

А в это самое время Карандаш решил:

«Напишу-ка я рассказ!»

И начал писать.

Маленькой точке он сказал:

— Встань-ка, пожалуйста, над буквой *И*.

Вы, конечно, знаете, что в английском языке буква *И* пишется с точкой вот так: *i*.

Карандаш написал букву *ı*, а точка прыгнула на букву и получилось *i*.

— Прекрасно! — сказал Карандаш и продолжал писать свой рассказ. Он написал его до конца, осталось только поставить точку, но тут Карандаш вдруг сломался. И очень огорчился.

— Не плачь! — сказал Ластик.— Я сотру часть Круга, тогда точка сможет выйти из него и стать в конце твоего рассказа.

— Это мысль! — обрадовался Карандаш.— Большое тебе спасибо, дорогой Ластик.

И вот Ластик стер часть Круга, точка вышла из него и стала в конце рассказа, который написал Карандаш.

Вот и вся история... Точка!

Путешествие Дейзи в Австралию

Жила-была на свете ленивая слониха. Звали ее Дейзи. Каждый день после обеда — если только не было дождя — она устраивалась под высоким дубом вздремнуть, и снилось ей, что она лежит на большой-пребольшой пуховой перине.

— Как бы мне хотелось иметь настоящую пуховую перину,— сказала она однажды ласточкам, сидевшим на дубе.— Я бы выспалась на ней хорошенько, а потом отправилась бы в Австралию к бабушке.

— Ты слишком ленива, Дейзи,— сказали ласточки.— Лучше поспи еще.

— А может быть, крот выроет мне в саду туннель до самой Австралии? Вот бы хорошо!— размечталась Дейзи.

И она попросила Эрнеста — так звали крота — вырыть для нее туннель.

— Ну и дурочка ты, Дейзи,— сказал Эрнест (он-то был поумнее).— Ведь Австралия лежит по другую сторону земного шара, до нее никак не докопаться. Слишком далеко. Легче уж туда перепрыгнуть.

— Перепрыгнуть?— удивилась Дейзи.

— Конечно,— сказал Эрнест,— если ты подпрыгнешь высоко-высоко и не будешь опускаться вниз двенадцать часов подряд, Земля за это время успеет сделать пол-оборота и Австралия окажется как раз под тобой. Тебе останется только приземлиться и пойти в гости к бабушке.

— Нет,— сказала Дейзи,— ТАК высоко мне не подпрыгнуть. Даже если меня будет учить прыгать кузнечик.

— Тогда сунь хобот в землю и дунь!— сказал Эрнест.— Может быть, ты взлетишь, как ракета.

— Я не умею сильно дуть,— сказала Дейзи.— Вот если бы у меня была настоящая ракета! Раз — и ты в воздухе, хлоп — и ты опять на земле, уже в Австралии. Так бы я согласилась.

— Что ты!— сказал Эрнест.— Кто это посадит слониху на ракету! Попробуй лучше сама взлететь, как ракета. Я придумал, как тебе научиться дуть посильнее. Ты должна выпить ванну шипучки. Тогда у тебя внутри как за-шшш-шипит, как за-бббб-бурлит, как за-сссс-свистит — совсем как у настоящей ракеты.

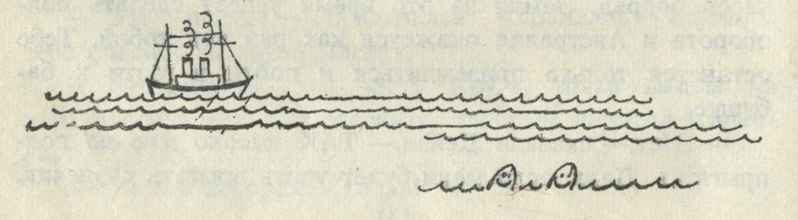
— Это я могу!— сказала Дейзи.

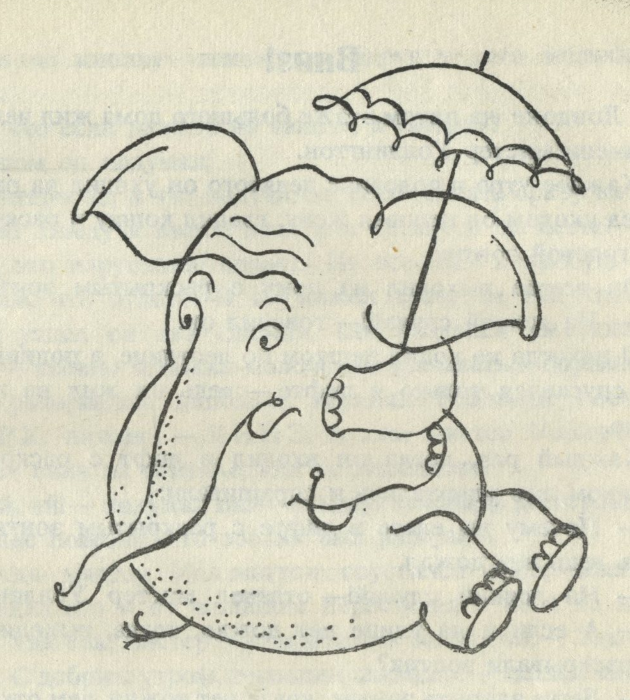
И она выпила ванну шипучки. Тут же внутри у нее как за-шшшш-шипит, как за-ббб-бурлит, как за-сссс-свистит! Она скорее хобот в землю, схватила зонтик и взвилась в воздух — почти до самой луны. Потом раскрыла зонтик и стала мягко приземляться.

А пока она спускалась, Земля продолжала вращаться, поэтому ей удалось приземлиться как раз в Австралии.

Там ее радостно приветствовали.

— Какая умная слониха!— говорили все.— Ведь это прекрасный способ сэкономить на билетах. Ты заслужила награды. Что ты хочешь?

— О, пожалуйста, большую пуховую перину,— сказала Дейзи.— Я лягу на нее, хорошенько высплюсь, а потом пойду в гости к бабушке.

Так Дейзи наконец получила пуховую перину.

— Смотрите!— сказала она австралийским ласточкам.— У меня теперь настоящая перина.

— Подумаешь,— сказали ласточки.— У нас тоже!— И они спрятали голову под свои пушистые перышки и заснули.

Вниз!

В Лондоне на пятом этаже большого дома жил человек, по имени мистер Уоллингтон.

Каждое утро в половине девятого он уходил на работу. Перед уходом он целовал жену, гладил кошку и раскрывал над головой зонтик.

Он всегда выходил из дому с раскрытым зонтиком.

— На всякий случай!— говорил он.

И никогда не ходил пешком по лестнице, а поднимался или спускался только в лифте — ведь он жил на пятом этаже.

Каждый раз, когда он входил в лифт с раскрытым зонтиком, все удивлялись и спрашивали:

— Почему вы едете в лифте с раскрытым зонтиком? Здесь ведь нет дождя.

— На всякий случай!— отвечал мистер Уоллингтон.

— А если и на улице нет дождя, тогда, выходит, вы зря раскрывали зонтик?

— Легче закрыть зонтик, когда нет дождя, чем открыть, когда идет дождь.

— Это верно,— соглашались все.— Всего вам доброго, мистер Уоллингтон!

Швейцар у подъезда говорил ему:

— С добрым утром, мистер Уоллингтон!

Швейцар носил синюю форму с серебряными пуговицами и следил, чтобы все было в исправности — и лифт, и дверные звонки, и лампочки на лестнице.

И вот однажды, собравшись, как всегда, на работу, мистер Уоллингтон сел в пустой лифт и уже хотел было

нажать на кнопку «вниз», как вдруг у него мелькнула мысль:

«А что если нажать не «вниз», а «вверх»?

Потом он подумал:

«Интересно, а что получится, если нажать сразу на обе кнопки? Поеду я вверх, вниз или останусь на месте? Конечно, это нарушение правил! Но все-таки попробую, посмотрим, что будет». И он нажал сразу на обе кнопки.

Не успел он это сделать, как раздался ужасающий треск — словно тележка молочника врезалась в паровоз,— лифт разорвался пополам: верхняя половина поехала ВВЕРХ, нижняя — ВНИЗ. А сам мистер Уоллингтон полетел вниз на зонтике, как на парашюте.

«Ай, ай!— подумал он.— А вдруг швейцар рассердится? Мне еще повезло, что зонтик был раскрыт».

Когда мистер Уоллингтон спустился вниз, швейцар уже ждал его и от волнения переступал с ноги на ногу.

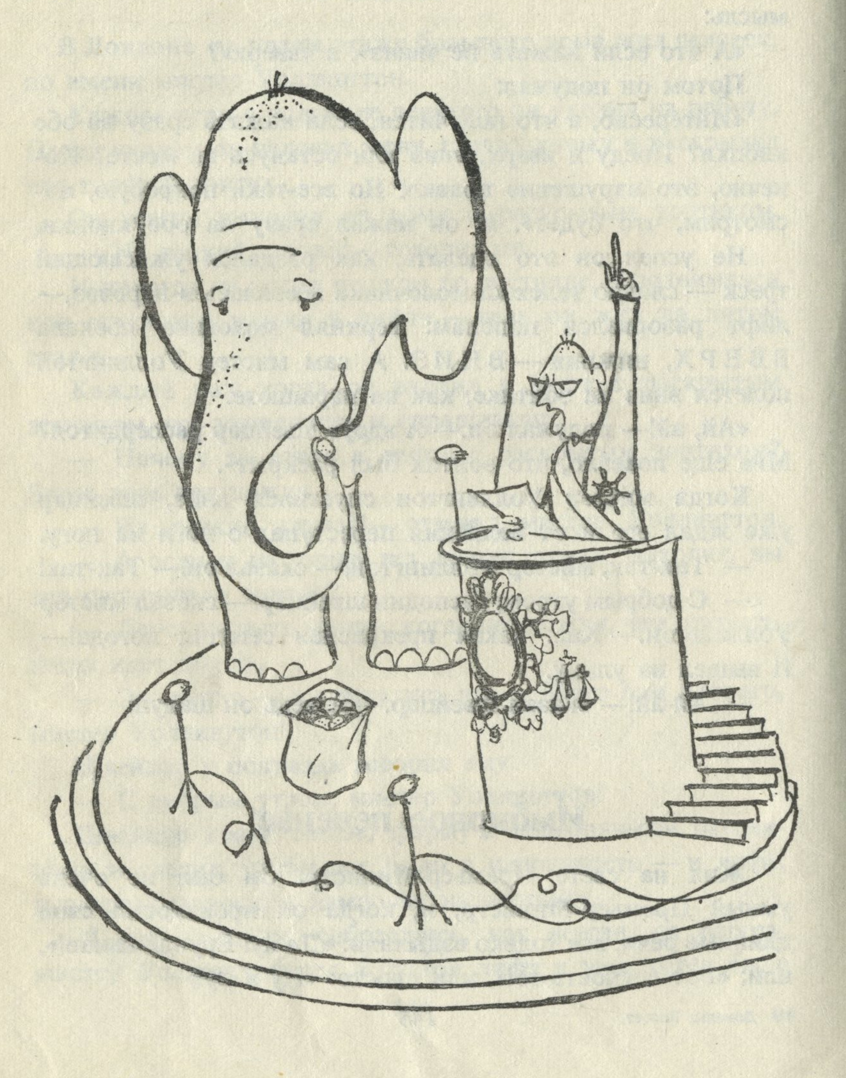
— Так-так, мистер Уоллингтон,— сказал он.— Так-так!

— С добрым утром, господин швейцар!— сказал мистер Уоллингтон.— Ка... какая прекрасная сегодня погода!— И вышел на улицу.

— Ай-ай!— сказал швейцар.— А ведь он шалун!

Имбирное печенье

Жил на свете Премьер-Министр. Он был не очень умный Премьер-Министр, и, когда он произносил свои длинные речи, все только вздыхали: «Да ну! Ерунда какая!», или: «Вот глупость-то!», или просто: «Ну и ну!»

И однажды жена Премьер-Министра сказала ему:

— Если бы ты не произносил речей, дорогой, все считали бы тебя умным.

— Я и так УМНЫЙ! — сказал Премьер-Министр.

Жена Премьер-Министра сделала вид, что не расслышала.

— Я тебе дам совет,— продолжала она.— Завтра возьми с собой в парламент слона, пусть он сидит рядом, когда ты будешь произносить речь.

— Зачем же мне слон?— удивился Премьер-Министр.

— Не спорь! У меня есть план. Твое дело взять слона.

— Но слонов туда не пускают,— сказал Премьер-Министр.— У входа висит объявление: «Членам парламента приводить на заседания домашних животных не разрешается».

— А про слонов там написано?

— Нет.

— Вот видишь, значит, слонов можно.

На другое утро, позавтракав, Премьер-Министр покинул свой дом номер десять по Даунинг-стрит, чтобы идти в парламент держать речь. Жена подала ему шляпу и конец веревки, за которую был привязан слон. Слон оказался очень послушным. Он без разговоров пошел за Премьер-Министром, но вот сесть в машину при всем желании не сумел.

— А может, посадить его наверх?— предложил Премьер-Министр.

— Да что ты, разве можно!— воскликнула жена.— Он же умрет там от страха. Пусть идет пешком. До парламента недалеко.

— Ладно!— согласился Премьер-Министр.

Жена Премьер-Министра дала слону на дорогу большой пакет с имбирным печеньем. Слон был очень доволен и всю дорогу не выпускал пакет из хобота.

Так они добрались до парламента. Премьер-Министр провел слона в зал заседаний и усадил его рядом с собой.

Потом Премьер-Министр встал и начал говорить речь, а слон открыл пакет и сунул себе в рот хрустящее имбирное печенье. Ну и шуму было, пока он жевал его!

Никто не мог и слова расслышать из речи Премьер-Министра, хотя он прямо-таки кричал, а не говорил.

Но когда он умолк, все захлопали.

— Это лучшая речь нашего Премьер-Министра!— говорили все.— Оказывается, он умный человек!

И все подходили к нему и жали ему руку.

Премьер-Министр был очень доволен и с этого дня всякий раз, когда ему предстояло произносить в парламенте речь, он брал с собой слона, а жена Премьер-Министра давала слону на дорогу большой пакет с имбирным печеньем.

«До чего же вкусное это имбирное печенье!— думал слон.— Хруст-хруст-хруст!»

Про мальчика, который рычал на тигров

Жил в Индии мальчик по имени Сади. Он любил рычать на тигров.

— Будь осторожен!— сказала ему мама.— Тигры не любят, когда на них рычат.

Но Сади ее не послушал и однажды, когда мама ушла в магазин, побежал искать тигра, чтобы на него порычать.

Далеко идти не пришлось. Тигр стоял за деревом и подкарауливал Сади.

Как только Сади приблизился, тигр выскочил и зарычал:

— Ррррррррррррррррр!

В ответ Сади тоже зарычал:

— Ррррррррррррррррр!

Тигр обиделся.

«За кого он меня принимает?— подумал он.— За кошку? За кролика? За инота? Или, кажется, за енота?»

И вот на другой день, как только он увидел на дороге Сади, он выскочил из-за дерева и зарычал громче прежнего:

— Рррррррррррррррррррррррррр!!!

— Привет, тигр!— сказал Сади и похлопал тигра по плечу.

Тигр не выносил, когда его похлопывали по плечу, и убежал прочь. Он бил хвостом по земле, точил когти и учился рычать еще страшней.

— Я же тигр!— говорил он.— ТИГР! ТИГР-РРРРРР!

Потом пошел к пруду попить воды. Напившись, он посмотрел на свое отражение. На него глядел красавец тигр, весь желтый в черную полоску, с длинным хвостом. Он опять зарычал, да так громко, что сам испугался и убежал. Бежал, бежал, пока не устал.

«От кого это я убежал?— подумал он.— Ведь то был я сам. Ох, этот мальчишка совсем сбил меня с толку! Не понимаю, почему он рычит на тигров?»

На другой день, когда Сади проходил мимо, тигр остановил его.

— Почему ты рычишь на тигров?— спросил он.

— Потому что я их боюсь,— сказал Сади.— А когда я рычу на них, получается, как будто наоборот, понимаешь?

— Понимаю!— ответил тигр.

— Ведь тигры — самые страшные звери на свете,— продолжал Сади.— Только храбрецы не боятся рычать на них.

Тигр был польщен.

— Страшнее львов?— спросил он.

— Конечно!— ответил Сади.

— И медведей?

— Гораздо страшней.

Тигр замурлыкал от удовольствия. Мальчик начинал ему нравиться.

— А ты славный!— сказал он и лизнул Сади.

С этого дня они часто гуляли вместе и рычали друг на друга.

Лошадь молочника

Жила-была на свете очень умная лошадь. Ее звали Тэрри. Она научилась писать и написала своему хозяину-молочнику записку:

Дорогой хозяин
не греми так громко бутылками
я еще сплю и встану позно
С уважением
твоя Тэрри.

И показала записку другим лошадям в конюшне.

— Хм!— сказали они.— А что такое «позно»? Если ты хотела сказать «поздно», где же буква «д»?

«Вот досада,— подумала Тэрри и повторила про себя: — Поздно-гроздно, позно-грозно, морозно-мороздно»... А вслух сказала:

— Зато вы не умеете писать!

Возразить ей никто не мог.

— Подумаешь, одна орфографическая ошибка! Пустяки,— добавила она.

В этот день Тэрри была в плохом настроении, потому что разбила себе нос. Когда она училась писать, то ручку держала в передних копытах и поэтому все время шлепалась носом вниз.

Вообще-то на задних ногах она могла стоять недолго, но стоило ей чуть пошевелиться, и она сразу падала — бац!— об землю носом.

Постепенно она научилась сохранять равновесие, упираясь концом пера в бумагу. Правда, перо то и дело ломалось, а если и не ломалось, то начинало ужасно царапать.

Наконец Тэрри научилась писать, держа ручку в зубах.

Но все-таки нос у нее еще не зажил.

На другое утро, как всегда, пришел молочник. Он первым делом прочитал записку и целых полчаса старался не греметь бутылками. Он загремел, когда Тэрри совсем проснулась: всем молочникам полагается греметь бутылками.

— Ну, как сегодня твой нос?— спросил он у Тэрри.— Как будто получше.

Он ласково потрепал Тэрри и дал ей яблоко.

Вечером, отдыхая в стойле, Тэрри написала стихотворение:

Посвящается моему лучшему Другу (Молочнику)

Знают лошадки
Как яблоки
Сладки
От них они становятся толстее
А это очень важнее
То есть нет — от них
они становятся ТОЛЩЕ
А это очень ВАЖНО

А теперь прощай
* * *
(целую три раза).

И засунула стихотворение в горлышко молочной бутылки. На другое утро пришел молочник и дал Тэрри сахару.

Пять больших кусков, один средний и два маленьких.

Он протянул ей сахар на ладони и сказал:

— Только не очень громко хрусти, а то разбудишь остальных лошадей.

И пока она тихонько хрустела, молочник прочитал ее стихотворение.

— Прекрасное стихотворение!— сказал он.— И спасибо тебе за три поцелуя. Я в долгу не останусь.

Он три раза поцеловал Тэрри, и они отправились развозить молоко.

Забытый день рождения

Жил-был на свете большой слон. Он жил в Уипснейдском зоопарке вместе со своей слонихой и маленьким слоненком, которого звали Ялмар.

Папа-слон был очень большой. Мама-слониха была тоже большая. И даже Ялмара очень маленьким никто бы не назвал. Совсем маленькими слоны не бывают.

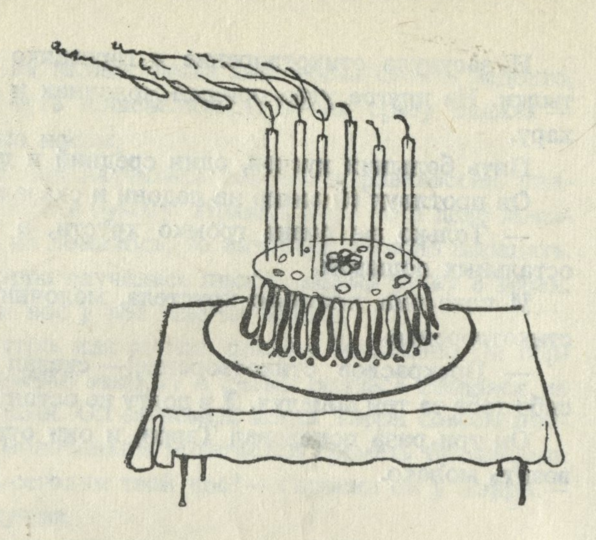
В один прекрасный день слониха-мама и слоненок-сын увидели, что папа-слон стоит на голове.

— Что с тобой?— спросила слониха-мама.

— Стараюсь кое-что вспомнить,— ответил папа-слон.

— Что же ты стараешься вспомнить?

— Если бы я знал,— ответил папа-слон,— я бы не старался. Не так ли, голубушка?

— Ялмар,— сказала слониха-мама сыну,— беги скорей и постарайся найти, что забыл папа.

И Ялмар побежал по дороге. Потом поднялся на невысокий холм возле бамбуковой рощи и присел отдохнуть, а заодно посмотреть, как играют в салки облака на небе.

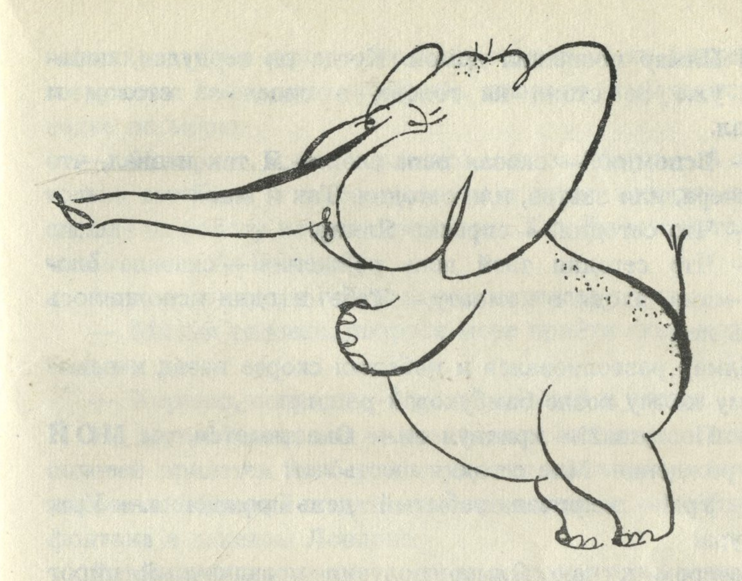
Вдруг ему послышалось, что кто-то плачет. Плакали совсем рядом, хотя Ялмар не видел кто. И он сказал:

— Не плачь. Хочешь, я помогу тебе?

Плакать перестали.

— Кто ты?— спросил Ялмар.

— Забытый день рождения. Я не знаю, чей я.

— Ай! — сказал Ялмар.— Вот беда. А праздничный пирог у тебя есть?

— Конечно! Какой же это день рождения без пирога? На моем вот шесть свечей, значит, кому-то сегодня исполнилось шесть лет.

«Как хорошо, когда тебе шесть лет!— подумал Ялмар.— Очень хорошо. Почти так же хорошо, как семь. Пять лет тоже неплохо, да и четыре — ничего. Ну а когда восемь — когда восемь, ты уже наполовину взрослый. И все-таки, пожалуй, лучше всего, когда тебе шесть».

— Мне очень, очень жаль,— сказал он.— Но я ничем не могу тебе помочь. Я просто не знаю, кто забыл свой день рождения.

И Ялмар поспешил домой. Когда он вернулся, папа-слон уже не стоял на голове, а сидел за столом и обедал.

— Вспомнил!— сказал папа-слон.— Я так и знал, что это вчера, или завтра, или сегодня. Так и знал!

— Что сегодня?— спросил Ялмар.

— Что сегодня твой день рождения!— сказала слониха-мама, входя в комнату.— Тебе сегодня исполнилось шесть лет.

Ялмар разволновался и побежал скорее назад к невысокому холму возле бамбуковой рощи.

— Послушай!— крикнул он.— Оказывается, ты МОЙ день рождения. Мне сегодня шесть лет!

— Ура!— закричал забытый день рождения.— Ура, ура, ура!

Вечером к чаю Ялмар получил праздничный пирог с шестью свечами. Он вытянул хобот и задул все свечи разом.

«Вот здорово!— подумал он.— Хорошо, когда тебе шесть лет».

Амур и соловей

Однажды в Лондон прилетел соловей. Он сел на фонтан посреди площади Пикадилли и запел для Амура — крылатого мальчика с луком и стрелами, который стоит высоко над фонтаном.

Была темная летняя ночь, и соловей пел о деревьях и цветах за городом, о море и синих волнах с белыми гребешками, набегающих на рыжеватый песчаный берег,

о детях, которые играют, строят песчаные замки, запускают воздушные змеи, едят конфеты, плавают и катаются на лодке по морю.

— Наверное, все это чудесно!— сказал Амур.— А здесь только автобусы и такси, машины и люди, которые вечно спешат на работу или за покупками. Как бы мне хотелось, чтобы здесь было море!

Амур вздохнул, и по его щеке скатилась слеза.

— Милый соловей, попроси море прийти сюда хотя бы на один день.

— Хорошо, попрошу,— сказал соловей и улетел.

На другой вечер, как только начали зажигаться звезды, соловей прилетел на берег моря, сел на пенек и запел о мальчике, который стоит один-одинешенек на верхушке фонтана в далеком Лондоне.

Ветер унес его песню в море, и волны тоже услышали ее. Соловей пел всю ночь и улетел только с восходом солнца.

Однажды, когда лондонцы вышли на улицу, чтобы идти на работу, они не узнали свой город. На площади Пикадилли разлилось настоящее море, по нему ходили волны, бившие о песчаный берег Риджент-стрит и Шефтсбери-авеню. Светило солнце. А вместо автобусов, такси и машин по улицам плавали лодки.

Люди сбрасывали шляпы и одежду и надевали купальные костюмы, дети приносили ведерки и лопаты и садились играть в песочек. А некоторые верхом на доске неслись по Хаймаркет, взлетали на светлые гребни волн и, проплывая мимо Амура, обдавали его брызгами, и он смеялся от радости.

К вечеру собрались грозовые тучи, небо потемнело и полил ливень. А когда он кончился и небо очистилось, площать Пикадилли выглядела, как и прежде — статуя Амура посередине, а вокруг автобусы и такси, машины и люди, машины и люди...

Как только стемнело и все разошлись по домам, опять прилетел соловей и сел на фонтан.

— Спасибо тебе, соловей!— сказал Амур.— Это было чудесно!

Скоро опять начался дождь. Соловей нашел себе сухое местечко у ног Амура, спрятал голову под крыло и крепко заснул.

путешествие дядюшки тик-так

Повесть-сказка

Что такое вода?
H_2O, или алмазы на траве.

Глава первая

в которой вы познакомитесь с дядюшкой Тик-Так и его тигром Рррр

— Желтеньких, пожалуйста!— попросил дядюшка Тик-Так своего любимого тигра Рррр.— Белых не надо, только желтеньких. И поскорей!

Но Рррр и ухом не повел. Он знал, что дядюшка Тик-Так говорит это просто так, на тот случай, если они вдруг встретят рябую курочку, которая несет желтые яички.

— А знаешь, чего нам и вправду не хватает, Рррр?— продолжал дядюшка Тик-Так.— Славного М Е Р О П Р И - Я Т И Я, вот чего!

— Верно!— обрадовался Рррр.— Мер... мер... как это ты сказал, мер... мер... мера. И с клубникой! Вот бы здорово!

— Да ну тебя, Рррр, у тебя вечно еда на уме. Мероприятия не едят. Мероприятие — это, например, когда мы с тобой решим...

— Обняться!— сказал Рррр и крепко обнял дядюшку Тик-Так.

— Нет, нет! Например, когда мы с тобой решим сделать что-нибудь такое... Отправимся искать клад, или полетим

на Луну, или... или позовем гостей. Ну, давай придумаем какое-нибудь мероприятие, Рррр! Чего бы нам такое изобрести? И куда только девалось мое воображение?

Тут зазвонил телефон.

— Да?— сказал дядюшка Тик-Так.— Я вас слушаю. Кто говорит?

— Ваше Воображение!— ответили в трубку.— Я придумываю для вас мероприятие. Позвоните, пожалуйста, через несколько минут по номеру Воо-Бра-Жение, 1234: ВБЖ, раз-два-три-четыре. А пока представьтесь вместе с Рррром ребятам, которые читают эту книгу. Они ведь вас еще не знают.

— Да, да, конечно! — сказал дядюшка Тик-Так.— С удовольствием. Иди сюда, Рррр, я тебя представлю.

Дорогие читатели, это Рррр! Мой любимый тигр. Иногда он бывает очень злой, особенно по вторникам. Но вообще-то он добрый и славный тигр.

А вот... хм... и я. Одну минуточку, я только сниму шляпу и раскланяюсь.

Приветствую вас!

Мое занятие — часовых дел мастер. Иногда я еще занимаюсь чудесами.

Очень рад с вами познакомиться.

Глава вторая

в которой дядюшка Тик-Так и Рррр решают отправиться в путешествие по Реке Времени до конца радуги

— ВБЖ 1234,— набрал дядюшка Тик-Так.

ВооБраЖение сразу ответило:

— Все в порядке, дядюшка Тик-Так! Мероприятие у вас будет. Постройте лодку и отправляйтесь вчера в путь по Реке Времени до конца радуги.

— Великолепно!— обрадовался дядюшка Тик-Так.— Но только почему **вчера**?

— Да чтобы скорее добраться! А по дороге загляните непременно в Озеро Детских Песенок и на Реку Слов. Но остерегайтесь вреднюг! Они в черных плащах с капюшонами и зовут их Нельзя, Несмей и Стыдись. У них еще есть собачонка Тяв-Тяв. Берегитесь их! Захватите с собой побольше еды, шерстяной свитер, часы, пачку бумаги, несколько конвертов с марками, лампу, подзорную трубу и щетку чистить Рррра.

— Хорошо!— ответил дядюшка Тик-Так.— Учтем все ИНГРЕДИЕНТЫ. Счастливо оставаться!— И повесил трубку.

Вдруг откуда-то еле слышно раздалось: «Помогите! Помогите!» Дядюшка Тик-Так снял опять трубку и услышал уже отчетливее и громче: «Помогите! Помогите!»

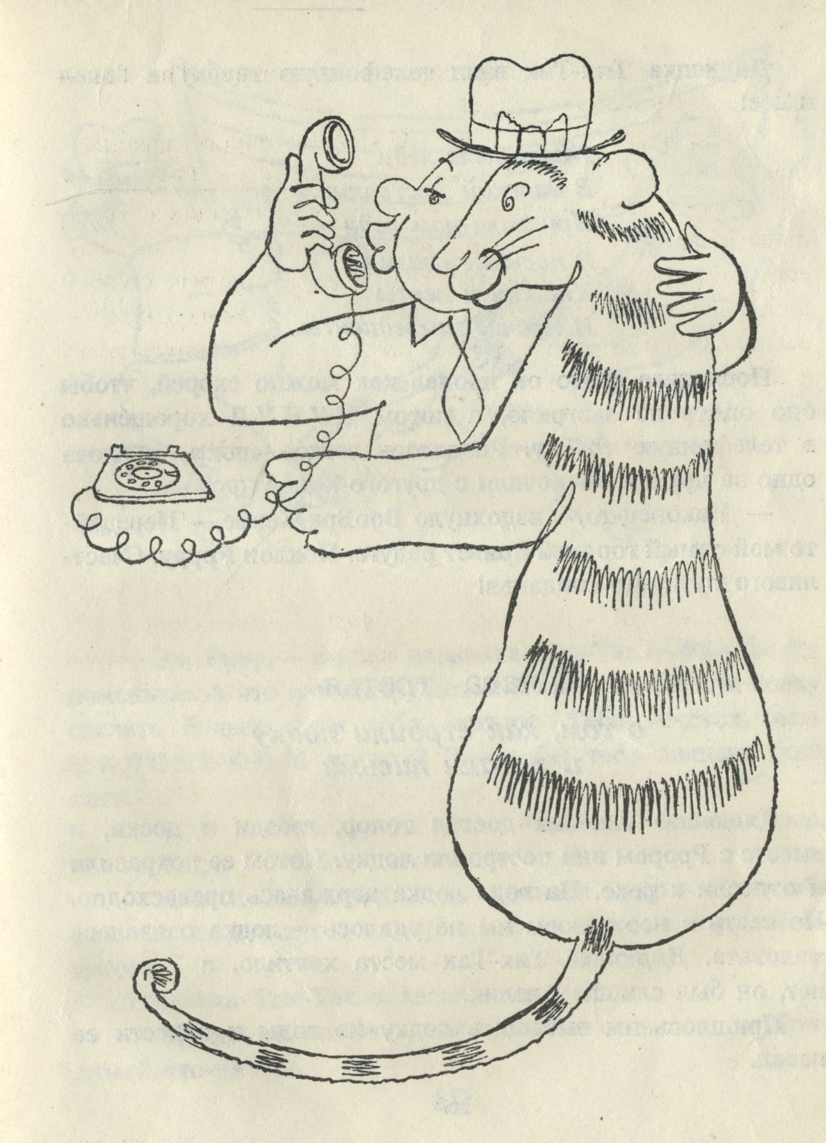
— Кажется, я догадываюсь, в чем дело,— сказал дядюшка Тик-Так.— Это непонятное слово «ингредиенты», которое я только что сказал. Оно такое трудное, что, наверное, застряло в телефоне.

Дядюшка Тик-Так прислушался и разобрал еще несколько слов, которые тоже не могли пройти. «Ну пусти же!» — подгоняли они.

«Бедняжка, совсем его затолкали»,— подумал дядюшка Тик-Так.

Ну и шум подняли эти слова!

«Спою-ка я им песенку, чтобы они успокоились,— подумал дядюшка Тик-Так.— А потом как дуну, да как плюну, сразу и выдую все слова, и они вылетят с другого конца провода».

Дядюшка Тик-Так взял телефонную трубку и запел в нее:

Жила-была леди
В далекой Австралии.
Прислала нам леди
В посылке азалии,
Книжки и ленты
И прочие ингредиенты.

Последнее слово он пропел как можно скорей, чтобы оно опять не застряло, а потом ДУНУЛ хорошенько в телефонную трубку. Раздалось легкое «пок!», и слова одно за другим выскочили с другого конца провода.

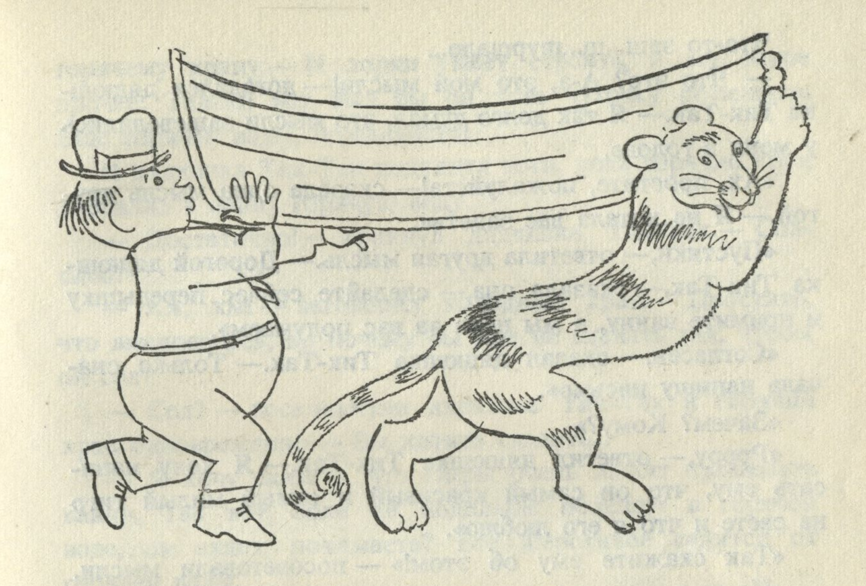
— Наконец-то,— вздохнуло ВооБраЖение.— Передайте мой самый горячий привет радуге. Поклон Рррру. Счастливого пути! До свиданья!

Глава третья

о том, как строили лодку и писали письма

Дядюшка Тик-Так достал топор, гвозди и доски, и вместе с Ррррром они построили лодку. Потом ее покрасили и отнесли к реке. На воде лодка держалась превосходно. Но сесть в нее вдвоем им не удалось — лодка оказалась маловата. Дядюшке Тик-Так места хватило, а Рррру — нет, он был слишком велик.

Пришлось им вытащить лодку из воды и отнести ее назад.

— Эх, Рррр,— сказал дядюшка Тик-Так,— был бы ты поменьше. А что вот теперь делать? Мы должны или лодку сделать больше, или тебя меньше. Тебе хочется быть МАЛЕНЬКИМ тигром? Тогда бы тебя меньше боялись.

— А я люблю, когда меня боятся!— сказал Рррр.

— Тогда бы ты ел поменьше.

— А я люблю много есть!— сказал Рррр.— Но в общем-то, ладно, пусть стану поменьше, только чур ненадолго.

Дядюшка Тик-Так почесал в затылке.

— Ну же, голова моя, головушка!— сказал он.— Придумай что-нибудь.

Что-то заш...ш...шуршало...

— Что это? А-а, это мои мысли!— догадался дядюшка Тик-Так.— Я так долго думал, что мысли зашевелились у меня в голове.

«Ах, простите, пожалуйста!— сказала одна мысль другой.— Я не хотела вас задеть».

«Пустяки,— ответила другая мысль.— Дорогой дядюшка Тик-Так,— сказала она,— сделайте сейчас передышку и примите ванну, а мы пока за вас подумаем».

«Согласен,— сказал дядюшка Тик-Так.— Только сначала напишу письмо».

«Зачем? Кому?»

«Ррруу,— ответил дядюшка Тик-Так.— Я хочу написать ему, что он самый красивый и самый милый тигр на свете и что я его люблю».

«Так скажите ему об этом!» — посоветовали мысли.

«Не могу,— сказал дядюшка Тик-Так.— Я смущаюсь. Лучше я ему напишу».

Рррр в это время тоже думал:

«Уррррррр! уррррррр! уррррррр! Сладкий человек этот дядюшка Тик-Так».

«Не сладкий, а славный, наверное?» — поправила его одна мысль.

«Нет, сладкий! — сказал Рррр.— Хотя, пожалуй, все сладкое славное. В общем, это почти одно и то же. Не верите — спросите собаку!»

Рррр и дядюшка Тик-Так написали друг другу письма. Рррр понес письма на почту, а дядюшка Тик-Так пошел принять ванну.

— Способный он тигр,— сказал дядюшка Тик-Так

горячему крану.— И лодки умеет строить, и все такое прочее. Только вот был бы он хоть чуточку поменьше. Еще горячей воды, пожалуйста!

И дядюшка Тик-Так подтянул ноги, пока горячий кран добавлял в ванну горячую воду.

— Достаточно! — крикнул дядюшка Тик-Так.— Спасибо!

— Хм, хм! — заговорил холодный кран.— Простите, что вмешиваюсь, но почему бы вам не сделать так, чтобы он сел?

— Сел? — воскликнули дядюшка Тик-Так и горячий кран одновременно.— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что тигры очень любят принимать ванну. Так вот, если он подольше полежит в горячей воде, он сядет, понимаете? Все шерстяное садится от горячей воды.

— Конечно! — согласился дядюшка Тик-Так.— Но я не хочу, чтобы он стал слишком маленьким. Кому нужен тигр величиной со шмеля? А вот, скажем, тигр как кошка, как БОЛЬШАЯ кошка, это да! Тогда он легко поместится в лодке. Только вдруг он не захочет сидеть в ванне сколько полагается?

— Гор! — воскликнул холодный кран.— Нам поможет горячий кран. Знаете, Гор замечательно рассказывает сказки. Просто заслушаешься!

— О Хол, вы очень любезный кран,— смутился Гор.

— Я уверен,— продолжал Хол,— если Гор начнет рассказывать тигру сказку, Рррр не вылезет из воды, пока не сядет до нужного размера.

— Прекрасно,— согласился дядюшка Тик-Так.

И когда Рррр вернулся с почты, дядюшка Тик-Так сказал ему:

— Дорогой Рррр, хочешь принять ванну? Может, ты немножко сядешь...

— Бегу! — обрадовался Рррр и взлетел по лестнице через три ступеньки, открыл горячий и холодный краны одновременно, залез в ванну и улегся на спину поудобнее...

— Жила-была на свете,— начал горячий кран...

Глава четвертая

в которой рассказывает Гор

— ...жила-была на свете, в бумажном пакете, в кухонном буфете Лошадь.

— Всамделишная лошадь? — удивился Рррр.

— Всамделишная лошадь? — удивился Хол.— А ей было не тесно в буфете?

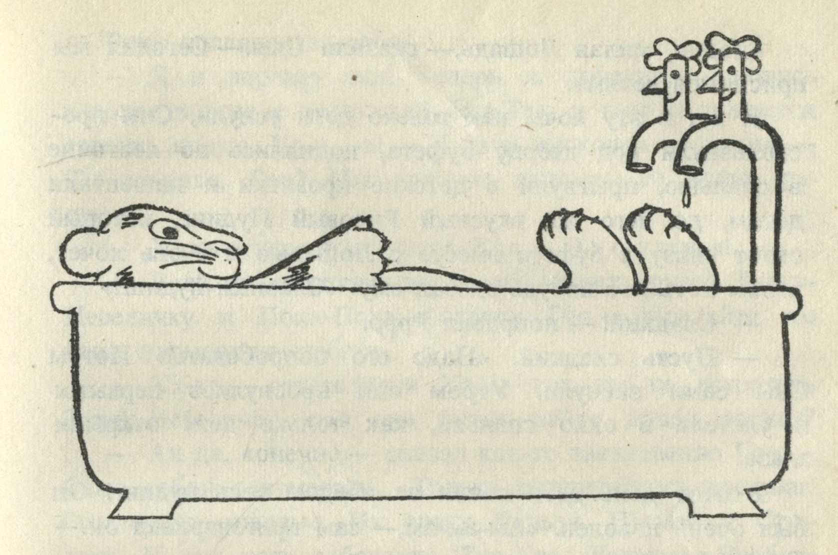
— Нет, ей там нравилось,— сказал Гор.— К тому же в буфете всегда оставляли для нее шляпу, которую можно было пожевать. И пожалуйста, не перебивайте!

Вместе с Лошадью в буфете жили еще Рисовый Пудинг и Сны. Лошадиные Сны. Рисовый Пудинг чувствовал себя очень несчастным, потому что дети, которые жили в этом доме, не хотели его есть.

Гор замолк на минутку, чтобы посмотреть, сел Рррр хоть немножко или нет.

Рррр не сел нисколечко, и Гор сказал:

— Окуни ноги и хвост! — И подбавил горячей воды.

— Я знаю, тигры предпочитают холодные ванны,— сказал он,— но в горячей воде ты сядешь быстрее. Так, дайте подумать, что же было дальше... Хол, ты не помнишь, что было дальше?

— Рисовый Пудинг мечтал, чтоб его съели,— подсказал Хол.— Собственно, для этого рисовые пудинги и существуют на свете. Да, так вот... так вот, нет, давай уж ты, Гор. Ты гораздо лучше меня рассказываешь сказки.

— Благодарю вас,— поклонился Гор и продолжал: «У-у-у, у-у-у, никто не хочет меня есть»,— плакал Рисовый Пудинг.

Лошадь его пожалела.

«Послушайте,— сказала она своим Снам,— приснитесь, пожалуйста, сегодня не мне, а детям. Пусть детям приснится Рисовый Пудинг, и пусть они захотят его съесть».

«Ладно, милая Лошадь,— сказали Сны.— Сегодня мы приснимся детям».

И вот в эту ночь, как только дети уснули, Сны проскользнули под дверцу буфета, поднялись по лестнице в спальню, прыгнули в детские кроватки и нашептали детям, до чего же вкусный Рисовый Пудинг, который стоит внизу в буфете вместе с Лошадью и очень хочет, чтобы хоть кто-нибудь сказал ему: «Славный пудинг!»

— Сладкий! — поправил Рррр.

— Пусть сладкий. «Надо его попробовать!» Потом Сны сами заснули. Утром они проснулись первыми и улетели в окно спальни, как только дети открыли глаза.

В этот день дети съели за обедом весь пудинг. Он был очень доволен. «Ам-ам-ам,— сам приговаривал он.— Славный пудинг!»

— Сладкий! — поправил снова Рррр.

— Нет, славный! — сказал Гор.— А потом дети спустились в кухню посмотреть, нет ли в буфете еще пудинга. И увидели там Лошадь...

Гор взглянул на Рррра и увидел, что тигр стал уже в два раза меньше. Тогда он сказал:

— Вот и сказке конец.

— А что потом? — спросил Рррр.

— Мм... а потом... Потом дети взяли из буфета Лошадь, отнесли ее в сад и катались на ней верхом, и с того дня они жили-не-тужили, а ты стал совсем маленький, пора мне закрыть свой горячий кран, не то ты еще больше сядешь. Я думаю, с Лошадью ты скоро сам познакомишься.

Рррр поглядел на себя.

— Я и вправду сел! Теперь я, конечно, помещусь в лодке вместе с дядюшкой Тик-Так, и нам не придется строить новую. Ур-а-а-а! — И тигр выскочил из ванны.— Ты слышал, Гор? Мы должны доплыть до конца радуги!

— Желаю удачи! — сказал Хол.— До свиданья!

— Если вы встретите по дороге наших друзей Тучку-Невеличку и Пока-Пока,— сказал Гор,— передайте им нашу пламенную любовь.

— Кх-кх,— откашлялся Хол,— как им не встретить Тучку-Невеличку, раз они хотят найти конец радуги?

— Ах да, конечно,— сказал как-то таинственно Гор.— Само собой разумеется... Только остерегайтесь вреднюг! Они очень опасные. Их зовут Нельзя, Несмей и Стыдись. У них есть собачонка Тяв-Тяв. Надеюсь, Воображение дядюшки Тик-Так вас уже предупредило?

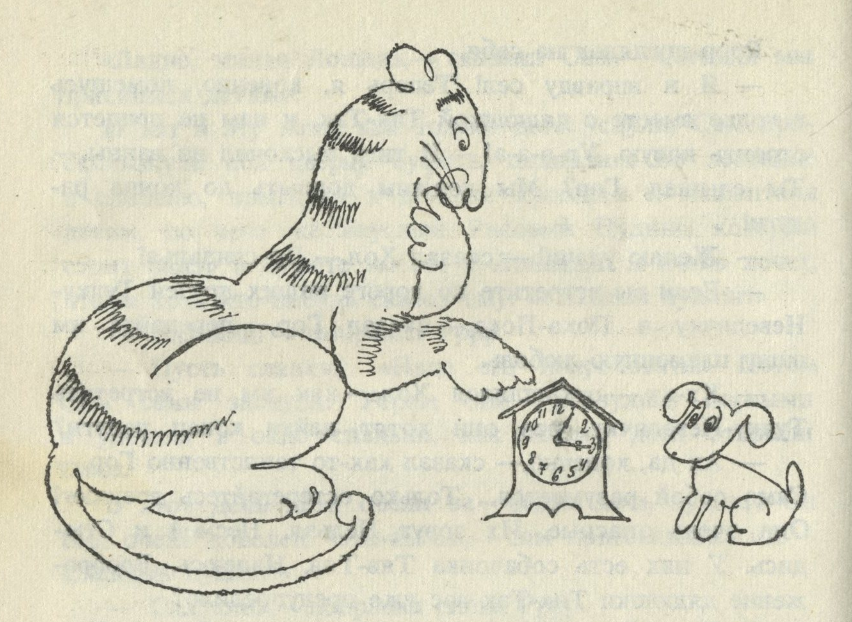
— Есть, будем остерегаться! — крикнул Рррр.— Спасибо за все! До свиданья!

Глава пятая

о том, как Фарфоровая Собачка учится отвечать, который час

Когда дядюшка Тик-Так увидел Рррра после ванны, он очень обрадовался.

— Вот теперь ты в самый раз! — сказал он.— Посмотри-ка, а вон и радуга! Там, за рекой. Эх, уже исчезла. Скажу тебе по секрету, Рррр, я не уверен, что мы

найдем конец радуги. Зато приключений у нас будет хоть отбавляй. А теперь надо решить, что мы возьмем с собой. Дай-ка подумаю. Во-первых, Рябую Курочку, чтобы она несла нам на завтрак желтые яички. Затем мои часы. Те, со звоном, которые ходят,— тик-так, тик-так. Еще прихватим с собой Фарфоровую Собачку. Мы посадим ее в лодку рядом с часами, и она будет говорить нам время. Без этого в путешествии, да еще по Реке Времени, никак нельзя.

— А фарфоровые собачки вовсе и не умеют говорить время,— сказал Рррр.

Фарфоровая Собачка заплакала, ей очень хотелось, чтобы ее взяли с собой.

— Не плачь,— сказал ей дядюшка Тик-Так.— Пока я собираю в дорогу вещи, Рррр тебя научит.

И он пошел собираться.

Рррр смутился: хоть он был и очень умный тигр, но в часах сам не разбирался.

«Бедный Рррр! — пожалел он себя.— Бедный маленький тигр, которого все обижают и никто не любит, ф-ф-ф...»

Фарфоровая Собачка заплакала еще громче, но тут набежала Тучка-Невеличка, начался дождь и вокруг лодки натекло целое озеро.

Дядюшка Тик-Так пришел просто в восторг:

— Теперь нам не надо тащить лодку к реке, мы поплывем прямо отсюда. Молодец, Тучка! Поедем с нами, будешь иногда поливать нас дождем.

Тучка-Невеличка охотно согласилась.

— Очень удобно иметь свою собственную тучку,— сказал дядюшка Тик-Так.— Когда попросишь, она польет тебя дождичком. А надоест — перестанет, и тогда хочешь гуляй, хочешь играй! Ну ладно, сейчас я должен научить Фарфоровую Собачку отвечать, который час. Да и тебе, Рррр, не мешает послушать наш урок.

Но Рррр повернулся и пошел.

— Что за ленивый тигр! А теперь, собачка, сосчитай до двенадцати.

— Я умею считать только до десяти,— ответила Фарфоровая Собачка.

— Пустяки, после десяти идет одиннадцать, а потом двенадцать. Ну, считай до двенадцати!

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать,— сосчитала собачка.

— Умница! — похвалил ее дядюшка Тик-Так.— А скажи, который будет час, если маленькая стрелка часов показывает между пятью и шестью, а большая стрелка стоит на трех?

Фарфоровая Собачка долго думала, потом сказала:

— Половина третьего.

— Нет,— сказал дядюшка Тик-Так.— БОЛЬШАЯ показывает три, а МАЛЕНЬКАЯ стоит между пятью и шестью.

— Четверть шестого! — ответила собачка.

— Совершенно верно! — сказал дядюшка Тик-Так и поцеловал ее.

— Теперь мы можем отчаливать,— сказал он.— Все на борт!

— Ко-ко-ко-ко! — закудахтала Рябая Курочка, вспорхнула и опустилась на дно лодки, в уголок между коробкой с шоколадным печеньем и охапкой сена, которое прихватили на случай, если в пути повстречается Лошадь.

Рррр уселся на корму. Одной лапой он рулил, а в другой держал солнечный зонтик, которым очень гордился.

Дядюшка Тик-Так положил на нос лодки часы, Фарфоровую Собачку, рядом с ней свою подзорную трубу (это была ЧУДЕСНАЯ подзорная труба), несколько яиц, бутерброды и, взявшись за весла, отчалил от берега.

Тучка-Невеличка поплыла вслед за лодкой, только по небу.

— Я гребу до трех часов,— сказал дядюшка Тик-Так.— Затем сядешь на весла ты, Рррр.

Так они плыли и плыли, пока Фарфоровая Собачка не пролаяла: «Три часа! Гав-гав-гав! Три часа!»

Глава шестая

в которой путешествие продолжается с помощью подзорной трубы

Рррр тут же пересел на весла, а дядюшка Тик-Так достал подзорную трубу и оглядел окрестность.

По берегам реки раскинулись поля и рощи, на лугах паслись стада коров и овец, щипали траву лошади. Но радуги нигде не было. Только вдалеке ему удалось разглядеть какое-то огромное животное.

— Гм,— подумал вслух дядюшка Тик-Так,— кажется, таких я никогда раньше не видывал, разве что в книжках с картинками. Постойте, постойте, как же оно называлось? Начинается на букву «б», это точно.

— Бык?

— Нет.

— Бизон?

— Нет.

— Бульдозер?

— Да ну, Рррр, что ты говоришь?

— Белка?

— Нет.

— Буйвол?

— Нет, вспомнил! Бронтозавр! Вот это кто. Доисторический бронтозавр! Надо взглянуть на него поближе. Только сначала нам придется отплыть далеко-далеко назад. Ведь мы плывем по Реке Времени. Придется отплыть лет этак миллионов на сто. Иначе ничего не увидим. А это кто там такой? А-а, почтальон! Почтальон-великан. А чуть подальше, под яблоней,— лошадь. Только она почему-то в бумажном пакете.

— Я ее знаю! — вскричал Рррр.— Она из той сказки, которую рассказывал Гор. Она жила в буфете вместе со Снами и Рисовым Пудингом. Давайте остановимся и поговорим с ней.

— Ну что ж,— согласился дядюшка Тик-Так, продолжая глядеть в свою чудесную подзорную трубу.— Гм, а вон там какой-то император, что-то он невеселый. А на другом берегу дворец, и по саду гуляет Толстый король, вот к нему подходит повар. До чего тощий повар! А дальше, дальше... Ночь. Так темно, так темно, конечно, это ночь. Сколько встреч нам предстоит! Ну и длиннющая получится у нас глава!

— А что такое глава? — спросил Рррр.

— Видишь ли, я записываю все наши приключения в книгу,— ответил дядюшка Тик-Так.— Глава — это маленькая часть одной длинной истории.

— Почему же тогда ты не напишешь о каждом приключении отдельную главу? — спросил Рррр.

Дядюшка Тик-Так опустил подзорную трубу.

— Ты на редкость мудрое животное,— сказал он Рррру.

— Гав-гав-гав-гав! — залаяла Фарфоровая Собачка.— Четыре часа!

— И ты тоже,— сказал дядюшка Тик-Так Фарфоровой Собачке.

Фарфоровая Собачка не поняла и поглядела на него с удивлением.

— Я хотел сказать умная. Ты умная собачка, а Рррр умный тигр, а наша Тучка-Невеличка,— дядюшка Тик-Так поглядел вверх,— умная тучка. Полей на нас дождем, умная тучка!

Начался дождь.

— Как хорошо, как свежо! — сказал дядюшка Тик-Так.— Ну хватит, больше не надо, пожалуйста. А теперь мы пойдем в гости к Толстому королю. Может, Курочка снесет для него яичко, а? Он очень обрадуется.

— Ко-ко-ко,— ответила Рябая Курочка.

Глава седьмая

о том, как пекли торт

Рррр пристал к берегу, и дядюшка Тик-Так пришвартовался к плакучей иве.

Толстого короля нигде не было видно, зато из дворцовой кухни доносился восхитительный запах.

— Гав-гав-гав-гав-гав! — пролаяла Фарфоровая Собачка.— Пять часов!

Все вышли из лодки и заглянули в окошко кухни.

Тощий повар на огромном столе смешивал слоеное тесто вместе с песочным и с сахарной пудрой. А Толстый король стоял рядом и наблюдал.

Король увидел гостей и сказал:

— Милости просим! Заходите! А вы видели только что радугу? Ах, как красиво, как красиво!

— Нет, не видели,— ответил дядюшка Тик-Так.— Мы как раз ее ищем. Рррр, оставь в покое тесто! Но еще не нашли.

— О, надеюсь, скоро найдете. Входи, входи, Курочка. Здесь готовят торт к чаю. А тебе сюда нельзя! — сказал король Тучке-Невеличке.— Вот если ты вернешься в сад

и польешь цветы, я буду бесконечно тебе благодарен. Розы совсем поникли. Лето такое жаркое!

Король повернулся к повару.

— Побольше дрожжей,— сказал он.

— Будет сделано, Ваше величество,— ответил повар.— Торт получится наивоздушнейший! Для верности я положил в тесто целый фунт дрожжей.

— Прекрасно! — одобрил король.— А это что такое? — Он нагнулся и поднял желтое яичко.— Спасибо тебе, милая Курочка!

Король передал яичко повару, повар разбил яичко, замесил его в тесто, а потом выложил тесто на огромный противень и сунул в духовку.

— Та-ак,— сказал король,— к чаю у нас будет торт. Мм... м-могу я спросить вас, этот ваш тигр очень злой? — шепотом обратился король к дядюшке Тик-Так.

— Только по вторникам,— ответил дядюшка Тик-Так.

— О господи! — Король даже побледнел.— А какой у нас сегодня день? Что с моей памятью! У нас ведь здесь всегда суббота! Никаких вторников, никаких четвергов — только суббота. Видите ли, по субботам у нас принято печь к чаю торт, поэтому я приказал, чтобы всегда была суббота.

— Очень разумно! — сказал дядюшка Тик-Так.

— К тому же это спасает меня от тигров,— продолжал король.— Какой славный у вас тигр! — И он погладил Рррра.

Тут крышка газовой плиты вдруг приподнялась и с громким «пафф!» подлетела в воздух, и над плитой показалась верхушка торта.

— Ай, ай-ай! — сказал король повару.— Погляди, что ты наделал. Ты переложил дрожжей!

Торт продолжал расти, пока не уперся в потолок, и потолок затрещал.

Повар, король, дядюшка Тик-Так, Рррр и Рябая Курочка побежали на второй этаж.

Когда они прибежали туда, торт уже пробил потолок.

— Помогите же кто-нибудь! — взмолился король.

Бедняга повар подпрыгнул повыше и уселся на самую верхушку торта, чтобы хоть как-нибудь остановить его.

Но торт все равно продолжал расти, и повар уперся головой в потолок второго этажа. Через миг его голова уже пробила потолок и крышу. А торт все продолжал расти.

— Ах, Ваше величество, пожалуйста, спуститесь в кухню и выключите газ! — крикнул повар.

Король тут же бросился через три ступеньки вниз, выключил газ, а потом выбежал в сад вместе с дядюшкой Тик-Так, Рррром и Рябой Курочкой.

Торт перестал расти, но верхушка его была и так слишком высоко.

— Вот история! — сказал король.— Если не спустить повара на землю, мы останемся без обеда! Что делать? Что делать?

— Я знаю! — закричал Рррр.— Пусть повар ест торт. Чем больше он съест, тем ниже торт опустится.

— Умно придумано, тигр! — похвалил его король и крикнул погромче: — Повар, ешь торт! Живо!

— С удовольствием, Ваше величество! — ответил повар и откусил кусочек.— Мм,— сказал он,— торт удался!

— Замолчи и ешь как можно быстрей,— приказал король,— иначе я останусь без обеда.

— Слушаюсь, Ваше величество! — И повар принялся за торт.

Но торт был такой большой, что очень быстро съесть его было просто невозможно. Повар ел и толстел на глазах. А бедный король, который не мог дождаться обеда, худел и худел.

Наконец повар доел торт и оказался на земле.

— Не волнуйтесь, Ваше величество,— сказал он,— я мигом приготовлю обед.

И он мигом приготовил обед.

— Прошу к столу,— пригласил король гостей.

— Благодарим, Ваше величество,— ответил дядюшка Тик-Так.— Можешь больше не поливать,— сказал он Тучке-Невеличке.

— Да, спасибо,— сказал король.— Розы уже совсем ожили.

Тучка-Невеличка кончила поливать, и все пошли к столу. Все, кроме Рябой Курочки — она осталась в саду доедать крошки от торта.

После обеда путешественники распрощались с королем и его поваром и отправились дальше, ко дворцу Грустного императора.

— Гав-гав-гав-гав-гав-гав! — пролаяла Фарфоровая Собачка, когда они вернулись к лодке.— Шесть часов.

— Хорошо, что Фарфоровой Собачке обедать не обязательно! — сказал дядюшка Тик-Так.

— Сейчас не может быть только шесть,— сказал Рррр.— Мы пробыли там вовсе не час, а гораздо дольше.

— Все зависит от того, как смотреть на время,— сказал дядюшка Тик-Так.— Разве ты не знаешь, что время для всех разное? Например, для кого счастливое время, а для кого — злое. У одних время бежит, у других оно стоит. Ты что же думаешь, для улитки час то же самое, что для зайца?

Все сели в лодку и поплыли ко дворцу Грустного императора, а по дороге играли в «разные времена».

— Настоящее время,— сказал Рррр.

— Будущее,— сказал дядюшка Тик-Так.— Раннее время.

— Позднее,— сказал Рррр.— В свое время.

— Время от времени,— сказал дядюшка Тик-Так.— Летнее время, свободное время, рабочее время, старое доброе время, потерянное время. Ой, кажется, я перестарался, а время-то бежит. Хорошо, что наши часы показывают точное время.

— Тик-так,— сказали часы.

— Ого, уже четверть седьмого.

— А что такое «потерянное время»?! — спросил Рррр.

— То время, которое ты тратишь зря на какие-нибудь пустяки. Время у тебя ушло, а ты ничего не сделал. Вот и говорят: потерял время. Например, сейчас нам никак нельзя терять время на разговоры, иначе мы попадем к императору, как раз когда будет время спать.— С этими словами дядюшка Тик-Так приналег на весла, и лодка поплыла вниз по реке ко дворцу Грустного императора.

Глава восьмая
о посещении Грустного императора

Чем ближе они подплывали, тем холодней становилось, и вот уже лодка плыла среди сплошных льдин. Тучка-Невеличка отстала, и на какой-то миг вдали показалась радуга. Но тут же пошел снег. Дядюшка Тик-Так надел теплый свитер, Рябая Курочка нахохлилась, только Фарфоровая Собачка и Рррр не обращали на холод никакого внимания.

На пристани их приветствовало несколько человек в меховых шубах и шапках. Это была дочка императора принцесса Матильда с придворными.

— Мы так рады вас видеть! — сказал один придворный.— Император грустит, может быть, вы его развеселите.— И он проводил гостей во дворец.

Чтобы не замерзнуть, император все время сидел у камина, а императрица лежала в постели.

— Вот, не хочет вставать, пока не наступит лето,— пожаловался император.

— Но ведь лето уже прошло,— сказал дядюшка Тик-Так.— Уже поспели на яблонях яблоки, и на орешнике орехи, и на кустах черная смородина.

— Знаю, всюду оно прошло,— сказал император,— а у нас еще не наступало. Все стоит зима, и конца ей не видно.

Дядюшка Тик-Так выглянул в окно. Дворцовый парк был весь в снегу, по дорожкам прыгали малиновки — они искали хлебные крошки. Повсюду гулял северный ветер.

— Даже мои черепашки не хотят просыпаться,— грустно сказал император,— но я все равно на них не сержусь.

— О, разрешите мне на них посмотреть,— попросил дядюшка Тик-Так.

— Пожалуйста! — сказал император и отвел всех на кухню.

Действительно, все шестнадцать черепашек крепко спали.

— Кажется, я понимаю, в чем дело,— сказал дядюшка Тик-Так.— Будьте любезны, созовите сюда придворных трубачей.

— Созовите сюда трубачей! — приказал император придворному.

Когда трубачи явились, дядюшка Тик-Так построил их в ряд и велел трубить всем сразу и как можно громче.

— Тум-туруруम-туруруम-тум-тум!!! — заиграли трубачи.— Тум-турурум-турурум-тум-тум!!!

Ну и шум они подняли! Черепашки проснулись, и тут же послышалось громкое «крэк!» — это треснул на озере лед. Вдруг во дворе перед кухней повалил сильный снег, но он тут же растаял и проступила зеленая травка, запели птицы.

Северный ветер очень удивился.

— Спасите! — закричал он.— Уже лето, а я еще здесь.— И он вихрем полетел к Северному полюсу, прихватив с собой и зиму.

И где он пролетал, всюду делалось холодно, реки и пруды замерзали, люди надевали теплые пальто, шарфы

и перчатки. Но, к счастью, снег быстро таял, и люди снова сбрасывали с себя теплую одежду.

А во дворце императрица встала с постели, надела летнее платье и даже поцеловала императора — к ней вернулось хорошее настроение. Император тоже больше не грустил. А принцесса Матильда достала мяч, ракетку и побежала на лужайку играть с придворными в теннис.

— Ничего не могу понять,— сказал император, почесав в затылке.

— Видите ли, Ваше величество,— сказал дядюшка Тик-Так.— Черепахи спят обычно зимой, и, когда зима увидела, что у вас в кухне спит целых шестнадцать черепах, она решила, что ей незачем уходить. Но по-настоящему-то сейчас не зима, а осень!

Тут в коридоре послышались чьи-то мелкие шажки, и кто-то поскребся в дверь.

— Должно быть, это белки,— сказал император.

Так и оказалось. Прыг-скок, белки уже прыгали по комнате. У каждой было по орешку.

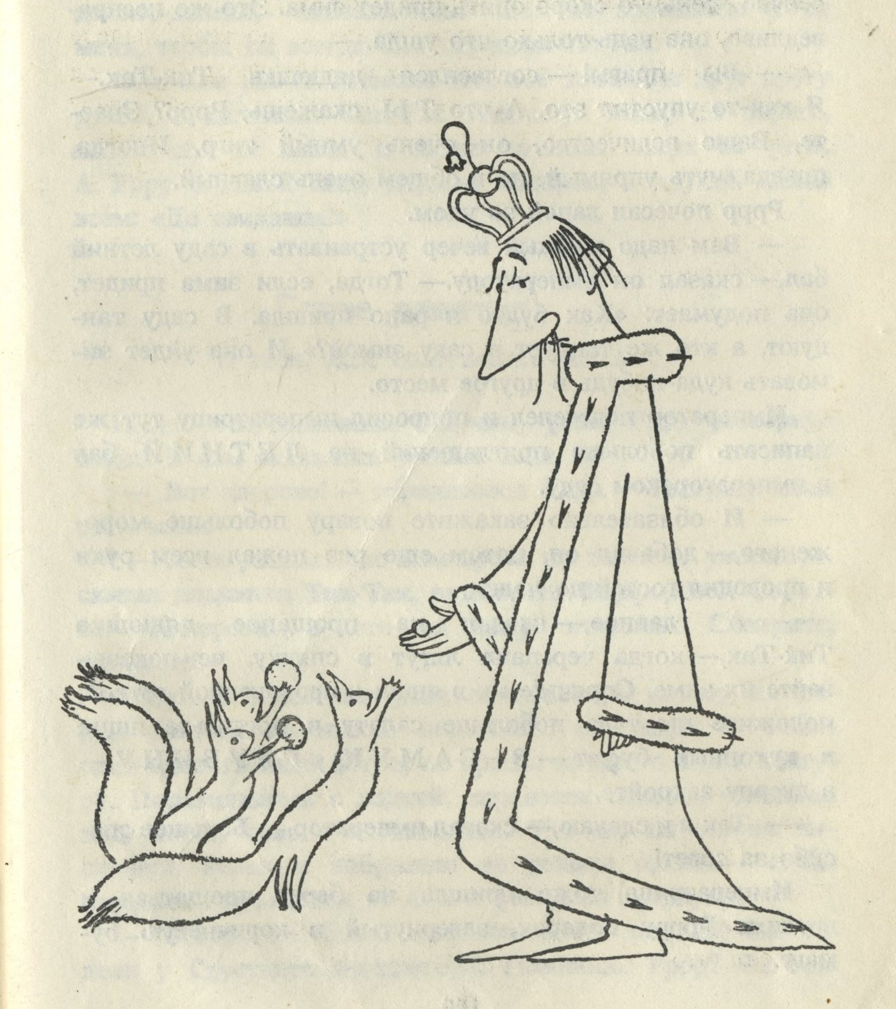
— Они такие лентяйки,— пожаловался император,— осенью они всегда прибегают ко мне, чтобы я колол им орехи кухонной дверью.

Император взял у белок орешки и принялся колоть их кухонной дверью, а трубачи ему помогали.

— Нам пора в путь, Ваше величество,— сказал дядюшка Тик-Так императрице.

— Прощайте,— сказала императрица и поцеловала на прощание дядюшку Тик-Так и Рррра.

Император пожал им руки, и дядюшка Тик-Так заметил, что он опять загрустил.

— Я только подумал,— сказал император,— что раз сейчас осень, то скоро опять придет зима. Это же несправедливо, она ведь только что ушла.

— Вы правы! — согласился дядюшка Тик-Так.— Я как-то упустил это. А что ТЫ скажешь, Рррр? Знаете, Ваше величество, он очень умный тигр. Иногда, правда, чуть упрямый, но в общем очень славный.

Рррр почесал лапой за ухом.

— Вам надо каждый вечер устраивать в саду летний бал,— сказал он императору.— Тогда, если зима придет, она подумает: «Как будто я рано пришла. В саду танцуют, а кто же танцует в саду зимой?» И она уйдет зимовать куда-нибудь в другое место.

Император повеселел и попросил императрицу тут же написать побольше приглашений на ЛЕТНИЙ бал в императорском саду.

— И обязательно закажите повару побольше мороженого,— добавил он, потом еще раз пожал всем руки и проводил гостей до лодки.

— А главное,— сказал на прощание дядюшка Тик-Так,— когда черепахи лягут в спячку, не показывайте их зиме. Спрячьте их в ящик с проволочной сеткой, положите им туда побольше салату и поставьте ящик в кухонный буфет — В САМУЮ ГЛУБИНУ,— а дверцу закройте.

— Так я и сделаю,— сказал император.— Большое спасибо за совет!

Императрица тоже пришла на берег прощаться и вручила Рррру подарок, завернутый в коричневую бумагу.

— Только не разворачивай, пока вы не отплывете далеко-далеко,— сказала она.— Это от принцессы и от меня, чтобы ты всегда был хорошим тигром.

Она еще раз поцеловала его, все помахали друг другу рукой, и дядюшка Тик-Так оттолкнул лодку от берега, потом сел на весла, и лодка поплыла вверх по реке. А Рррр в одной лапе держал подарок, а другой махал всем: «До свидания!»

Глава девятая

о том, как охотились на лису

Когда они миновали излучину реки, Рррр развернул пакет. В нем оказались ручные часы.

— Вот здорово! — обрадовался Рррр.— Теперь у меня свои часы!

— Хотя узнавать по ним время ты так и не умеешь,— сказал дядюшка Тик-Так, подмигнув Фарфоровой Собачке.— Интересно, а кого мы теперь встретим? Смотрите, смотрите!

Рядом с рекой они увидели железную дорогу, по дороге пыхтел маленький паровозик, он тянул за собой один-единственный вагон, на крыше которого сидел кенгуру. Поравнявшись с лодкой, паровозик сначала замедлил ход, потом совсем остановился. Тут же из вагона выскочили белки и набросали на рельсы орехов — чтобы паровозик проехался по ним и расколол скорлупу.

— Ай-ай, эти белки лентяйки вроде тех, что мы видели у Грустного императора. Помнишь, Рррр? Он еще

колол им орешки кухонной дверью. Привет, паровозик! — крикнул дядюшка Тик-Так.

Машинист высунулся из окошка.

— Привет! — ответил он.— Ого, смотрите-ка!

Это он увидел лису. Когда лиса, совсем запыхавшись, подбежала к паровозу, все услышали вдалеке: «Ату! Ату!» А следом за голосами показались гончие и всадники.

— Они гонятся за мной! — сказала лиса.— Мне так страшно! Куда бы спрятаться?

— Прыгай скорее в лодку! — крикнул дядюшка Тик-Так.

Лиса прыгнула, заползла в уголок и свернулась калачиком за спиной у Фарфоровой Собачки, а, когда охотники были уже совсем близко, Рррр еще прикрыл ее своим солнечным зонтиком.

— Вы лису не видели? — спросил Главный охотник.

Тут паровозик ка-ак засвистит: «Пииииі! Пииииі!»

— Что вы сказали? — переспросил дядюшка Тик-Так.— В лесу?

— Я сказал «лису»! — заорал охотник.

— Ах, колбасу,— сказал дядюшка Тик-Так.— Сейчас вам дам колбасу.

— Да ну вас! — рассердился охотник.— Лису!!!

— На носу? На носу сидит Фарфоровая Собачка и смотрит, который час. Сейчас уже, наверное, около девяти.

Фарфоровая Собачка залаяла, паровозик опять засвистел — пииииі! пииииі! — еще громче, а гончие залаяли на кенгуру, который сидел на крыше вагона.

— А может, вы имели в виду осу? — крикнул дядюшка Тик-Так.— У Грустного императора в саду, наверное, их много.

Никто так и не узнал, что собирался ответить охотник, так как паровозик до того рассвистелся — пииииі! пииииі! — что лошадь охотника испугалась и понесла. А за ней умчались и все гончие. Тучка-Невеличка тоже увязалась за ними и слегка полила охотников дождем, так что пришлось им поднять воротники.

— Ах, черт возьми! — возмутился Главный охотник.— Недоставало только дождя.

Скоро охотники были уже далеко.

— Теперь можешь вылезать,— сказал лисе дядюшка Тик-Так.

Лиса выползла из укрытия и понюхала воздух.

— Все спокойно,— сказал дядюшка Тик-Так.— Они ускакали. Счастливого тебе пути, лисичка!

Лисичка выбралась на берег и махнула им на прощание хвостом.

— Пииииі! Пииииі! — засвистел опять паровозик и отправился в путь с кенгуру на крыше, который как будто и не заметил никакого переполоха.

Дядюшка Тик-Так и Рррр с волнением следили за ним, потому что поезд в это время подъезжал к низкому мосту. Под таким мостом кенгуру ни за что не проехать. Что же будет? Но вот поезд нырнул ПОД мост, а кенгуру спокойно перепрыгнул ЧЕРЕЗ и — бух! — опять на крышу вагона. Какой-то старичок выглянул из окна вагона и погрозил ему зонтиком.

— Ну и шумный ты кенгуру! — крикнул он.

Мостов больше не было, и скоро от поезда остался один лишь белый дымок.

Глава десятая

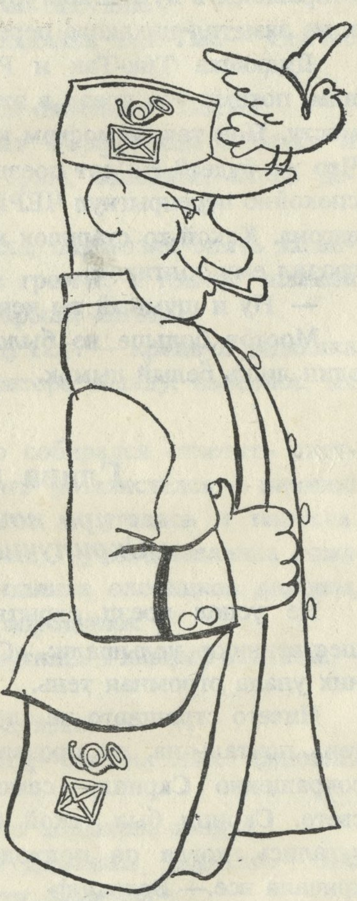
про почтальона Скрипучие Башмаки

Не успел поезд скрыться с глаз, как вдруг путешественники услышали: «Скрип, скрип, скрип!»,— и на них упала огромная тень.

Ничего страшного не случилось, оказалось, это просто тень почтальона, по прозвищу Скрипучие Башмаки, или сокращенно Скрипл,— самого большого почтальона на свете. Скрипл был такой большой и высокий, что все пугались, когда он подходил неожиданно. «Спасите! — кричали все.— Великан!»

Скрипл на самом деле был великаном, но очень добрым и вовсе не любил пугать людей. Он потому и купил скрипучие башмаки, чтобы все слышали, как он подходит, и не пугались.

Солнце уже садилось, и перед Скриплом шагала длиннющая тень, а вокруг ее головы, словно маленькая Луна вокруг Земли, вращалась еще одна тень.

— Это же почтовый голубь! — обрадовался Рррр, когда Скрипл подошел совсем близко.

— Привет! — сказал Скрипл.— А у меня для тебя письмо и для дядюшки Тик-Так тоже.

Он открыл почтовую сумку и вытащил из нее письма.

Это были те самые письма, которые Рррр бросил в ящик еще в ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ, когда дядюшка Тик-Так принимал ванну.

— Письмо от тебя, Рррр! — крикнул дядюшка Тик-Так, вскрыв конверт.

— А у меня — от тебя! — крикнул в ответ Рррр.

Пока они читали письма, голубь плескался в луже.

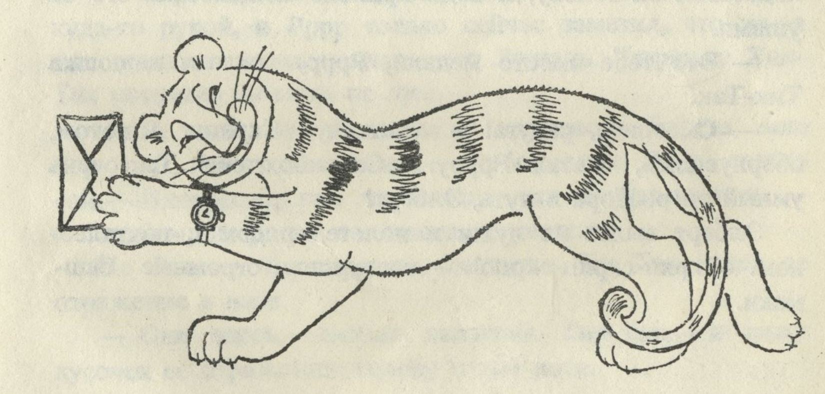
— Ну и безобразник этот голубь,— сказал Скрипл.— Так и лезет в лужи. Он у меня для срочных писем. Вы же знаете: когда за письмо платят лишних шесть пенсов, доставить его надо срочно. Правда, сейчас у меня таких писем нет. Эй, Элберт, хватит плескаться! Его зовут Элберт. Перестань сейчас же! Ну что ты будешь с ним делать, он же перепачкает все перья!

Рррр нахмурился.

— Кажется, у тебя зарррр-работала мысль, Рррр? — заметил дядюшка Тик-Так.— Он сейчас придумает, как отучить Элберта лезть в лужу.

— Надо спеть песенку черепахам! — вдруг выпалил Рррр.

— Гм, не вижу в этом никакого смысла! — сказал Скрипл.— При чем тут песенка черепахам, когда надо отвадить Элберта от луж?

— Это поможет, увидите,— сказал Рррр.— Спойте черепахам колыбельную. Ну эту, как ее:

Спи, черепашка,
Спи, усни,
Сладкий сон
Тебя возьми —

и они заснут. А когда черепахи заснут, придет зима — она же знает, что черепахи спят только зимой. Зима заморозит все лужи, они покроются льдом, и в них нельзя будет плескаться.

Дядюшка Тик-Так посмотрел на Рррр с восхищением, а Фарфоровая Собачка завиляла хвостом.

— Тучка-Невеличка,— позвал дядюшка Тик-Так свою тучку, которая только что вернулась, проводив охотников хорошим дождичком,— будь добра, полей нашего Рррра.

Тучка-Невеличка обдала Рррр настоящим ливнем; он подставил ей голову, и вода приятно пощекотала его за ушами.

— Это тебе вместо медали, Рррр,— сказал дядюшка Тик-Так.

— Смотрите, радуга! — воскликнул Скрипл. А потом, обернувшись, сказал Рррру: — Спасибо тебе! Ты очень умный тигр! Пора в путь, Элберт!

Элберт вылез из лужи и полетел рядом с почтальоном. «Скрип-скрип-скрип!» — заскрипели огромные башмаки.

Глава одиннадцатая

полночь

— Ну, дорогой мой Рррр,— сказал дядюшка Тик-Так,— пора спать. Фарфоровая Собачка и Рябая Курочка давно уже спят. Страшно поздно!

— Ой, почему страшно? — спросил Рррр.— Значит, когда я засну, будет еще поздней и еще страшней?

— Да нет, глупенький. Просто сейчас О Ч Е Н Ь поздно, скоро полночь.

Рррр забеспокоился:

— А что это — полночь?

— Да что ты волнуешься, Рррр. Ложись спать, а в полночь я тебя разбужу, и ты сам увидишь, что это такое, идет?

— Идет! — согласился Рррр, совсем уже засыпая.— Расскажи мне сказку, а то я не засну.

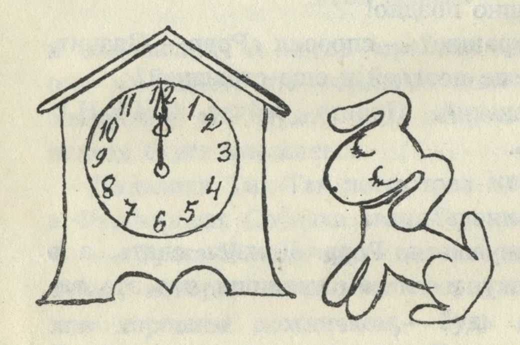
— Хорошо,— сказал дядюшка Тик-Так, потянувшись куда-то рукой, и Рррр только сейчас заметил, что из-за дядюшкиного плеча выглядывает Лошадь. Дядюшка Тик-Так потрепал Лошадь по шее.

— Я знаю, это Лошадь из кухонного буфета, мне Гор про нее рассказывал,— пробормотал Рррр сквозь сон.— Интересно, она настоящая или воображаемая...— Он приоткрыл глаза, но ничего не увидел.

Но Лошадь была рядом, дядюшка Тик-Так видел ее отражение в воде.

— Она здесь,— сказал дядюшка Тик-Так,— я вижу кусочек ее отражения: голову и три ноги.

— Вот было бы смешно,— начал Рррр,— если бы...

— Ты совсем спишь,— сказал дядюшка Тик-Так,— лучше я в другой раз расскажу тебе сказку.

— Вовсе я не сплю! — сказал Рррр.— Я говорю, вот было бы здорово, если бы лошади ходили на трех ногах — две ноги с одной стороны и одна с другой.

— Да, это удобно, чтобы бегать по кругу. Тогда одна сторона бежала бы быстрее другой, ты это имел в виду?

В ответ послышался громкий храп.

— Ну и соня этот тигр! — сказал дядюшка Тик-Так.— Лошадь!

Отражение Лошади задвигалось, и Рррр приоткрыл сонные веки. Он услышал, как Лошадь зашлепала вброд, а потом поднялась по берегу реки. «Интересно, а сны у нее с собой или остались в буфере на кухне?» — подумал Рррр и тут же крепко заснул.

Он спал, а лодка тем временем подплыла к берегу и врезалась носом в прибрежный камыш.

Дядюшка Тик-Так сложил весла в лодку и послушал, как часы бьют десять.

«Скоро и полночь»,— подумал он и накрыл Ррра одеялом, а потом и сам лег поближе к часам. «Я услышу, когда они пробьют двенадцать»,— подумал он.

— Доброй ночи! — сказал он Тучке-Невеличке.

Он поспал немного, потом приподнял голову и поглядел на звезды. Часы пробили одиннадцать. Фарфоровая Собачка засопела во сне, а Рябая Курочка высунула было голову из-под крыла, но потом опять спрятала.

Дядюшка Тик-Так слышал, как о борт лодки плещется вода.

«И чего это Рррр боялся полночи? Вот если б она была живая и сама спускалась с неба — топ-топ-топ! — с луной в руках. Ночь такая спокойная и величественная. А как светят звезды!»

Глаза сами закрылись, и он еще немного подремал.

— Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...— Часы пробили полночь.

— Рррр! — дядюшка Тик-Так тихонько потряс тигра за плечо и шепнул на ухо: — Рррр!

Рррр открыл глаза и потянулся. Дядюшка Тик-Так опустил в воду весла и погреб не спеша вниз по реке.

Глава двенадцатая

о том, как буквы купались в реке

На берегу, там, где в реку впадал ручей, путешественники увидели высокие тополя. Ярко светила луна. По воде плыли буквы и в полном беспорядке какие-то строчки, скорей всего из Детских Песенок:

«У нашей Мэри овечка была»

«Потеряли котятки на дороге перчатки»

«Ах ты негодный мальчишка»

«Мур-мур-мур, я не дам пирога...»

Ну и путаница!

— Этот ручей бежит из озера Детских Песенок,— сказал Рррру дядюшка Тик-Так.— А завтра или еще через день мы попадем в новую реку — больше этой — в Реку Слов, которая течет в Страну Сказок.

— А откуда берутся слова? — спросил Рррр.— Из чего они сделаны?

— Из букв. Смотри!

— О-ой! — изумился Рррр.

Рядом на холме он увидел домик и даже — о чудо! — все, что происходило в домике.

В гостиной ярко пылал камин, а вокруг расселись буквы Алфавита, они грелись у огня и играли в свою любимую игру — в слова.

— Продолжим! — сказало большое «К».— Как пишется «вода»?

Тут же вскочили маленькое «в», маленькое «о», маленькое «д» и маленькое «а» и встали в ряд. Другие

буквы им зааплодировали, и «в», «о», «д» и «а» поклонились им.

— А теперь: как пишется «хлеб»? — сказало большое «Г».

Тут же поднялось маленькое «х», маленькое «л» и маленькое «е». А где же маленькое «б»?

На месте его не оказалось. Некоторые буквы заглянули под ковер. А большое «И» взбежало вверх по лестнице и заглянуло в ванную комнату — там, прямо в ванне, крепко спало маленькое «б».

Пока путешественники все это наблюдали, домик почти совсем уплыл из поля зрения. Вдруг Рррр вспомнил:

— А где же полночь?

— Уже давно прошла, а ты и не заметил? — сказал дядюшка Тик-Так.

— Я только заметил, что темнота вокруг.

— Ну разве темнота тебя обидела?

— Нет!

— Конечно нет, а ты боялся. Скоро и день придет.

Они еще разок взглянули на слова из Детских Песенок, которые плавали в реке, но многие буквы уже совсем размыло, кроме маленьких «г», «о», «р», «и», «з», «в» да еще нескольких. Эти буквы, словно звездочки, отражались в воде.

— Смотри-ка! — сказал дядюшка Тик-Так.— Смотри, что там написано:

Гори, гори, звезда моя,

Скажи мне, кто ты, не тая.

А теперь прочитай вон то слово:

РАДУГА

Как раз когда они разглядывали все эти слова, Тучка-Невеличка начала поливать их дождем, буквы постепенно расплылись и наконец совсем исчезли.

— А теперь, Рррр, давай еще поспим,— сказал дядюшка Тик-Так.

Правда, сначала он налил тигру полную миску молока. Рррр вылакал молоко, улегся поудобней, и дядюшка Тик-Так снова накрыл его, а потом и сам лег и проспал до утра, пока не проснулась Фарфоровая Собачка и не разбудила всех лаем.

— Гав-гав-гав-гав-гав-гав! — пролаяла она.

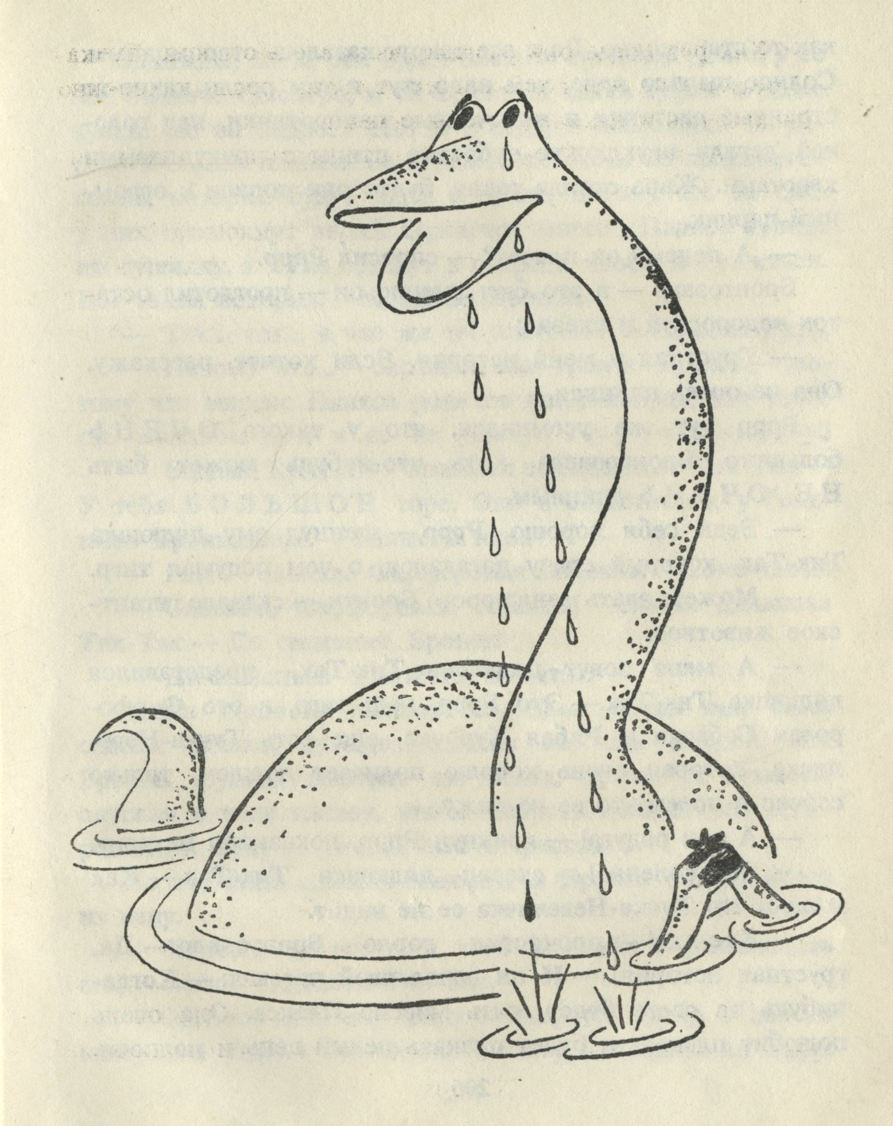
Тучки-Невелички нигде не было видно. За ночь лодку отнесло совсем назад, и они оказались в тени серой горы. При их приближении гора зашевелилась и поглядела на них...

Глава тринадцатая

грустная история про Бронтозавра и кое-что про страну Арифметику

Рррр не мог поверить своим глазам. Гора оказалась огромным животным. Туловище его было величиной, наверное, с башню, шея — как шпиль колокольни, а хвост и того длиннее.

Заметив путешественников, животное сунуло голову в воду и набрало полный рот водорослей. Жуя водоросли, животное молча глядело на путешественников и лило горючие слезы. Под ногами у него образовалось целое озеро, по которому плавала утка. Утка выглядела

как-то старомодно. Да и все вокруг казалось старомодным. Солнце пылало ярче, чем надо, тут и там росли какие-то странные растения и высоченные папоротники, над головой летали неуклюжие зубастые птицы с причудливыми хвостами. Жара стояла такая, будто они попали в огромный парник.

— А почему он плачет? — спросил Рррр.

Бронтозавр — а это был именно он — проглотил остаток водорослей и сказал:

— Грустная у меня история. Если хотите, расскажу. Она не очень длинная.

Рррр тут же усомнился, что у такого ОЧЕНЬ большого Бронтозавра хоть что-нибудь может быть НЕ ОЧЕНЬ длинным.

— Веди себя хорошо, Рррр,— шепнул ему дядюшка Тик-Так, который сразу догадался, о чем подумал тигр.

— Можете звать меня просто Бронти,— сказало гигантское животное.

— А меня зовут дядюшка Тик-Так,— представился дядюшка Тик-Так.— Это Рррр, наш тигр, а это Фарфоровая Собачка и Рябая Курочка, еще есть Тучка-Невеличка, которая очень хорошо поливает дождем, только сейчас я почему-то ее не вижу.

— А вон радуга! — крикнул Рррр, показывая на реку.

— Великолепно! — сказал дядюшка Тик-Так.— Как жалко, что Тучка-Невеличка ее не видит.

— Кхе-кхе! — прочистил горло Бронтозавр.— Да, грустная история...— И он начал свой рассказ: — Когда-нибудь на свете будет жить миссис Плакса. Она очень полюбит плакать и будет плакать целый день и полночи.

Однажды, когда она будет плакать слишком долго, у ее ног наплачется озеро, и ей придется снять туфли и даже чулки. Но ей надоест стоять в воде, и она влезет на дерево и станет плакать на дереве. Это очень не понравится совам, которые будут жить в дупле, потому что от слез у них промокнут перья. Придется миссис Плаксе купить им сушилку, и совы встанут в очередь, чтобы высушиться. Вот такая история,— закончил Бронти.

— Так... так... а что же ты плачешь? — спросил Рррр.

— Потому что...— зарыдал еще громче Бронти,— потому что миссис Плакса родится когда-нибудь, лет через сто миллионов, и я ее не увижу. У-у-у-у-у-у-у-у-у-у!!

— Бедный Бронти! — пожалел его дядюшка Тик-Так.— У тебя БОЛЬШОЕ горе. Оно и естественно, у большого Бронтозавра — большое горе!

— Гав! — залаяла Фарфоровая Собачка.— Семь часов!

— Спасибо, Фарфоровая Собачка,— сказал дядюшка Тик-Так.— До свиданья, Бронти!

— До свиданья! — ответил Бронти.

Лодка поплыла дальше, но, даже когда она была совсем далеко, путешественники все еще видели, как Бронти грустно смотрит им вслед, время от времени опуская в воду голову, чтобы набрать полный рот водорослей, и жует их, вздрагивая от рыданий.

Но вот река сделала поворот, и Бронти совсем исчез из виду.

— Хорошо бы все-таки хоть чем-нибудь развеселить его,— сказал дядюшка Тик-Так.

— Может, дать ему нашу подзорную трубу, в нее он наверняка увидел бы миссис Плаксу,— предложил Рррр.

— Это идея! Беги назад, Рррр! Я положу подзорную трубу в футляр и перевяжу шнурком, тогда тебе удобнее будет нести ее. Придержи-ка здесь лапой, чтобы узел получился покрепче. Ну вот и готово.

Рррр схватил футляр с подзорной трубой, прыгнул на берег и помчался назад к Бронти.

Вернулся он через четверть часа, совсем запыхавшись.

— Знаешь, Тик-Так, Бронти так обрадовался! — сообщил Рррр.— Но мне пришлось перегрызть шнурок, а то футляр не открывался. Что это там?

Лодку несло течением к указательному знаку, который гласил:

В СТРАНУ АРИФМЕТИКУ

Именно гласил. Никакой надписи на нем не было. Это был говорящий указательный знак.

— Эта дорога ведет в страну Арифметику,— гласил указательный знак.— Проходите и сами убедитесь, что ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ. Три минус два — один. Один да два — шесть.

— Вот и неверно! — сказал Рррр.

— А сколько же? — спросил указательный знак.

Рррр долго считал на пальцах и наконец сказал:

— Э-э... хм... э-э...

Рядом с ним показалась лошадиная голова.

— Один да два будет три,— сказала она и тут же исчезла.

— Три! — выкрикнул Рррр.

— Три! — повторил указательный знак.— Один да два будет три. Вот дорога в Арифметику!

Глава четырнадцатая

вреднюги

Лодка плыла еле-еле.

— Понять не могу, что такое! — сказал дядюшка Тик-Так, который сидел на веслах.

Тут все увидели на берегу три фигуры в черных плащах с капюшонами и маленькую собачонку.

— Кажется, это люди,— сказал дядюшка Тик-Так.— Такие плащи, что толком не разберешь. Но что они делают?

На земле лежала целая груда консервных банок, и все трое что-то выливали из них в реку.

Лодка с трудом продвигалась вперед.

— Плывем, точно в сиропе,— сказал дядюшка Тик-Так.— Да это и есть сироп!!! — воскликнул он.— Смотрите!

И все прочитали этикетки на банках:

СИРОП ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА,

4 пенса банка

— Они выливают в реку сироп, вот вреднюги!

— Верно, верно, это вреднюги! — сказал Рррр.— Помнишь, Гор предупреждал нас. Их зовут Нельзя, Несмей и Стыдись, а их собаку — Тяв-Тяв. Гор говорил, что вреднее никого нет на свете.

— М-да,— сказал дядюшка Тик-Так.— Вреднюги! Кажется, мы попались.

Тяв-Тяв залаял.

— Фу, перестань! — сказал Нельзя.— Ха-ха-ха! Мистер Тик-Так, попались? Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

— Ха, ха, ха! — загоготали вреднюги все вместе.

Потом пустились в пляс и запели песню:

Нельзя! Не смей!
Не смей! Нельзя!
Сейчас же перестань!
Стыдись!

Ни с места, стой!
Куда идешь?
Тяв-Тяв!
Держи!
Лови!
Ха-ха! Ха-ха!

Вода в реке была липкая-липкая, и все-таки лодка, хоть и с трудом, продвигалась вперед и подплыла к самым вреднюгам. Дядюшка Тик-Так готов был уже спрыгнуть на берег, но на носу лодки сидел Рррр и рычал.

Нельзя шепнул Несмею:

— Давай схватим этого тигра, ха-ха-ха!

Он вдруг вытащил из-за спины мешок и набросил Рррру на голову.

— Рррррррррррррр! — закричал Рррр.

Нельзя накинул на мешок веревку и стал затягивать, но Рррр так брыкался, что вырвался на свободу. Тогда вреднюги пустились наутек, только черные плащи развевались по ветру.

— ....! — сказал Рррр.— ....!

— Что случилось, Рррр? — спросил тигра дядюшка Тик-Так.— Почему ты.....?

Фарфоровая Собачка сердито лаяла и рычала:

— Гав-гав-гав!!! Фррррррр!

— Как же я не догадался! — вскричал дядюшка Тик-Так.— Они поймали в мешок твое ррррр и теперь удирают с ним.

Дядюшка Тик-Так вылез на берег и пустился вместе с Ррррм вдогонку.

Но вреднюги летели, как ветер, и все дальше и дальше уходили от погони.

Тут дядюшка Тик-Так услышал за спиной стук копыт. Лошадь!

Он вскочил на нее верхом. Лошадь понеслась как вихрь, и вскоре они начали догонять вреднюг.

Нельзя обернулся и увидел преследователей.

— Ха-ха-ха! — загоготал он.

Вреднюги уже почти достигли деревни, где была высокая башня, а на башне — часы.

Нельзя подбежал к башне, достал из кармана маленького мышонка и сказал ему:

Диккери Диккери Док,
Послушай меня хоть разок:
Если ты любишь своих мышат,
Влезь на часы и скажи — пусть спешат!

Мышонок живо вскарабкался на башню, что-то шепнул часам, и тут же стрелки побежали быстрей.

— О боже,— сказало Солнце,— я-то думало, еще только десять утра, а на часах уже без четверти три! Стало быть, я опаздываю.

Оно еще раз глянуло на часы.

— Беда!.. Уже четверть десятого. Мне давно пора закатиться. Сейчас должно быть совсем темно.

И Солнце закатилось, и стало темным-темно.

Дядюшка Тик-Так почти догнал Несмея и Стыдись, но вреднюги были в темных плащах и слились с темнотой.

Упустив вреднюг, он вернулся к развилке дороги.

Лошадь остановилась. Куда же могли убежать вреднюги? На развилке стоял указательный знак, одна стрелка указывала: Г О Р О Д, 2 мили, а другая: П О В О Р О Т - Д А - Н Е - Т О Т, 1 миля.

«Нет, поворот-да-не-тот нам не подходит»,— подумал дядюшка Тик-Так и поскакал к городу.

А Рррр тем временем достиг деревни. Нельзя был еще там, он ловил в башне мышонка и уже загнал его в угол, как раз когда туда вбежал Рррр.

— Спасите, помогите! — испугался Нельзя и нырнул в темноту.

Рррр сообразил, что вреднюгу в темном плаще во тьме все равно не поймать, и поэтому не стал за ним гнаться, а поспешил на помощь мышонку.

— Ты меня спас, спасибо! — сказал мышонок.— Он всегда держал меня в клетке или в кармане и даже сыру почти не давал. Он украл твое ррррр, да? — Мышонок задумался.— Вчера у тебя было ррррр... Так-так, значит, если бы сейчас было вчера, у тебя опять было бы ррррр, вернее, ты бы его и не терял. Что же делать? Придумал! Диккери Диккери Док! Сейчас я живенько взберусь на часы!

Мышонок снова вскарабкался на башню и начал вертеть назад стрелки — назад! назад! назад! — пока не пробили вчерашние пять часов вечера.

Солнце взошло, и опять сделалось светло, всё было, как накануне, когда путешественники покидали страну Арифметику. И ррррр у Рррра оказалось на месте, целое и невредимое.

Рррр тут же попробовал его:

— Рррррррррррррр! Я нашел свое ррррр! Урррра! Больше никому его не отдам. Ррррррррр!

— А где же дядюшка Тик-Так? — вдруг спохватился тигр.— Что-то нигде его не видно.

Но дядюшка Тик-Так верхом на Лошади уже давно исчез в темноте. А когда снова рассвело, он увидел Несмея и Стыдись далеко-далеко впереди.

«Ну, теперь их не поймать»,— подумал дядюшка Тик-Так.

Но он забыл о Тучке-Невеличке.

А Тучка-Невеличка уже нагнала вреднюг и поливала их дождем.

— В жизни не видел такого дождя! — удивился дядюшка Тик-Так.— Настоящий ливень!

Вреднюги промокли насквозь.

— Да здравствует Тучка-Невеличка! — крикнули дядюшка Тик-Так и Лошадь хором.

Лошадь повернула назад и затрусила по знакомой дороге. Скоро они увидели Рррра, который пожимал лапку мышонку.

— Дорогой Диккери Диккери,— говорил Рррр,— спасибо тебе за помощь. Будь счастлив!

— Прощай! — пропищал мышонок и побежал искать кусочек сыра и какую-нибудь дыру (чтобы сделать мышиную нору).

А дядюшка Тик-Так на Лошади и Рррр пешком отправились в обратный путь к лодке.

Фарфоровая Собачка и Рябая Курочка очень обрадовались, увидев их. Немного погодя к ним прилетела и Тучка-Невеличка.

— Вот мы опять все вместе,— сказал дядюшка Тик-Так.— Как бы мне хотелось, чтобы и Лошадь была всегда с нами. Правда, она великовата и в лодке не поместится.

— Можно ее уменьшить,— предложил Рррр.— Как меня.

— А впрочем, волноваться не стоит,— подумав, сказал дядюшка Тик-Так.— Все равно получается так, что, когда Лошадь нужна нам или мы ей, она всегда тут как тут. А вот как нам выбраться из этой липкой воды? В реке еще полно сиропа.

Тут Лошадь взяла лодку на буксир и тащила, пока лодка не оказалась в чистой воде.

Возле лужайки, поросшей сочной травой и клевером, путешественники с Лошадью расстались, а сами поплыли дальше.

Рррр свесился с борта и любовался своим отражением в воде.

— Рррррррр,— рычал он. Он был очень доволен, что получил назад свое ррррр.— Рррррррррррррр!!!

Глава пятнадцатая

про Реку Слов

Вдруг отражение в воде зарычало на Рррра, и тигр страшно испугался. На самом деле оно, конечно, не рычало, но так показалось, потому что в реке плавало большое «Р» и много-много маленьких «р». Нельзя сказать, что они выстроились в строчку, но Ррру все равно казалось, что они ррррычат на него.

В реке плавали и другие буквы и слова и даже целые фразы. Как раз в этом месте Река Слов впадала в Реку Времени, по которой плыли путешественники.

— А скоро будет Страна Сказок? — спросил Рррр.

— Скоро,— ответил дядюшка Тик-Так,— но нам не туда, хотя, думаю, какие-нибудь слова все-таки поплывут за нами и расскажут нам сказку. Смотри-ка!

— «Жили-были»,— прочел Рррр на воде.— А дальше... смотрите, что дальше!

— «...на свете...»

— Интересно, о чем эта сказка.

— Гав-гав,— залаяла Фарфоровая Собачка.

Все поглядели на воду и прочли слова: «Фарфоровая Собачка...»

Лодку закружило течением перед самым словом «тигр».

«Жили-были на свете тигр, Фарфоровая Собачка и Лошадь и захотели они найти...»

— Это же о нас! — закричал Рррр.

«...конец радуги. И вот...»

Но слова отплывали все дальше и дальше. К тому же очень много слов сносило к плотине.

— Я думаю, Страна Сказок лежит в той стороне,— сказал дядюшка Тик-Так.— Но кое-какие слова еще плывут за нами. Глядите, что это?

В это время лодка миновала рощу, и все увидели вдали на холме, милях в двух от берега, прекрасный восточный дворец, окруженный садом.

Около самой лодки по реке плыли слова: *«Глава шестнадцатая история про Рррра и султанского мышонка»*.

Лодка причалила к берегу, и Рррр соскочил на землю.

— Здесь остановка, я хочу спать,— сказал дядюшка Тик-Так.— Прихвати с собой Фарфоровую Собачку, Рррр. Смотри-ка, там под яблоней тебя уже ждет Лошадь! — Дядюшка Тик-Так протянул Рррру Фарфоровую Собачку и солнечный зонтик.— Зонтик тоже советую взять. Солнце так и палит! Ну, всего хорошего. Веселых вам приключений!

Потом он лег рядом с Рябой Курочкой, а Тучка-Невеличка повисла над лодкой, чтобы защитить их от солнца. Дядюшка Тик-Так закрыл глаза и заснул.

Глава шестнадцатая

история про Рррра и султанского мышонка

Рррр и Лошадь шли вместе с Фарфоровой Собачкой по сказочному саду. Фарфоровую Собачку пришлось нести, так как ноги у нее были не такие, чтобы бегать. На них было хорошо сидеть, но не бегать. Лошадь держалась поближе к Рррру, чтобы тень от зонтика падала и на нее. Всюду росли розы, цвели вишни и яблони, порхали бабочки, пели птицы. В саду бил фонтан, он был похож на Тучку-Невеличку, только поливал дождем вверх ногами.

Они подошли к дворцу и постучали в парадную дверь. В прихожей послышались легкие быстрые шаги, дверь распахнулась, и они увидели трех девушек в легких одеждах, с большими черными бантами в волосах, у каждой в руках был белый носовой платок.

«Как приятно, когда дверь открывают сразу трое!» — подумал Рррр и хотел уже спросить: «А Султан дома? Можно к нему?» Но все три девушки замахали носовыми платками и закричали:

— До свиданья, до свиданья! Мы были очень рады вас видеть. Приходите еще! Прощайте! — И захлопнули дверь.

— Наверное, это Пока-Пока и ее сестры, Гор нам рассказывал про них,— сказал Рррр.

— Ну конечно! — пропищал кто-то совсем рядом.— Милейшие создания. Их тут полно у нас — Пока-Пока, Досвиданья, Доскорого, Донескорого, Прощайте...

— Ой, — удивился Рррр,— да это же Червячок говорит из цветочного горшка, что стоит вниз головой на подоконнике.

— Спасайся кто может! — заверещал вдруг Червячок и зарылся в землю, а на подоконнике появился черный дрозд. Было только слышно, как Червячок бормочет из-под земли: — Спасу нет от этих черных дроздов! И так с утра до вечера. Ну и жизнь!

Черный дрозд улетел, и Червячок опять высунулся из земли.

— А кто такие Донескорого? — спросила его Лошадь.

— Да те, что провожают незваного гостя. Такому гостю дают кожуру от банана и говорят: «Когда будете уходить, поскользнитесь на ней, пожалуйста». А потом добавляют: «До нескорого!» Однажды к нам вот так незванно-негаданно занесло вреднюг. Они всюду расклеили объявления:

НЮХАТЬ РОЗЫ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

И заявили, что неприлично позволять птицам летать по саду, они должны сидеть в клетках. Насчет птиц я с ними согласен. Противные, всюду суют нос! Я так и сказал вреднюгам, но они ответили, что червяки должны помалкивать, когда их не спрашивают, и...— тут Червячок снова зарылся в землю, потому что мимо опять пролетал черный дрозд,—...и прилично вести себя за столом. Если вы пришли повидать Султана, сначала обратитесь к его мышонку. Он здесь главный по приемам. Крикните в почтовый ящик, чтобы Дик... ...чтобы Диккери...— Он опять спрятался, потом вынырнул: — Ах! — И снова спрятался.

— Спасибо! — крикнула Лошадь в дырочку на дне цветочного горшка.

— До свиданья, Червячок! — сказал Рррр и, подойдя к почтовому ящику, позвал: — Диккери!!! Интересно, может, это тот самый Диккери?

Тут они услышали тонкий голосок:

— Пройдите, пожалуйста, к черному ходу!

Они подошли к черному ходу и увидели там Диккери. Того самого Диккери, которого Рррр спас от Нельзя. Вот они обрадовались встрече!

— Теперь я султанский мышонок,— сказал Диккери.— И живу у Султана в кармане. Если хотите, можете повидаться с ним. Сейчас он сидит на троне и дает людям советы, кому что делать.

Когда друзья вошли в большой зал с мраморными колоннами, все, кто там был, приветствовали Диккери с особым почтением.

— Доброе утро, Диккери! Доброе утро, Диккери!

На стене висело большое объявление:

КОШКАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!
УБИРАЙТЕСЬ!!! ВОН!!!
ВСЕМ КОШКАМ БРЫСЬ!

— Можете разойтись по домам,— сказал Султан посетителям.— А завтра, друзья мои, приходите опять.

И он встал, чтобы проводить их, но вдруг сильно побледнел.

— Помогите! — вскричал он.— В саду старая Султанша с кошкой. Эта кошка — злейший враг мышей!

Он схватил Диккери, подбежал к письменному столу и сунул мышонка в конверт, предварительно проделав в нем дырочку, чтобы Диккери мог дышать. Потом заклеил конверт и начал надписывать адрес.

— Сиди смирно, Диккери! — шептал он.

— Ой, щекотно! — чуть слышно пищал Диккери.

Тут как раз вошла в зал старая Султанша.

— Я пришла пить чай! — объявила она.— И принесла с собой мою кошечку. Ради бога, уберите это глупое объявление. Кошки — милейшие животные. Как можно их не впускать!

— Я сейчас же прикажу снять объявление,— сказал Султан.— А пока прошу тебя, Рррр, опусти, пожалуйста, мое письмо.

Кошка повела носом — она почуяла мышь.

Султан представил Лошадь и Фарфоровую Собачку старой Султанше и кошке.

— Они ищут конец радуги, Ваше величество! — сообщил он.

А Рррр в это время бежал с письмом по саду в поисках почтового ящика, но нигде не мог его найти. Вдруг он услышал:

— Я здесь!

Почтовый Ящик прятался за кустами. Рррр опустил в него письмо.

— Всего хорошего! — сказал ему Почтовый Ящик.— За письмами придут ровно через двадцать минут.

Рррр тоже сказал «всего хорошего» и «спасибо» и отправился во дворец пить чай.

После чая старая Султанша ушла с кошкой к себе, и вскоре все услышали «скрип-скрип-скрип» по садовой дорожке. А потом «тук-тук-тук» в парадную дверь.

Пока-Пока и ее сестры бросились открывать дверь и замахали платочками:

— До свиданья, до свиданья...

— Привет, друзья! — раздался знакомый голос в дверях.

— Это же Скрипучие Башмаки! — обрадовался Рррр и подбежал к двери.

— Привет, Рррр! — сказал Скрипл.

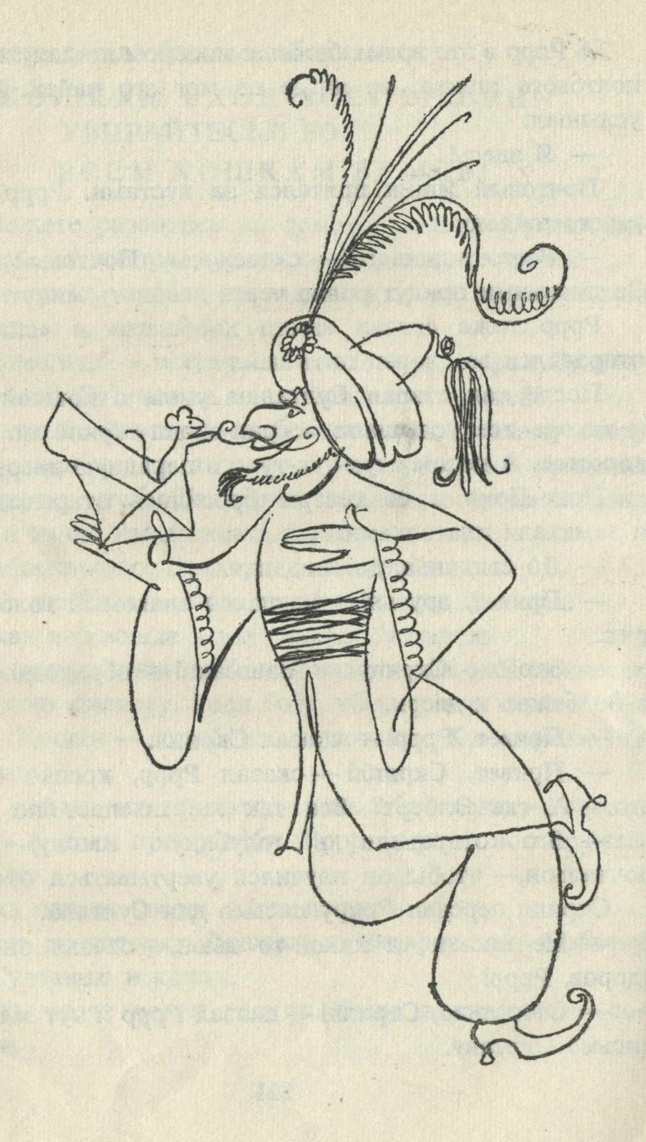
— Привет, Скрипл! — сказал Рррр, крепко обнимая его.— А где Элберт? Все так же шлепает по лужам?

— Его отправили в голубиную школу,— ответил почтальон,— чтобы он научился увертываться от машин.

Скрипл передал Рррру письмо для Султана.

— Не письмо, а какой-то вьюн,— сказал он.— Будь здоров, Рррр!

— Счастливо, Скрипл! — сказал Рррр и тут же вручил письмо Султану.

Султан вскрыл конверт, и оттуда выскочил Диккери.

— Я послал это письмо самому себе,— объяснил Султан.

— Ты умный султан,— сказал Ррр.— Хорошо, что ты спас Диккери. А который теперь час, Фарфоровая Собачка? — спросил он, показывая ей свои ручные часы.

— Гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав! — пролаяла Фарфоровая Собачка.— Восемь часов!

— Уже почти совсем темно,— сказал Султан.— Будьте осторожны, когда пойдете назад. Здесь водятся драконьи вреднюги.

— Мы будем О Ч Е Н Ь осторожны! — пообещал Рррр.

Гости попрощались с Султаном и Диккери, попросили Султана передать горячий привет Пока-Пока от Гора и Хола и отправились в путь. Вскоре они благополучно добрались до лодки.

Глава семнадцатая

в которой похищают Фарфоровую Собачку

— Ну как, веселое было вчера приключение? — спросил их утром дядюшка Тик-Так.

— Гав! — ответила Фарфоровая Собачка.

— Да, очень,— подтвердил Рррр.— Мы видели Султана и Диккери. Диккери теперь живет у Султана. Еще мы видели нашего друга Скрипучие Башмаки, и Червячка из перевернутого цветочного горшка, и... Постойте, а кого это там в поле поливает Тучка-Невеличка?

На другом берегу кто-то похожий на большущую черную ворону запускал бумажного змея. Пока путешественники смотрели, ворона дернула за веревку, и змей упал на землю.

— Пойдем узнаем, кто она такая,— предложил дядюшка Тик-Так.— Попросим ее взлететь повыше и посмотреть, не виден ли конец радуги.

Он взялся за весла, переплыл реку и причалил к противоположному берегу. Там они сРрром вылезли из лодки.

Чем ближе они подходили к большущей черной вороне, тем сильнее дядюшку Тик-Так брало сомнение.

— Издали казалось, что это точно ворона. А теперь я вижу, что это, скорей всего, просто вреднюга.

Они подошли еще ближе.

— Так и есть, это Стыдись.

Да, это был Стыдись. Он очень удивился, увидев дядюшку Тик-Так и Рррра.

— Я играл тут с бумажным змеем,— сказал Стыдись,— пока не начался дождь.

— Играл? Ты? — удивился дядюшка Тик-Так.— Вот никогда бы не поверил, что вреднюги умеют играть. Я-то думал, они считают, что́ играть С Т Ы Д Н О!

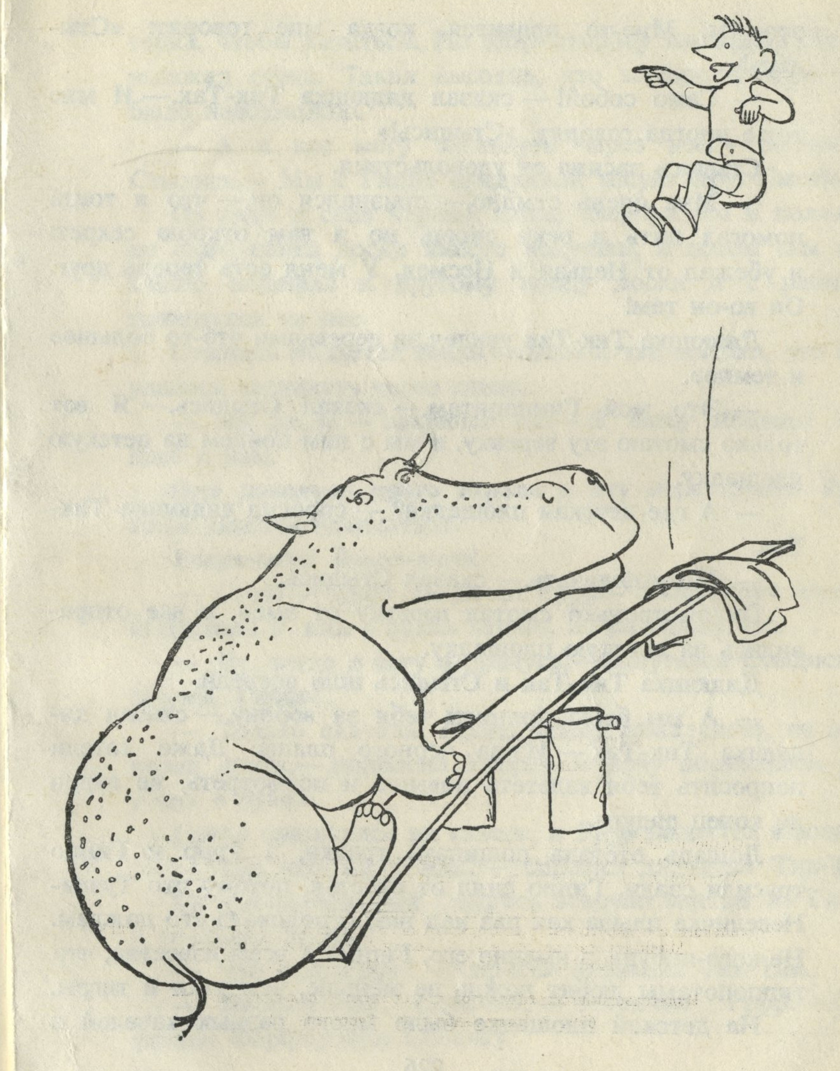
— Конечно, стыдно! — сказал Стыдись.— Но я люблю играть. Нельзя сказал: «Не смей!», Несмей сказал: «Нельзя!» А я все равно играю.

— Как не стыдно! — сказала Тучка-Невеличка.

— А-а, это ты сейчас поливала меня дождем?

— Я! — ответила Тучка-Невеличка.

— Стыдись! — сказал Стыдись.— Ах, простите, это я Стыдись, а ты Тучка-Невеличка. Я — это я, а ты —

это ты. Мне-то нравится, когда мне говорят: «Стыдись!»

— Само собой! — сказал дядюшка Тик-Так.— И мне тоже иногда говорят: «Стыдись!»

Стыдись засиял от удовольствия.

— Мне очень стыдно,— признался он,— что я тогда помогал лить в реку сироп, но я вам открою секрет: я убежал от Нельзя и Несмея. У меня есть теперь друг. Он во-он там!

Дядюшка Тик-Так увидел за деревьями что-то большое и темное.

— Это мой Гиппопотам,— сказал Стыдись.— Я вот только смотаю эту веревку, и мы с ним пойдем на детскую площадку.

— А где детская площадка? — спросил дядюшка Тик-Так.

— Могу показать,— сказал Стыдись.

Он быстренько смотал веревку от змея, и все отправились на детскую площадку.

Дядюшка Тик-Так и Стыдись шли впереди.

— А мы было приняли тебя за ворону,— сказал дядюшка Тик-Так.— Из-за черного плаща. Даже хотели попросить тебя взлететь повыше и посмотреть, не виден ли конец радуги.

Лошадь отстала пощипать травки, а Рррр и Гиппо трусили сзади. Гиппо сиял от счастья, потому что Тучка-Невеличка плыла как раз над ним и поливала его дождем. Не кого-нибудь, а именно его, Гиппо. А всем известно, что гиппопотамы любят дождь не меньше, чем утки и тигры.

На детской площадке было много разных качелей и

горка, чтобы кататься. По одну сторону площадки стояла высокая стена. Такая высокая, что заглянуть через нее было невозможно.

— А я вот могу заглянуть через нее! — похвастал Стыдись.— Мы с Гиппо придумали такую игру. Смотрите!

Он снял с себя черный плащ, свернул его и положил на один конец доски вместо подушки, а потом сам сел. Гиппо подошел к другому концу доски и с размаху плюхнулся на нее.

Стыдись подлетел высоко-высоко, так высоко, что ему удалось заглянуть через стену.

— Ай да я! — закричал он.— Я вижу Лошадь! Она идет к нам.

Они довольно долго играли в эту игру, потом Рррр тоже захотел покачаться.

Вверх-вниз! Вверх-вниз!

— Стой! — вдруг закричал Рррр.— Сюда идут Нельзя и Несмей! У них в руках что-то, не разгляжу что.

— Ну, тогда я бегу и прячусь,— испугался Стыдись.— Бежим, Гиппо!

— Только сначала, Гиппо, сядь, пожалуйста, на этот конец доски,— попросил Рррр.— Я хочу посмотреть, что у них в руках.

Гиппо плюхнулся на качели, и Рррр подлетел в воздух.

— Так что же у них? — спросил дядюшка Тик-Так.

Но тут напуганный Стыдись вскочил верхом на Гиппо и поскакал прочь.

— Что там, Рррр? — спросил дядюшка Тик-Так.

— Фарфоровая Собачка! — закричал Рррр.— Они украли Фарфоровую Собачку.

Глава восемнадцатая

погоня

Дядюшка Тик-Так долго не раздумывал.

— Живо! — скомандовал он.— Лошадь, скачи к лодке, проверь, цела ли Рябая Курочка. Тучка, смотри за Лошадью. А мы с тобой, Рррр, сейчас за вреднюгами не погонимся, не то они еще что-нибудь сделают Фарфоровой Собачке. К тому же скоро стемнеет, и мы все равно потеряем их из виду. Поэтому ты оставайся здесь и позволь им схватить тебя. Ты притворись, что поранил лапу. А я привяжу к твоему хвосту шерстяную нитку... так...

И дядюшка Тик-Так вытянул из рукава своего старого шерстяного свитера длинную нитку. Рррр побежал к деревьям, а дядюшка Тик-Так поднял руку, и нитка побежала заРррром.

— Я буду держаться за нитку и не потеряю тебя даже в темноте,— сказал дядюшка Тик-Так.

Когда вреднюги приблизились, Рррр поджал под себя лапу, как будто она болит.

— Ой-ой-ой! — заскулил он.— Бедная моя лапа, как я теперь буду бегать? Уууууу!

— Фью! — свистнул Нельзя, который нес Фарфоровую Собачку.— Да это тот самый противный тигр. Поранил лапу. Теперь мы его поймаем. Ха-ха! А ну-ка, держи!

И он бросил Несмею пустой мешок. Несмей подкрался к Ррррру сзади, раз! — и набросил мешок тигру на голову.

— Поймали! — завопил он.— Ха-ха-ха! — И завязал мешок потуже, а Рррр притворился, что борется с ним.

Шерстяной нитки, привязанной к хвосту Рррра, вреднюга не заметил, дядюшку Тик-Так, спрятавшегося на детской площадке, тоже.

Затем вреднюги помчались дальше.

— Ух, какой тяжелый тигр,— пожаловался Несмей.

— Перестань ворчать, лучше поторопись,— сказал Нельзя.— Ой! — Это Фарфоровая Собачка куснула его.

Пришлось остановиться и сделать ей намордник из веревки.

Шерстяная нитка на рукаве у дядюшки Тик-Так вся уже размоталась, теперь начал распускаться ворот, и, чтобы нитка не запуталась, дядюшка Тик-Так вертелся, как волчок, вслед за ниткой. Вертелся и вертелся, пока свитер весь не распустился. Тогда он взялся за конец нитки и пошел, куда она повела. Вдруг нитка ослабела. «То ли оборвалась, то ли отвязалась от хвоста Рррра, то ли они пришли, куда шли»,— не знал, что и думать, дядюшка Тик-Так.

Он привязал конец нитки к дереву, чтобы легче было найти дорогу назад, и, держась за нитку, пошел дальше.

Но скоро стало совсем темно, и ему пришлось подождать, пока взойдет луна. При лунном свете было виднее идти.

Наконец в самой гуще леса он увидел дом. В окошке верхнего этажа горел свет, но, пока дядюшка Тик-Так смотрел, свет погас. Нитка вела прямо к дому.

Дядюшка Тик-Так подошел поближе. Нитка вела в погреб. Он открыл дверь со сломанной ручкой и без замка

и спустился следом за ниткой на несколько ступенек вниз. Там на полу извивался мешок, перевязанный веревкой.

— Шшшш,— сказал дядюшка Тик-Так.— Это я!

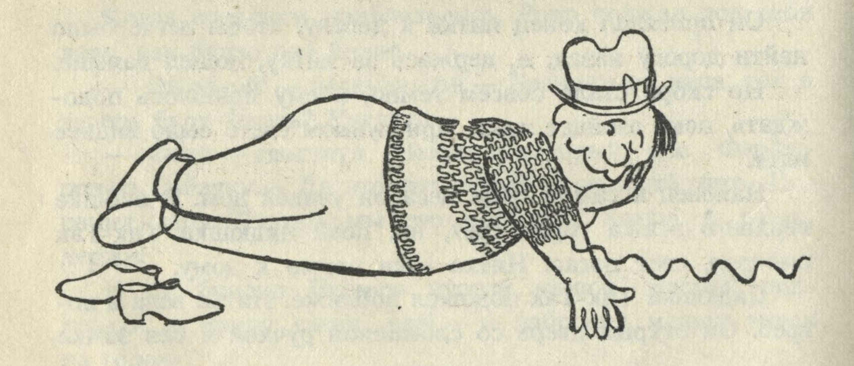
Он развязал мешок.

— Где Фарфоровая Собачка? — шепотом спросил он.

— Наверное, они утащили ее наверх, в спальню,— прошептал Рррр.

— Так-так. Значит надо подняться наверх и поискать собачку там.

Дядюшка Тик-Так выбрался потихоньку из погреба и, оглядевшись, заметил, что окно кухни закрыто неплотно. Он очень осторожно открыл его, потом приподнял Рррра, и тот бесшумно проник в дом, за ним влез сам дядюшка Тик-Так. Он легко нашел лестницу и начал подниматься. А Рррр остался ждать внизу. Было очень темно, и дядюшка Тик-Так чуть не налетел на стул, стоявший на верхней площадке. Дверь спальни была приоткрыта. Он заглянул туда. Луна освещала Нельзя и Несмея, которые спали на

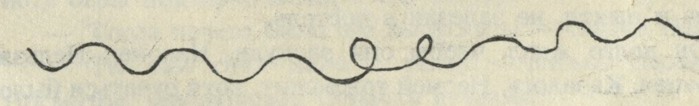

старомодной двуспальной кровати, занимавшей почти всю комнату. А в дальнем конце комнаты на камине стояла Фарфоровая Собачка, привязанная к настенной лампе. Рот ей заткнули кляпом.

«Чтобы до нее добраться, надо лезть через кровать,— подумал дядюшка Тик-Так.— Чего доброго, еще их разбужу. Гм, нет, я сделаю иначе».

Он вышел из спальни, поставил стул на место, у самого края лестницы, и спустился потихоньку вниз.

— Послушай, Рррр,— прошептал он.— Сейчас я опять поднимусь наверх и спрячусь за дверью спальни. А ты оставайся здесь и мяукай, как кошка.

Не успел дядюшка Тик-Так подняться, как услышал:

— Мяу! Мяу!! Мяу!!!

Это замяукал Рррр.

Нельзя проснулся.

— Кажется, внизу мяукает кошка,— удивился он.— Проснись, Несмей!

— Мяу! Мяу!! Мяу!!!

— У, проклятая! Несмей, прогони ее.

Несмей, ворча, встал с постели и начал спускаться с лестницы. Когда он был уже внизу, дядюшка Тик-Так толкнул стул. Стул со стуком и грохотом покатился по ступенькам.

Бух, трах, тарарах!

— О, тысяча чертей! — пробормотал Нельзя.— Кажется, Несмей свалился с лестницы.

Он поднялся, накинул халат и пошел посмотреть.

А дядюшка Тик-Так прошмыгнул в комнату, перелез через кровать и отвязал Фарфоровую Собачку.

— Шшшш! Тише!

Но только он собрался уйти, как вернулись Нельзя и Несмей.

Он присел на корточки и притаился, пока вреднюги, ворча и пыхтя, не залезли в постель.

Он долго ждал, чтобы они заснули. Наконец Нельзя захрапел. Казалось, Несмей тоже спит, хотя ручаться было нельзя.

В открытое окно спальни дядюшка Тик-Так разглядел небольшой балкон, увитый густым плющом. Единственный путь к окну был тоже через кровать. Он сунул Фарфоровую Собачку за пазуху, застегнулся на все пуговицы и начал с великой осторожностью перелезать через кровать.

Вдруг Несмей проснулся и схватил его за ногу.

— Проснись, Нельзя! — позвал он.— Я поймал грабителя!

Не теряя ни секунды, дядюшка Тик-Так наклонился, схватил через простыню ногу Нельзя и сжал ее изо всех сил.

— О-ой! — завопил Нельзя.— Пусти! Ты же схватил мою ногу, дурак!

Несмей выпустил ногу, и дядюшка Тик-Так спрыгнул с кровати, выскочил через окно на балкон и спустился по плющу на землю.

— Рррр, иди сюда,— тихонько позвал он.

Рррр подбежал, и через минуту они вместе с Фарфоровой Собачкой уже спасались бегством через лес, освещенный луной.

А Нельзя потирал себе ногу.

— Оооо! Ууу! Болит-то как! — приговаривал он.— Какого черта ты схватил меня за ногу?

— Это не я, а грабитель! — сказал Несмей.— Твоя нога была под простыней, а его сверху.

— Тогда нечего было его выпускать! — сказал Нельзя.

— Ты сам сбил меня с толку! — сказал Несмей.— Посмотри, Фарфоровая Собачка исчезла!

Нельзя окончательно рассвирепел.

— Ну и лопух ты, Несмей!

— Сам ты лопух! — ответил Нельзя.

Тут от слов они перешли к драке.

Дядюшка Тик-Так, Рррр и Фарфоровая Собачка слышали, как расшумелись вреднюги, но чем дальше они убегали от дома, тем слабее и слабее доносился шум перебранки. Наконец стало совсем тихо. Беглецы выбрались из леса неподалеку от детской площадки, как раз там, где вреднюги поймали Рррра, и сразу нашли дорогу назад к лодке.

И Рябая Курочка, и Лошадь, и Тучка-Невеличка были в целости и сохранности. Уже почти рассвело. Дядюшка Тик-Так смотрел, как потухают на небе звезды. Тучка-Невеличка, как часовой, озирала окрестности.

— Вот мы снова вместе! — сказал дядюшка Тик-Так.

Лошадь стояла на лужайке у стога сена и совсем уже клевала носом.

— Давайте-ка поспим часок-другой, а там уже будет утро,— предложил дядюшка Тик-Так.

И все улеглись, закрыли глаза и крепко уснули.

Глава девятнадцатая

снова дома

Дядюшка Тик-Так проснулся первым. И увидел у самого берега Стыдись, который шлепал ногами по воде. Он то и дело оглядывался и похохатывал. Заметив, что дядюшка Тик-Так проснулся, он с шумом и брызгами поплыл к лодке. Дядюшка Тик-Так крепко обнял его.

— А где твой Гиппо? — спросил он.

Стыдись обернулся и показал.

Далеко-далеко они увидели две бегущие фигуры в черных плащах, за которыми по пятам гнался Гиппо.

— Да, больше они к тебе приставать не будут,— сказал дядюшка Тик-Так.— Поедем с нами, Стыдись! Лезь в лодку.

— А Гиппо тоже можно? — спросил Стыдись.

— Пожалуй, в лодке он не поместится,— подумав, ответил дядюшка Тик-Так.— Ты не хочешь с ним расставаться, да?

— Конечно,— ответил Стыдись.— Но я знаю, где ты живешь, и мы как-нибудь придем к тебе в гости. Когда вы собираетесь домой?

— Сначала мы должны найти конец радуги,— сказал дядюшка Тик-Так.

Стыдись удивился.

— Разве ты не знаешь, радуга там же, где тучка. Когда Тучка-Невеличка поливает дождем и в это время светит солнце, все видят радугу. Это Тучка-Невеличка сияет радугой.

— Ой, какой же я чудак! — сказал дядюшка Тик-Так.— Мы ищем радугу, а она все время была рядом. И нам даже в голову это не приходило. Вот почему Грустный император и Толстый король говорили: «Смотрите, радуга!» Они ее видели, как раз когда Тучка-Невеличка поливала землю дождем.— И дядюшка Тик-Так рассмеялся.

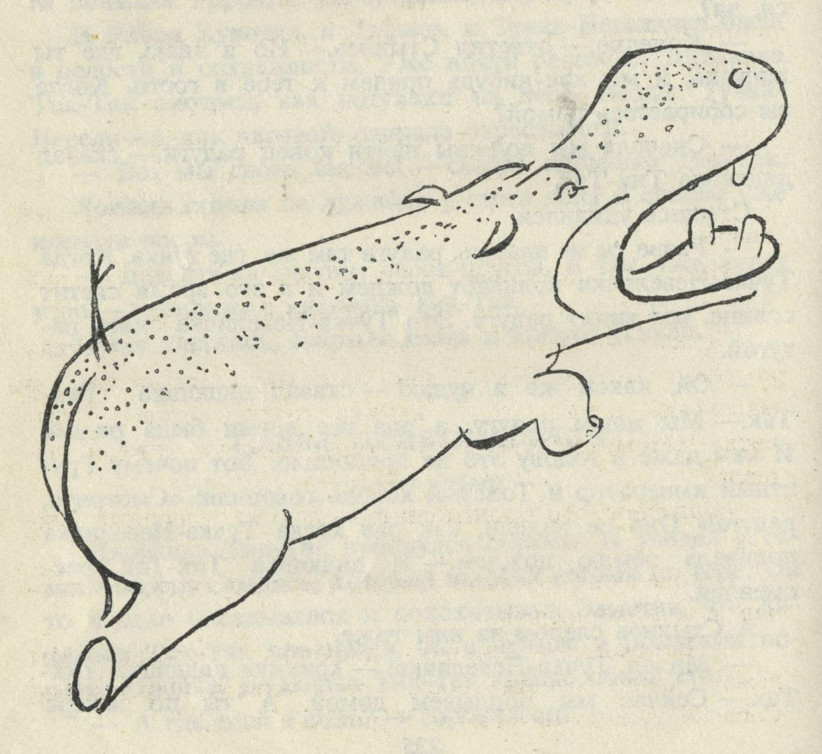
А Стыдись следом за ним тоже.

— Милая Тучка-Невеличка! — крикнул дядюшка Тик-Так.— Сейчас мы поплывем домой. А ты до вечера

оставайся здесь и, когда солнце будет садиться, полей землю, чтобы

В каплях дождя вдали
Конец радуги мы нашли.

Я расскажу Рррру и всем-всем про тебя, а когда ты вернешься, полей наш сад, чтобы мы знали, что ты вернулась. До скорого, Тучка-Невеличка! До скорого, Стыдись!

Тучка-Невеличка была очень довольна: она-то знала, где конец радуги, и ей очень хотелось, чтобы другие тоже догадались.

Дядюшка Тик-Так взялся за весла и стал грести вверх по реке не торопясь, потихоньку, чтобы никого не разбудить. На берегу мимо него снова проплывали и сад Султана, и замок Толстого короля, и императорский дворец.

Императрица гуляла в саду, и дядюшка Тик-Так приподнял шляпу и послал ей воздушный поцелуй.

Лодка миновала то место, где они встретили вреднюг. Потом Реку Слов, и страну Арифметику, и маленький домик, где у камина грелись буквы Алфавита. Потом высокую серую гору, которая тяжело дышала.

«Наверное, это Бронти спит»,— подумал дядюшка Тик-Так.

Наконец они прибыли домой. Лодка стукнулась о причал, и все проснулись.

— Вставайте! — крикнул дядюшка Тик-Так.— Мы дома! Пошли готовить обед. Рррр, захвати Фарфоровую Собачку. А я возьму Рябую Курочку и часы.

Глава двадцатая

в которой Рррр стал таким, как был

После обеда Рррр спросил:

— А как ты собираешься сделать меня таким, как я был?

— Очень просто,— ответил дядюшка Тик-Так.— Чтобы стать меньше, ты принял ВАННУ. Ну а теперь, чтобы стать больше, ты примешь УННАВ. Поднимись наверх, в ванную комнату. Хол и Гор тебе помогут.

— А можно, Фарфоровая Собачка тоже пойдет?

— Конечно! И Рябая Курочка. Позови-ка ее. И Лошадь, если она уже здесь. А Фарфоровую Собачку я сам отнесу.

Дядюшка Тик-Так подхватил собачку и пошел наверх.

— Вы знаете, что вам надо делать? — спросил он Хола и Гора.— Наполните, пожалуйста, ванну, а когда Рррр сядет в нее, мы вынем затычку и, пока вода вытечет, Гор расскажет ему УКЗАКС.

— УКЗАКС? — переспросил Хол.— А что это такое?

— Укзакс — значит сказку наоборот,— ответил дядюшка Тик-Так.— Ты же помнишь, как Рррр лежал в ванне, пока туда наливалась вода, и Гор рассказывал ему сказку? И Рррр стал меньше. А теперь он примет уннав, и, пока вода будет выливаться, ты расскажешь ему укзакс, и он станет больше. Понял?

— Вот смех! — сказал Гор.— Хол, помоги мне придумать укзакс.

— Да ты придумываешь гораздо лучше меня,— сказал Хол.

— Сказку, но не укзакс,— сказал Гор.— Сказку наоборот я не умею.

— Ладно, помогу.

Дядюшка Тик-Так отошел к окну, чтобы позвать Рррра. А Гор и Хол шептались за его спиной, придумывая сказку наоборот.

— Дядюшка Тик-Так! — крикнул Рррр.— Рябая Курочка говорит, что ей некогда, она должна склевать все крошки, а потом хочет снести яичко тебе на ужин. Можно ей не ходить?

— Можно! — ответил дядюшка Тик-Так.

— А Лошадь придет, когда досмотрит сны.

— Хорошо, Рррр! Иди сюда.

Рррр, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, поднялся наверх. Гор и Хол уже почти наполнили ванну до краев. Дядюшка Тик-Так вынул затычку, и Рррр сел в ванну.

— Ты вынул затычку, чтобы я принял не ванну, а уннав, да?

— Не совсем так, Рррр,— сказал дядюшка Тик-Так.— Когда Гор и Хол начнут рассказывать тебе укзакс, ты будешь расти и расти и вода может политься через край на пол — ВОТ почему я вынул затычку.

— Сказка называется «Медведя Три и Лютик»,— сказал Гор.

— Совершенно верно! — поддакнул Хол.— «Медведя Три и Лютик».

И Гор начал:

— Лютик ее звали и девочка маленькая свете на жила-была.

— Помогает,— обрадовался Хол.— Ты рассказываешь задом наперед, и он стал уже чуть больше! — Хол так разволновался, что начал рассказывать дальше сам: — ...и однажды она пошла в лес погулять. И пришла к маленькому домику...

— Ой, Хол, что ты делаешь! — воскликнул Гор.— Надо задом наперед. Взгляни на Рррра, он опять сел. И Гор быстро-быстро продолжил:— Троих на накрытый стол там увидела и домику маленькому к пришла и... Ух!

— А теперь вы сделали его СЛИШКОМ большим,— сказал дядюшка Тик-Так.

Рррр вырос больше ванны, и вода уже лилась на пол.

— Расскажите ему дальше по-обычному и, когда он станет каким надо, остановитесь.

— Сию минуту! — сказал Гор.— Не сердись, Рррр!

— На столе стояли три миски с овсяной кашей...

— Хи-хи, ты забыл про стулья,— прервал его Хол.

— Ах да, стулья! За столом стоял один большущий стул, другой — средний, а третий... Караул! Рррр опять сел! Ну какой же я глупый кран! Надо ведь было, чтобы он только чуть-чуть сел! Сейчас, я мигом... стульчик крохотный и кашей овсяной с тарелки три стояли столе на большущем...

— Помогите! — запищал Рррр, который был теперь не больше игрушечного мишки.

— Прости меня,— прошептал Гор.— Хол, рассказывай ты.— Гору было очень стыдно.

— Ах ты мой малышка! — сказал дядюшка Тик-Так Рррру.

Хол продолжал рассказывать задом наперед, пока не дошел до слов папы-медведя:

?КРОВАТИ МОЕЙ НА СПАЛ КТО

Тут Рррр стал таким, как надо, и высунул одну ногу из ванны.

— Подождите, пока я не вылезу! — закричал он.

Он вылез из ванны, и тогда стал рассказывать Гор:

— ...и мама-медведица сказала: «Кто спал на моей кровати?»

В это время Фарфоровая Собачка выскользнула у дядюшки Тик-Так из рук и с плеском упала в ванну, где уже почти не осталось воды. Гор спешил закончить свою сказку:

— ...и крошка-медвежонок сказал: «Кто спал на моей кровати и сейчас в ней спит?» В это самое время девочка Лютик проснулась и...

Ой, Фарфоровая Собачка сделалась совсем малюсенькая и проскользнула в дырочку!

— Как же мы теперь ее спасем? — разволновался Рррр.

— Все будет в порядке! — успокоил его дядюшка Тик-Так.— Сейчас что-нибудь придумаем. Трубы из ванны проходят через кухню во двор, а там решетка. Поэтому... кто это?

На лестнице послышался громкий топот.

Топ! Топ! Топ! Топ!

— Лошадь! — обрадовался Рррр и распахнул дверь.

Лошадь сунула голову в ванную комнату, и все увидели у нее в зубах крошечную Фарфоровую Собачку, которую она держала с величайшей осторожностью.

— Положите ее скорей в ванну,— сказал дядюшка Тик-Так,— и пусть Гор расскажет ей сказку, чтобы она

подросла. Только задом наперед, слышишь, Гор? И тут же остановись, когда она сделается, какой была.

Гор продолжал рассказывать, не сводя с собачки глаз:

— Окна из выпрыгнула и медведей увидела...— Он остановился: собачка как раз сделалась какой была.

— Фарфоровая Собачка! — Обрадованный дядюшка Тик-Так прижал ее к груди.— Все в порядке, никаких трещин, никаких царапин. Мы так рады, что ты цела, Фарфоровая Собачка!

— Пожалуйста, разрешите нам кончить сказку,— попросил Гор.

— Конечно,— сказал дядюшка Тик-Так,— только почему бы вам не закончить ее вместе?

Гор поглядел на Хола:

— Попробуем?

— Давай,— сказал Хол.— Ты скажешь: «Раз, два, три»,— и мы начнем. Только чур я задом наперед!

— Ладно,— согласился Гор.

— Раз,

два,

три,—

и побежала домой

домой побежала и

Конец!!!

!!!ценоК

— Большое спасибо, Гор и Хол,— сказал дядюшка Тик-Так.— Так приятно, что Рррр опять стал настоящим тигром! — Он погладил Рррра, и Рррр заурчал в ответ.

— А теперь моя очередь рассказывать сказку,— сказал дядюшка Тик-Так.— Только здесь чересчур тесно. Лошадь, ты почти всю комнату заняла. Сядь-ка лучше в ванну. Влезай, не бойся, меньше не станешь, я обещаю.

— Это не ты, а мы обещаем! — сказали Хол и Гор вместе.

Лошадь влезла в ванну, а краны пустили немножко воды, чтобы ей было теплей.

— Тебе удобно?

Лошадь кивнула.

— Тогда я начинаю.

Глава двадцать первая

конец радуги

— Жила-была на небе Радуга. Однажды она подумала: «Вот бы посмотреть, как живут люди и звери на земле! Я знаю, что надо сделать. Поднимусь-ка я по Реке Времени. Это будет славное мер... мер... пр... приключение».

— Радуга, наверно, хотела сказать мер... мер...

— Мероприятие, Рррр?

— Да.

— Скорей всего.

— Только не знала слова, да? А я знаю — мероприятие.

— Верно, Рррр. Да, так вот... отправилась Радуга в путь. Первое, что она увидела, была лодка, а в лодке — тигр.

Совсем небольшой тигр. «Должно быть, он такой после ванны»,— подумала Радуга.

— Это про меня! — сказал Рррр.— Я принял ванну и сел.

— Еще в лодке был человек.

— Это ты?

— Да, и еще Рябая Курочка и Фарфоровая Собачка.

— Это...

— Не перебивай, Рррр. Радуга поплыла дальше и увидела на лугу Лошадь.

— Нашу Лошадь?

— Да. А потом мимо проехал поезд с кенгуру на крыше вагона. Радуга плыла все дальше и дальше и наконец увидела две крадущиеся фигуры в черном.

«Фу!» — сказал один.

«Брысь!» — сказал другой.

«Стыдись!» — сказала им Радуга.

— Неверно! — сказал Рррр.— Стыдись совсем не похож на вреднюг! Стыдись хороший, я с ним дружу.

— Фарфоровая Собачка, а ты помнишь, как звали вреднюг? — спросил дядюшка Тик-Так.

— Гав! — ответила Фарфоровая Собачка.— Нельзя!

— Верно! А второго?

— Гав-гав-гав-гав! — пролаяла Фарфоровая Собачка.— Четыре часа.

— Нет, ты забыла. Второго звали Несмей! А потом Радуга приплыла к прекрасному дворцу. В окно она увидела, что на троне сидит Султан, а на ручке трона — маленький мышонок, и он ест сыр.

— Это был Диккери?

— Ну да, Рррр, конечно, Диккери.

«Неплохо было бы поговорить с этим мышонком»,— подумала Радуга и приблизилась к входной двери.

Но тут дверь открылась, и три девушки закричали с порога:

«До свиданья, до свиданья, до свиданья, дорогая Радуга!»

«До свиданья?.. До свиданья! — сказала Радуга.— Что ж, наверное, мне и в самом деле лучше здесь не задерживаться».

Когда она покинула дворец, день уже кончался. Но заходящее солнце еще светило и люди, жившие на берегу реки, увидели радугу, перекинувшуюся через весь небосклон. В домах замигали первые огоньки, и, как только солнце село, радуга погасла. Но прежде чем совсем погаснуть, она заглянула в окошко одного домика и увидела человека, который сидел в ванной комнате и рассказывал сказку тигру, Фарфоровой Собачке, Лошади и двум очень красивым кранам.

Гор хихикнул.

— Тише! — сказал Хол.— Пожалуйста, рассказывай дальше.

Но в эту минуту на блестящих кранах отразился кусочек неба, и ванная комната засияла всеми цветами радуги.

— Радуга! — воскликнул дядюшка Тик-Так.

Рррр попробывал лапами поймать ее цветные полоски.

— Здравствуй, Радуга! — сказал дядюшка Тик-Так.—

Как поживаешь? А я только что рассказывал про тебя сказку. Оставайся с нами ужинать!

Но не успел он это сказать, как радуга начала бледнеть, бледнеть и совсем погасла.

— Вот вам и конец радуги,— сказал дядюшка Тик-Так.— И сказке моей конец! А теперь давайте вытрем Лошадь, а потом посидим все вместе у камина.

Они насухо вытерли Лошадь и спустились вниз. Вдруг послышался стук в дверь. Рррр побежал открывать.

— Это Стыдись! — закричал он.— И Гиппопотам! Заходите, заходите!

Все кинулись обнимать гостей. Потом вернулись и расселись перед камином. Конечно, было тесновато: и Лошадь, и Гиппопотам, и Рррр — а он ведь стал опять настоящим большим тигром! Но в тесноте да не в обиде: все были довольны и весело болтали.

Немного погодя они услышали шум дождя.

Дядюшка Тик-Так подошел к окну.

— Это Тучка-Невеличка! — сказал он.— Она вернулась домой.

Скоро дождь перестал, и тут с заднего двора донеслось:

— Ко-ко-ко-ко-ко-ко!

Рябая Курочка снесла для дядюшки Тик-Так яичко.

— Спасибо, Рябая Курочка! — крикнул он ей.

Потом подошел к телефону и набрал номер ВБЖ 1234.

— Мое Воображение? — спросил он.

— Да! — ответили в трубке.— Ну как, славное было мероприятие?

— Очень, спасибо большое! А у нас в гостях была радуга.

— Я так и думало,— сказало Воображение.

— Рябая Курочка и Фарфоровая Собачка, Лошадь, Тучка-Невеличка, Гор, Хол, Стыдись, Гиппо и Рррр —

все-все шлют тебе самый горячий привет. Да, ведь это Тучка-Невеличка сияла радугой!

— Подумать только! — сказало Воображение.— А я-то полагало, что, быть может... может... может... ну, в общем, передай всем тоже мой самый горячий привет. До свиданья!

— Передам! — сказал дядюшка Тик-Так.— До свиданья!

Он вышел во двор за яичком, которое снесла для него Рябая Курочка.

— О, желтенькое! — обрадовался он.— Вот спасибо.

И пошел ужинать.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

ШШШШШШ!

ЖУК-ФИЛОСОФ И ДРУГИЕ

КУКАРЕКУ И СОЛНЦЕ

ПОД КОВРОМ

ЗАБЫТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЯДЮШКИ ТИК-ТАК

Повесть-сказка

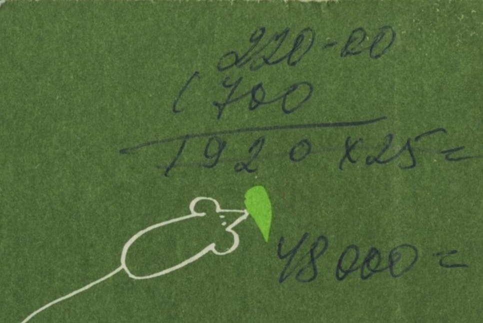
Биссет Дональд

Б65 Все кувырком: Сказки/Пер. с англ. Н. Шерешевской.— М.: Республика, 1993.— 254с.: ил.
ISBN 5—250—02345—2

Тигренок Бинки, у которого исчезли полоски, и крякающий Почтовый ящик, Паровоз и даже целый Вокзал, который не стоял на месте, Король и вполне современная Девочка — все эти герои рождены фантазией замечательного английского актера, художника, писателя Дональда Биссета, нашего современника. Его добрые сказки, собранные в книге «Все кувырком», легко читаются вслух. А их выразительность и лаконизм подчеркивают иллюстрации художника В. Алексеева.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Б $\frac{4804000000—039}{079(02)—93}$ ББК 84.4Вл

Конец

Zelentsova
Z e l e n t s o v a   n

□ □
□ „ħЊ □Ъ□ ЊħЊ □Ъ□ ЁħЊ □Ъ□ ДħЊ □Ъ□ aħЊ □Ъ□ иħЊ □Ъ□ □џЊ □Ъ□ □џ